

Владимир Великий

Бабые лето

Владимир Великий

Бабье лето

Роман

Героиня книги Олеся Астахова жила в довольно трудное для нее время. Огромная страна под названием СССР в одночасье развалилась. Ушли в небытие духовные ценности, идеалы, с которыми жили ее предки. Молодая девушка, несмотря на имеющиеся трудности, делала все возможное в поисках счастливой жизни. Симпатичная блондинка ищет своего избранника в Германии. Она исполняла наказ своего деда Владимира...

Как это происходило, читатель узнает после прочтения поистине крайне увлекательного, интересного романа...

Издание первое.

Печатается в авторской редакции.

Сей труд посвящаю жителям деревни Драгунка, моей малой родине...

Владимир Великий

С о д е р ж а н и е

Глава первая. Чужие люди.....	6
Глава вторая. Снег разлуки.....	23
Глава третья. В поисках жениха.....	38
Глава четвертая. Откуда ты приехал?!.....	66
Глава пятая. Поздняя любовь.....	119

Глава первая. *Чужие люди.*

Солнце близилось к закату, когда тамада, слегка закатив глаза кверху, с некоторым пафосом громко произнес:

— Мои дорогие друзья, уважаемые гости... Поздравить нашего юбиляра пришла его мама, Татьяна ...

Молодой человек, который был высокого роста и с копной черных волос, несколько отступил от впереди стоявшего перед ним стула, затем громко икнул то ли от появления неожиданной гостьи, то ли от выпитого или скушанного. И опять непонятно почему, резко развернулся и засеменил навстречу пожилой женщине. Дама приятной внешности очень осторожно вступила на асфальтированное покрытие просторного двора, и попав в объектив десятков глаз незнакомых людей, несколько смутилась. Смутилась только на одно мгновение. Затем она широко улыбнулась и уверенно двинулась навстречу тамаде. Он взял ее под руку и под аплодисменты присутствующих повел ее к большому креслу, где восседал виновник торжества, ее сын. Она слегка наклонилась и поцеловала его в щечку. Денису в этот августовский день исполнилось тридцать лет.

Появление матери именинника на какой-то миг оживило участников торжества. Их насчитывалось около двух десятков, не больше. В подавляющем большинстве это были молодые люди, парни и девушки. Они, словно сговорившись, почти одновременно приподнялись и в один голос прокричали:

— За здоровье мамы именинника... — Потом, уже почти нараспев, продолжили. — Пьем до дна, пьем до дна...

Женщина, на которой была кофта голубокого цвета и широкая черная юбка, не заставила гостей долго себя ждать. Она привстала из-за стола и еле слышно произнесла:

— За тебя, Денис, за тебя, сынок ...

Затем высоко приподняла руку, в которой был небольшой бокал с водкой, повернулась к молодым людям и с некоторым придыханием в голосе произнесла:

— За моего сына... Здоровья ему, личного и семейного счастья... — И тут же опрокинула бесцветную жидкость в свой рот. Ее примеру последовали все гости.

За здоровье юбиляра выпили все. За исключением седовласого мужчины, который сидел на самом краешке большой скамьи. Он сидел очень смиренно, словно его околдовали. Если кто-то из участников торжества и бросал взгляд в его сторону, то не считал его чужим или посторонним человеком. Все до единого знали, что его звали Владимиром, и то, что он был отцом молодого симпатичного парня, который сидел в огромном кожаном кресле. Над его головой слегка трепыхался розовый надувной шар, на котором было белыми буквами написано: «Нашему юбиляру». Друзья Дениса знали и то, что отец первым произнес тост за своего любимого сына.

Одновременно из них мало кто знал или даже понимал, почему появление женщины с короткой стрижкой на голове в прямом смысле вышибло мужчину из установившихся правил или устоев, сценариев торжественного мероприятия, которые сложились за все время существования человечества.

Седоволосый мужчина резко приподнял голову и бросил взгляд в сторону женщины, которая о чем-то болтала с его сыном. И на несколько мгновений задержал на ней свой взгляд. Затем неспеша «прошелся» по молодым людям, сидевших напротив. Опустил голову и его сердце невольно не то от страха или от нечто другого тревожно екнуло. Он в сей миг еще до конца не понимал и не представлял, как годы изменяли внешний вид человека, будь это мужчина или женщина. Ведь те, с кем он делил сегодняшнее торжество, были так молоды и красивы. И его первая любовь Таня, Танечка была также молодой и красивой. Нет, еще раз нет, она была самой красивой на этой земле...

При этой мысли мужчина стиснул зубы и незаметно покинул шумную компанию. Неспеша вышел на улицу и по узкой тропинке направился к пригорку, который находился неподалеку в от проезжей части дороги. Сначала присел, затем прилег на спину и закрыл глаза. Невольно окунулся в свое прошлое...

Первокурсник Омского высшего командного общевойскового училища имени М. В. Фрунзе Владимир Астахов познакомился со студенткой сельскохозяйственного института Татьяной Бакулиной на железнодорожном вокзале г. Омска, областного центра.

Было первое воскресенье сентября. Стояла теплая погода. На земле Омского Прииртышья царствовало настоящее бабье лето. Ясный теплый день ранней осени стал причиной необычного скопления народа. Разноликая толпа гудела, словно разбуженный муравейник. Десятки людей, издававшие однотонный звук, что на деле означало галдеж, скопились на привокзальной площади ради своих личных интересов. Одни ехали отдохнуть на лоне природы, другие рвались в лес, надеясь запастись сибирскими грибами, которых этой осенью было хоть пруд-пруди. Немало было и тех, кто ехал по делам. К этой категории относились и молодые люди, первокурсники.

Астахов, едва электропоезд притормозил, один из первых ринулся в вагон, что, без всякого сомнения, нарушало всевозможные этикетки поведения для военных, о которых новоиспеченным курсантам почти каждый день говорил командир батальона подполковник Седов. Молодой человек с красными погонами на плечах, словно исполин с мечом, отметал в сторону бабушек и дедушек, которые с корзинами, а кто и с ведрами, почему-то страшно медленно преодолевали подножки вагона и почему-то неспеша двигались к еще не занятым сиденьям.

Владимир быстро бросил на противоположное сиденье фуражку с красным околышем, затем резко открыл окно и, высунув наружу голову, сильно прокричал в сторону понуро стоявшей девушке:

— Татьяна! Не плачь, я тебе здесь место забил... Иди, а то тебе, наверное, далеко ехать...

Молодая симпатичная девушка с длинной косой улыбнулась и, слегка помахав рукой в сторону незнакомого ей военнослужащего, с радостью прошептала:

— Спасибо, товарищ курсант, спасибо...

Бакулина вошла в вагон одной из последних, которыми были две пожилые особы. Замедлял движение старушек их вес. Они были до того толстыми и неуклюжими, что то и дело своими плечами касались пассажиров, сидевших на «обочине», у проходов. Едва девушка опустилась на сиденье и слегка вытянула свои стройные ноги в сторону военного, Астахов привстал и окинул взглядом вагон. Все сидели, в проходе никто не стоял. Он улыбнулся и опустился вниз. Уступать место никому не надо.

При этой мысли молодой человек вновь улыбнулся и загадочно устремил свой взгляд в сторону красивой незнакомки. Она и на самом деле было красивой. Милое человеческое создание, одетое в полиэтиленовый плащ коричневого цвета, также лукаво рассматривало своего неожиданного донжуана. Оно не скрывало, что молодой парень, одетый в военную форму, ей нравился. Бакулина неожиданно для себя улыбнулась, когда в ее голове появились две подспудные сентиментальные мысли. Незнакомец был симпатичным парнем, красивой была и его форма...

Девушка неспеша поправила рукой свои каштановые волосы, свисавшие на ее прямой лоб, и первой нарушила кратковременное молчание. Она широко улыбнулась, оскалив при этом два ряда красивых белоснежных зубов, и с некоторым удивлением произнесла:

— Товарищ курсант, скажите пожалуйста, как ты узнал мое имя... — Потом приподняла руки, и поставив их перед своей физиономией, с загадочным выражением лица прошептала. — А ты, случайно, не Вольф Мессинг...?

Астахов неслыханно обрадовался, когда незнакомка с длинной косой первой начала разговор, при том его начало было, как ему показалось, слишком оптимистичным, обнадеживающим. Владимир за все десять лет пребывания в

школе, очень редко общался с девчонками. Мало того, он их даже сторонился. Даже на выпускном вечере он ни с кем из девушек не танцевал. Не говоря уже о чем-то другом. На этот раз его прорвало. От неожиданного внимания к своей персоне он слегка потер ладони своих рук и, словно заводной, протараторил:

— Нет, нет, я не великий телепат... Я не передаю мысли и чувства на расстояние... Я, честное слово, не обладаю таким божим даром...

Затем он окинул взглядом мужчину, сидевшего рядом с ним на одном сиденьи. Он и его сосед напротив то и дело стреляли глазами по молодой парочке. В том, что тип с короткими жесткими волосами на небритом лице, был пьянчуга, курсант нисколько не сомневался. Подобных в Омске было десятки, а то и сотни.

Астахов слегка сморщился от неприятного запаха, исходившего от соседа, затем наклонился к своей спутнице и с улыбкой произнес:

— Я еще в школе читал сказку о Татьяне, она была самой красивой... — При этом слегка покраснел. Сказок о подобной девушке он не читал, рассказов также. Одним словом, приврал для красного словца.

Симпатичная шатенка в ответ на этот раз ничего не сказала. Она широко улыбнулась и слегка прикоснулась головой к окну. На ее душе было очень спокойно и радостно. Почему это чувство пришло так мгновенно, она и сама еще не понимала.

Молодые люди вновь начали разговор лишь после того, как полупьяные мужчины, их соседи по купе совершенно случайно встретили своих знакомых собутыльников и перешли в другой вагон. Парень с очень короткой стрижкой на голове и девушка с длинной косой вышли на остановке «600-й километр». Молодой джентльмен проводил еще малознакомую ему девушку до ее дома. У своих родителей он оказался лишь через шесть часов. В г. Называевск он приехал очередным электропоездом, он шел из Омска.

Четыре года учебы для Астахова пролетели почти незаметно. Да и следить за временем у него не было возможности. Курсантская жизнь была очень напряженной. Занятия, наряды, парады, всевозможные тренировки начисто отнимали свободное время молодого человека. Не было его и у его подруги. Таня училась только на хорошо и отлично. После окончания вуза молодая агрономша получила право сама выбирать себе место работы или учебы. Желание поступить в сельскохозяйственную академию в Москве, к ее сожалению, осталось на бумаге. Она долго колебалась, прежде чем решила заключить брак с лейтенантом Астаховым. У офицера был для этого большой плюс, его направили служить в ГДР, в группу советских войск в Германии. Хотя жених с офицерскими погонами на плечах ей почему-то не очень нравился...

У лейтенанта Астахова уже в первые дни совместной жизни появилась тревожная мысль в искренности отношений жены к его собственной персоне. В этом он убедился, как только она вступила на немецкую землю. Буквально через

пару недель молодые супруги повздорили, поссорились. Причиной этому стала воинская служба мужа. Астахов не обманывал себя. Свободного времени для жены, так и для посещения немецких магазинов, у него не было. Командир отличного взвода очень мало находился наедине с любимой женщиной. Он почти с раннего утра до позднего вечера пропадал в казарме, обучал и бдил родной личный состав.

Владимир делал это сознательно. Надежного толкача или протече у него не было. Не было его и у его жены. Понимала это, без всякого сомнения, и Татьяна Бакулина. Несмотря на это, она денно и ночью сетовала на то, что она сделала большую ошибку, выйдя замуж за раба в погонах. У подобных Астахову, служба заканчивалась сединой или плешинной, при этом перед уходом на пенсию, они, как правило, получали всего одну небольшую звезду. Нытье супруги и без того подрывало нервную систему молодого мужчины. Он не тешил себя майорскими погонями. Не ради этого он отдавал все свои силы службе и усложнял жизнь любимой женщины.

В одной из ссор боевая подруга вновь напомнила офицеру об его «перспективах». Он не удержался, вспылил. Горячность мужа прибавила жене наглости и смелости. Она напыжилась, как навозный жук, и сквозь зубы процедила:

— Слышай, милый, я нисколько не сомневаюсь в том, что ты всю жизнь будешь ползать среди солдатских коек и ублажать этих идиотов с большими звездами... Я же, я же...

Крашенная блондинка на какой-то миг замолчала, скорее всего, подыскивала в своей голове слова, которыми хотела как можно больнее «укусить» своего мужа. Затем она подбоченилась и почти залпом выдавила из своих уст:

— Я тебе скажу без всяких обиняков... Скажу, как на духу. В Бресте в моем купе был молодой лейтенант, летчик.... Он обещал мне очень многое, что ты, простой служака, никогда в жизни не достигнешь. Ежели бы я не была беременной, то я бы не вышла в Магдебурге...

Астахов не мог больше терпеть подобных умозаключений своей жены. Он стиснул зубы, размахнулся и тут же опустил руку. Едва сдержался, чтобы не ударить свою первую любовь. Затем стремительно вышел из квартиры. Через час он заступал в наряд, начальником караула...

Седовласый мужчина тяжело вздохнул, неспеша открыл глаза и уставился на небо. Пространство над ним все больше и больше покрывалось полутемным одеялом. Несколько тише стало и на автомобильной трассе, соединявшей пригород с центром города. Надвигался вечер, что в какой-то мере оживило воспоминания Астахова.

В недалеком прошлом жительница села Свистуново Татьяна Бакулина во многом оказалась права. Старший лейтенант Астахов получил роту только перед самой заменой на «Большую Землю», в СССР. И то на бумаге...

Единственная мотострелковая рота в танковом полку, который дислоцировался в немецком городе Росслау, у «гусениц», так иногда называли танкистов, была нарасхват. Командиры взводов практически не имели возможности контролировать своих подчиненных, которые постоянно были на полигонах или работали на складах. За три года службы Астахова никто из его коллег не получил повышение. Кое-кто из них ударился в пьянку, скорее всего, это был специфический протест.

Лейтенант Астахов, выходец из простой крестьянской семьи, наперекор своей судьбе не сдавался. Причиной этому был его образ жизни. Он воплощал в себе все то, о ком или о чем писали или говорили с трибун. Будь то небольшая подставка для написанной бумажки в ленинской комнате или высокая трибуна во Дворце съездов в Москве. Его взвод три года носил звание отличного взвода. Мало того. Передовой командир в пьянках был не замечен. Был также примерным семьянином.

Имел он и еще один плюс. На партийных собраниях, в отличие от многих офицеров, Астахов не отсиживался, часто выступал. В большинстве своем не по своей инициативе, а по указке секретаря парткома танкового полка майора Петухова. Ему уж больно сильно нравилась дикция молодого коммуниста. Его голос чем-то напоминал голос работника всесоюзного радио Левитана. К тому же подчиненный был недурен собой. Все это вместе и нравилось полковому начальству. В этом Астахов убедился буквально через полгода, как только приехал в часть. Его, как молодого офицера, очень тщательно готовили для выступления на партийном активе самой мощной в мире первой гвардейской танковой армии, который проходил в г. Дрездене. До выступления дело не дошло, но у сибиряка в то время на душе было очень радостно. Через какие-то пару часов его уже заметили! Но, увы, он ошибся. Роту ему не дали ни через год, ни через пять лет. Не помог ему и Иосиф Виссарионович Сталин, в день смерти которого он родился...

Только перед заменой его рекомендовали на должность командира роты, но уже в Союзе. Астахов страшно нервничал, хрен редьки оказался не слаще. В этом он убедился в Сибирском военном округе. Рекомендация, которая никого не обязывала, оказалась в прямом смысле туалетной бумагой. В штабе округа о каком-либо повышении седовласого старшего лейтенанта вообще и речи не вели. После социалистического рая, так довольно часто офицеры называли ГДР, его направили служить в село Топчиха. Сибирская дыра в какой-то мере благоволила Астахову. Через год он получил роту. Прошло еще три года.

Очередных перспектив для седовласого капитана Астахова не было и не ожидалось. «Молодой дед» скрипел зубами, когда о ему подобных в армии говорили, что у них надежды получить большие звезды испарились. Испарились навсегда. Убежала от него и академия, ему было уже тридцать с хвостиком. Астахов и опять, несмотря на трудности армейской жизни и коррупцию в Советской Армии, не сдавался.

Он решил исправить положение. Лично сам напросился в командировку в Афганистан. К выполнению интернационального долга в Демократической Республике Афганистан привлекалось все больше и больше офицеров. Особого рвения у мужчин со звездами сложить свои головы на чужбине или приехать домой калекой, а то и вообще в цинковом гробу не было. Были и исключения. К этой категории, в первую очередь, относились те, кто хотел получить очередную должность или сделать хоть мало-мальскую карьеру. Астахов в какой-то степени опередил события. По информации, что в народе называли слухами, он уже находился в списке для получения цинкового гроба или боевого ордена. Мало того. Он всем своим нутром чувствовал, что его интернациональный долг не за горами.

Маленького роста майор со страшно кривыми ногами и большим животом, представитель многочисленной свиты из штаба дивизии неслыханно обрадовался добровольцу из села Топчиха. Он сначала слегка приободрился, словно петух перед курами, затем полуобняв высокого капитана, повел его в штаб полка. Собеседование было недолгим. Астахов никаких бумаг не подписывал, каких-либо обещаний также не давал. Одно лишь он сказал, что его решение продуманное. Не против ответственного задания и его жена. Единственная дочь решение отца не оспаривала, она ходила в детский садик.

О своей семье офицер солгал. Жену и дочь он уже долгое время не видел. Они расстались еще в аэропорту г. Бреста. Самолет летел через Москву в Омск. После этого много воды утекло. Офицеры пожали друг другу руки и тут же разошлись. Молодой майор направился в офицерскую столовую, имел намерение основательно подкрепиться. Седовласый капитан засеменял в подразделение.

Через месяц Астахов оказался в Кушке, приграничный город с Афганистаном. Каких-либо теплых воспоминаний об этой армейской дыре у него не осталось. И не только у него. «Дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут», - старая поговорка царской, а позже и Советской Армии преследовала целые поколения людей со звездочками, с большими и малыми.

«Карьеристу» поневоле в принципе ничего не понравилось на самой южной точке Советского Союза. Не исключением этому были и жизненные условия, не говоря уже о климате. Все время стояла жара, которая достигала до плюс 40, а порою и до плюс 50 градусов. И то это было в тени. От горячего, сильно нагретого воздуха солдаты нередко теряли сознание. Ночью же стояла страшная духота. Серые, голые сопки вокруг также не прибавляли душевного спокойствия обитателям небольшого военного городка.

Знаменитый Южный Крест, воздвигнутый на самой высокой сопке в 1913 году, в честь 300-летия дома Романовых, историческая достопримечательность армейской дыры, какой-либо радости у коренного сибиряка не вызывала.

Особо отличиться Астахову в сопредельном государстве не удалось. Буквально через год его во время боевого рейда тяжело ранило. Две пули попали в грудь,

перебило левую ногу. Сначала был госпиталь в Кабуле, потом Ташкент, Москва. Выздоровлению помог его молодой организм, жажда жизни...

При этой мысли седовласый мужчина тяжело вздохнул. К его сожалению, успешной карьеры в армии он не сделал. Виной этому был не только он сам, но и его жена. Узнав о том, что очередное место службы мужа какая-то Топчиха, да еще в Сибири, она решительно отказалась ехать к черту на кулички. Он еще в Бресте понял, что после того, как самолет приземлится в аэропорту г. Омска, Татьяна вообще может вычеркнуть его из своей жизни.

Астахов очень тяжело переносил разлуку с женой и дочерью Ларисой, которая родилась в Магдебурге. Он делал все возможное и невозможное для установления контактов с самыми близкими для него людьми. Из Топчихи писал письма, несколько раз заказывал переговоры. Татьяна на его письма не отвечала. Не приходила она и на переговорный пункт. Безразличие жены все больше и больше расшатывало нервную систему Владимира. По этой причине он все больше и больше ударялся в службу. В своей роте он пропадал день и ночь, ночь и день. Два своих законных отпуска он провел у родителей лейтенанта Савкина, своего подчиненного. Они жили в небольшом селе возле озера Байкал. Астахов не поехал в Свистуново, не поехал ни только из-за гордости. Он посчитал, что его визит не прибавит надежд на улучшение семейной жизни. Он нисколько не сомневался, что Татьяна нашла себе другого мужчину. Он уже не верил в ее любовь. Не верил ей никогда...

Татьяна Астахова блудного мужа, которого она не видела более пять лет, восприняла совершенно спокойно. Узнав о том, что раба с погонами на плечах «списали» с военной службы, она в какой-то мере его приласкала. Радовало ее и то, что он стал майором, к тому же привез еще орден Красной Звезды и три медали. Так оценила боевые подвиги мужа его родная партия и советское правительство.

К сожалению, радость смазливой женщины была непродолжительной. В селе Свистуново благоустроенных квартир не было. Каких-либо спецпайков или продуктов питания для офицеров-интернационалистов также не было. Татьяна почти каждый день трындила мужу о необходимости переезда в Омск. Владимир несколько раз пытался это сделать, но не получалось. Чиновники и работники областного военкомата, словно по команде, говорили одно и то же. В городе свободных квартир нет, нет их и для афганцев.

Астаховы прожили в селе два года, которое умирало почти с каждым часом. Пресловутая перестройка все больше и больше делала людей труда нищими и бесправными. Умирало все и вся не только в некогда богатом сибирском селении. Дышала на ладан и целая страна под названием СССР. Неизвестно как долго майор запаса и его семья жили в Свистуново, ежели бы не случай...

Полковник Измайлов, с которым Астахов был в одном отделении курсантов, прибыл на юбилей Омского военного училища. Приехал из Москвы, из Министерства обороны СССР. Кореша встретились, крепко обнялись. Затем по-

русскому обычаю выпили и разговорились. Неудачник поделился своими проблемами. Измайлов без пяти минут генерал обещал помочь. Астахов получил трехкомнатную квартиру через месяц. Все было по закону. Офицер-интернационалист, к тому же инвалид, который имел боевой орден. Мало того. У владельца квартиры кроме жены была взрослая дочь. Супруги ожидали и сына.

Лежачий на пригорке мужчина тяжело вздохнул. К его сожалению, не было у него семейного счастья и на гражданке. В этом он окончательно убедился, когда родился Денис.

Астахов в этот день, как ему казалось, сделал все по-человечески. Жене купил букет роз, врачам большой бисквитный торт. Приехал к родильному дому на «Москвиче», купил его перед тем, как жена оказалась в родильном доме. Купил «горбатого» почти бесплатно у майора в отставке, с которым вместе охраняли стоянку автомашин при гаражном кооперативе. Татьяна, увидев перед собою старую развалюху, сквозь зубы процедила:

— Папаня, ты бы лучше на осле приехал, в лучшем случае, взял такси, чем на этой старой кляче меня встречаешь...

Муж в ответ ничего не произнес. В этот важный момент жизни ему не хотелось ссориться с женой. Он лишь слегка стиснул зубы и очень осторожно открыл дверь машины, затем также осторожно положил сынишку на заднее сиденье. Неспеша завел мотор и выехал из двора. За все время пути до дома он молчал, не проронил ни слова. Все думал. Он сильно переживал, что «напряженка» между ним и женой вновь и вновь набирала обороты. Его надежда на то, что появление сына улучшит супружеские отношения, не оправдалась

В этот день какого-либо семейного торжества у супругов Астаховых в отличие от архибольшинства порядочных людей не было. Под самый вечер у них произошла очередная стычка.

Младенец непонятно почему под вечер стал сильно плакать. Увидев равнодушное выражение мамы, папа взял его на руки и стал очень медленно носить по комнате. Мальчик не унимался. Астахов обратился за помощью к жене. Она в ответ скривила физиономию, взяла ребенка на руки и затем сквозь зубы процедила:

— Ну, козлиное отродье, чего орешь? — Слегка постучав рукой по плечу новорожденного, продолжила. — Знала бы, тебя вообще и не рожала...

После этого сильно заскрипела зубами и опустилась на стул, стоявший неподалеку от кровати. Астахов несколько мгновений внимательно разглядывал свою любимую женщину. Он все еще не понимал, причем здесь козлиное отродье и их совместный сын. Он взял младенца из рук жены, затем осторожно положил его в кроватку. Привстал, на некоторое время замер. Затем почти на цыпочках подошел к сидевшей женщине и со всей силой кулаком ударил ее по лицу. Татьяна не ожидала такой развязки. За годы совместной жизни она неплохо

изучила повадки своего нелюбимого супруга. Как и не скрывала того, что за это время она часто, а может даже и очень часто, доводила его до психоза. Он до сих пор, несмотря на все перипетии, держал себя в норме. Руки не распускал. Женщина вмиг оказалась на полу. Упала и разрыдалась. Плакала так сильно, что Астахову казалось, что ее почти полудикий визг может навредить ребенку. Он схватил жену за обе плечи, и слегка приподняв ее, вынес ее из комнату. Затем плотно прикрыл входную дверь...

Какая по счету была очередная разборка в этот вечер, супруги Астаховы не считали. Они к подобному образу жизни уже привыкли. Привыкла к этому и их старшая дочь Лариса. Она, едва приходила из школы, быстро кушала и мигом скрывалась в своей детской комнате. Учила уроки или читала сказки, которые очень любила. Любовь к ним привил ее папа, который почему-то долгое время отсутствовал. Девочка с большим вниманием слушала отца, и ей порою казалось, что он знал народно-поэтические произведения почти наизусть.

Астахов в своей единственной дочери души не чаял. Любил он и свою жену. Желание иметь сына было его давней мечтой. Он свое желание все откладывал и откладывал. Причиной этому была военная служба. Она не только отнимала у него все свободное время, но и очень серьезно расшатывала его нервную систему. Настораживало его и поведение любимой женщины.

Татьяна и Лариса Астаховы сначала гордились, что муж и отец с честью исполнил интернациональный долг в Афганистане. Особенно гордилась дочь, которая часто и притом очень назойливо просила отца одеть военную форму и выступить в школе. К сожалению, не получалось. Астахов только усмехался, когда Лариса или кое-кто из руководства школы просил его выступить о советских воинах-интернационалистах. Он, как правило, ссылаясь на занятость или нездоровье, отказывал.

Через некоторое время эйфория по интернационалистам исчезла. Причиной этому было все ухудшающееся экономическое положение в стране. Держали язык за зубами и политики, которые все больше и больше, правда, только в определенной мере сожалели о своих промахах во внешней политике. Не исключением этому был и ввод советских войск в Афганистан. Постепенно охладела к отцу-герою и дочь.

Астахов куда раньше понял ошибку кормчих большой страны, поэтому о советском Вьетнаме он рассказывал очень скупно. Не рассказал он и о том, как в одном из боев с душманами спас жизнь молодому лейтенанту, который в прямом смысле искал приключений. Васильев хотел в одном бою уничтожить всех, кто посягал на независимость южного соседа Советского Союза. Не делился он словесно своими мыслями и о многом другом...

Астахов за спины подчиненных во время боевых рейдов не прятался, но и не бравировал, показная храбрость ему была чужда. Чужды были ему и напыщенные речи некоторых интернационалистов. Мало того. Он незаметно для своих родных и близких людей убрал из шифоньера свою военную форму. Не оказалось в

перламутровой коробке медалей и ордена, которая стояла на столе в спальне. Куда это все исчезло никто не знал. Лариса отца или мать об этом не спрашивала, боялась. Не проходило и дня, чтобы ее предки между собою не ссорились...

В дом Владимир Астахов вернулся где-то в полночь. Гостей уже не было. Сын и невестка также уже спали. Абсолютная тишина во дворе, где совсем недавно раздавались голоса молодых людей и музыка, очень обрадовала седовласого мужчину. Безмолвие, жизненное спокойствие всегда импонировало ему во все периоды его жизни. Шумных компаний или гулянок он не любил. Они в какой-то мере нарушали его внутренний мир, который был подвластен только ему и больше никому. Не пускал он в этот мир и своих близких людей. Не исключением этому были его жена и дети. Одновременно он не осуждал и тех, кто организовывал праздники или расслаблялся. Человеку также свойственно выражать свои чувства радости или горести. Без родственников или друзей это невозможно сделать.

Астахов своего сына не видел десять лет. Он с ним простился в г. Омске поздно вечером. Он до сих пор четко помнил этот очень морозный день, когда термометр зашкаливал за тридцать градусов с лишним. Расставание было сухим, даже отчужденным. Мужчины пожали друг другу руки и сразу же разошлись в разные стороны. Никто из них не обернулся, не помахал рукой вслед, когда поезд уходил от перрона железнодорожного вокзала.

Астахов старший уехал в г. Белгород, сын с ним не поехал. Остался в Омске, где он учился. После этого никто из них друг другу не писал и не звонил. Целое десятилетие для них не существовал ни отец, ни сын. Они все эти годы были чужими. Каждый варился в своем собственном соку.

Внезапно глаза седовласого стали влажными. Он не считал себя виноватым в жизненной драме, которая преследовала его, жену и особенно детей все эти годы. Он делал все возможное, чтобы в семье царил покой, взаимопонимание и любовь. Любовь родителей к детям, как и любовь детей к своим родителям, специфическое выражение близости и заботы родных друг о друге, существовали тысячелетия. К сожалению, этого главного, что присуще обществу и что делало его человеческим, цивилизованным, в семье Астаховых и не было. Раньше это происходило, как считал Владимир, по причине его занятости или даже взаимного непонимания. Почему подобное происходило сейчас, он до сих пор не понимал. В этом он убедился сегодня рано утром, едва переступив порог дома своего любимого сына. Мужчины крепко пожали друг другу руки, обнялись и на этом их теплота закончилась. Денис, сославшись на занятость, причиной этому была подготовка к юбилею, взял под руку жену и тут же улетучился.

Астахов осторожно открыл дверь и вошел в комнату, где ему была приготовлена постель. Затем также осторожно приоткрыл дверь и вышел на балкон. Присел на стул и вновь задумался. Он никогда не обманывал себя. Не лгал он себе и сегодня, когда длительное время был наедине. Вывод напрашивался сам собою.

Его личная жизнь, как и семейная, не сложилась. Он, как человек, как мужчина никогда не был счастливым: ни в молодые годы, ни в зрелом возрасте.

Внезапно в голове мужчины появилась потаенная мысль. Скорее всего, она была для него не столько уже и скрытой. Она также не была для него новой или неожиданной. Она витала в его голове многие годы, особенно тогда, когда ему было невыносимо тяжело или больно. И подобное происходило довольно часто.

Первые шаги совместной жизни с Татьяной Бакулиной, которая стала его женой, все больше и больше доказывали, что он совершил роковую ошибку. Каких-либо симпатий он, молодой парень, а позже и зрелый мужчина, у нее не вызывал. Во время стрессов в его голове довольно часто приходили мысли о разводе. Иногда хотелось и совсем другое – побыть наедине. Не видеть ни свою жену, ни своих детей, общение с которыми ему также нередко приносило разочарование. Одиночество ему также претило. Прилежание в армейской службе только на миг отрывало мужчину от родных и близких ему людей. Астахов приходил домой и сразу же подходил к кровати, где мирно сопела его любимая дочь Лариса.

Длительная разлука с женой и дочерью, и особенно пребывание в Афгане, когда его жизнь, как и миллионов ему подобных, каждый час подвергалась смертельной опасности, очень быстро «позолотила» его волосы. Появление мужа с боевыми наградами, и слегка хромавшего, не прибавило любви у его жены. Не улучшило супружеский климат и появление сына. Астахов не сомневался, что Татьяна просто-напросто все эти годы с ним играла. В этом он в очередной раз убедился, когда они получили трехкомнатную квартиру в престижном районе г. Омска. Жена была очень рада этому, но желанием любить мужа или даже ему чем-то помогать она не горела. Не подставила она ему плечо и тогда, когда страна окунулась в омут бесправия, лжи и коррупции.

Во избежания нищеты школьный военрук Астахов рискнул открыть свое дело. Создал малое предприятие «Агрос», стал его директором. Фирма строила дачи и гаражи для жителей города. Просьба Владимира о том, чтобы жена помогала ему вести финансовый учет, осталась без внимания. Татьяна встретила ее в штыхы. Она со злостью посмотрела на мужа и недовольно прошипела:

— Слушай, муженек... Мне твоя бухгалтерия по одному месту...

Удивленная физиономия супруга не изменила ее решение. Она стремительно приблизилась к нему и словно из пушки выпалила. — Мне твоя карьера, как и твои деньги, и на х...й не нужны...

Астахов после этого каких-либо просьб к жене не имел. Он также больше к ней и не прикасался как мужчина. Супруги спали в одной постели, но были совершенно чужими. Через пару месяцев Астахов передал бразды правления своей фирмы знакомому мужчине, живущему в соседнем доме.

Безразличие любимой женщины к своей персоне все больше и больше приводило Астахова к далеко неутешительному выводу. Его первая любовь, как идеальная,

рухнула. Несмотря даже на то, что он все эти годы ее лелеял, даже нянчил, как ребенка. И подобное он делал практически всегда и везде. К сожалению, не получилось. Татьяна не платила за заботу и любовь мужа ничем. Она словно жила в другом мире. Астахов, как муж, как мужчина для нее не существовал.

В том, что его жена, а позже и уже бывшая, была все эти годы чужой, в некоторых жизненных ситуациях даже и врагом, он уже нисколько не сомневался. В связи с этим, он особенно в последнее время, все больше и больше вспомнил о той девушке, которая, как оказалось, многие годы его образ носила в своей душе и сердце. Об этом он совершенно случайно узнал от своей землячки, с которой учился в школе в г. Называевске. Зоя Будникова была на пять лет его младше. После окончания средней школы Астахов поступил в военное училище. Несмотря на небольшую разницу в возрасте, он не заглядывался на «малолеток», даже и на красивых. Хотя не кривил душой, одна из них Галина Соседкина ему очень нравилась. За время учебы он однажды получил письмо, которое было насквозь пропитано ее любовью к нему. Курсант не ответил на письмо девушки. И все эти годы корил себя. Как знать, возможно жизнь повернулась бы и по-иному. Одновременно он и не обманывал себя. Бакулину он любил, любил пылко и без остатка. Делать себе больно и делать больно тому, кого он не мог по-настоящему любить, он не намеревался. Считал это подлостью.

Несколько позже Астахов совершенно случайно встретился с Галиной в Тюмени, когда был в гостях у своего школьного друга. Иван Устинов после окончания Омского автодорожного института оказался в этом городе по распределению. Через пару лет его назначили директором небольшого автотранспортного предприятия. Астахов был удивлен, когда через много лет получил весточку от своего одноклассника, с которым он неплохо корешковал.

В один из летних отпусков он решил к нему съездить. Причиной этому было не столь большое желание увидеть сверстника, а сколь очередная ссора с супругой. Татьяна с детьми поехала отдыхать на Черное море, в Адлер, он же оказался в Тюмени. С Галиной он встретился совершенно случайно. Произошло это в столовой речного пароходства. Устинов уехал на совещание. Астахов принялся бродить по городу. Через некоторое время он сильно проголодался. Зашел в первое попавшее ему на пути учреждение общественного питания. Моложавая женщина, сидевшая за столом напротив, сразу же привлекла внимание Астахова своей красотой. Она, как ему казалось, была слеплена по специальному заказу, который мог бы удовлетворить запросы мужчин любого возраста. Астахов то и дело бросал взгляд на незнакомку. Он не обманывал себя. Она была куда красивее, чем Татьяна. Особенно ему нравились ее голубые глаза и пышные длинные волосы, спадающие на ее плечи. Заметив недоуменный взгляд незнакомки, мужчина на некоторое время приструнил себя. Негоже смотреть раздевающим взглядом на красивых женщин, хотя бы и незамужних. При этой мысли он слегка наклонил голову вниз и принялся упорно давить вилкой полувареное картофельное пюре. Неожиданно его слегка толкнули в плечо и тут же раздался женский голос:

— Привет, знакомый или незнакомый мужчина... Вот смотрю и не верю.. — Астахов положил вилку на краешек тарелки и тут же до него опять донеслось. — Я не ошибаюсь, ты, Володя, мой земляк...

Астахов приподнял голову и привстал из-за стола. Затем слегка вытянулся и его тут же бросило в жар. Нежный женский голос красивой женщины, без всякого сомнения, принадлежал той девушке, симпатии которой он отверг в годы своей молодости. Отверг в первом же ее письме. Лицо седовласого мужчины в миг стало пунцовым. Он тяжело вздохнул, и слегка заикаясь, прошептал:

— Да, Галя... Ты права, Галина... Я, Владимир, твой земляк...

Соседкина, увидев, что Астахов от неожиданной встречи страшно растерялся, громко рассмеялась и слегка щелкнула пальцем своей руки по носу мужчины. Затем на несколько мгновений призадумалась. И тут же не то всерьез, не то в шутку с грустью промолвила:

— Вот видишь, гора с горой не сходятся, а люди друг с другом сходятся...

Потом она резко развернулась и вновь села за свой столик. Несколько неожиданное поведение Соседкиной сильно расстроило Астахова. Он обмяк и медленно опустился на стул. Кушать дальше у него желания не было. Не было желания и рассматривать свою землячку. Он стиснул зубы и тут же покинул обеденный зал. Сходил в туалет и помыл руки. Вышел на улицу и присел на скамейку, стоявшую в скверике. И стал неусыпно следить за небольшой дверью производственной столовой. При этом он то и дело вздыхал. Понимал, что он всю жизнь будет себя презировать, если не поговорит с Галиной по душам.

Соседкина появилась минут через десять. Едва она открыла входную дверь и ступила на крыльцо, как тут же стала оглядываться по сторонам, словно кого-то искала. Астахов с облегчением вздохнул. Этой встречи он ждал всю свою жизнь. Подобные мысли были и у красивой женщины. Седовласый мужчина быстро встал и стремительно направился к той, которая его очень сильно любила.

Соседкина первой протянула руку мужчине и с некоторым придыханием прошептала:

— Астахов, я все-таки через столько лет тебя узнала. Узнала многое о тебе от моих знакомых...

Затем она резко отпрянула назад, словно кого-то испугалась. И сквозь слезы промолвила:

— Я тебя, хоть ты и седовласый, узнала по твоей привычке из юности... — Слегка улыбнулась и вновь продолжила. — Ты в школе был земным исключением, которое то и дело приглаживало свой непокорный чуб на правую сторону...

После этих слов Астахов оживился. Он усмехнулся и с детской задорностью в голосе произнес:

— К сожалению, эта дурная привычка осталась у меня на всю жизнь. Она преследует меня всегда и везде... — Мужчина провел ладонью по затылку, и словно оправдываясь перед женщиной за свою старость и небольшую плешь на голове, еле слышно себе под нос промямлил. — Вот так и живу, что каждый день приглаживаю свое редколесье седого цвета...

Соседкина никак не прореагировала на самобичевание своего земляка. Она и сама не отрицала того, что за три десятка лет она также сильно изменилась. Все живущие на этой земле всегда были и остаются во власти природы. Она вновь приблизилась к мужчине, и бросив взгляд на его физиономию, с грустью в голосе произнесла:

— Володя, мне кажется, что ты за эти годы сильно не изменился, вот только в глазах твоих свирепствует тоска, тоска большая...

Седоволосый мужчина крепко сжал руку женщины и тут же почувствовал теплоту ее нежной кожи. Затем с улыбкой на устах прошептал:

— Ты, Галочка, такая же красивая, как и раньше...

Астахов что-либо еще не мог произнести. Мощная волна жалости к женщине и одновременно восхищение его красотой на какой-то миг отключили высокого мужчины с крепким телосложением от внешнего мира. Он все держал ее руку и стоял, словно заколдованной. Стояла в оцепенении и Соседкина. Появление мужчины, который был ее первой и единственной любовью, лишило ее сил, физических и душевных.

Неизвестно как долго оставались влюбленные люди в одном и том же положении, ежели бы из столовой не вышла ватага женщин. Они о чем-то громко спорили. Одна из них, которая была в белой кофте и короткой черной юбке, и со стройными ногами на высоких каблуках, быстро выскочила из толпы, затем подошла к Соседкиной и громко проворковала:

— Галочка, у нас через пять минут планерка у директора... Смотри, дорогая, не опаздывай...

Соседкина слегка улыбнулась и также громко ответила. — Павловна, не переживай, я бегу следом за тобою...

Затем она внимательно посмотрела на любимого мужчину, который почему-то неожиданно стал для нее совершенно чужим и несколько потухшим голосом произнесла. — Ну, вот и все... Опять для меня очередная неудача...

Астахов низко опустил голову, словно понимал свою вину из далекой и недалекой молодости. Его желание обнять или даже поцеловать Галину не осуществилось. Соседкина слегка его оттолкнула от себя и бросилась вдогонку за женщинами.

Астахов просидел на скамеечке почти до вечера. Ждал Соседкину. Он несколько не сомневался, что она все равно вернется к нему. И в этом он не ошибся. Часы показывали ровно шесть часов вечера, когда из-за угла двухэтажного особняка

появилась знакомая женщина. Он тут же привстал и ринулся ей навстречу. Через несколько мгновений они оказались в крепких объятиях, расцеловались.

Далее все шло по плану Астахова. За время отсутствия Соседкиной он уже практически до каждой минуты распределил время. До отправления поезда в Омск оставалось около пяти часов. Галина его планы нарушать или перекраивать не намеревалась. Все то, что делал ее любимый мужчина, женщине нравилось, даже очень. Вскоре они оказались в самой элитной гостинице города, в одном из ее фешенебельных номеров. Едва они открыли дверь комнаты, сразу же кинулись в ванную. Белоснежный кафель и обилие зеркал, а также приятное журчание полугорячей воды, как им казалось, стократ прибавляли им физические и духовные силы. И вся эта энергия преломлялась в их любви. Никто из них в этот вечер не сомневался в том, что чувство самоотверженной и глубокой привязанности, сердечного влечения друг к другу они испытывали в своей жизни впервые. Как и впервые в своей жизни отдавались любви до самого изнеможения. Скорее всего, даже до умоисступления.

Соседкина, находясь в плену крепких объятий и страсти мощного мужчины, нередко опускалась на землю. В мир ее проблем. И довольно часто сильно всхлипывала. Почему она плакала, она и сама не понимала. Возможно причиной этому была ее несложившаяся жизнь, пьянство мужа, с которым она жила, существовала все эти годы. Не поднимала ее жизненный тонус и прогрессирующая у нее болезнь, пришедшая в ее мир так неожиданно, что она даже пыталась наложить на себя руки. Мысль о самоубийстве тут же исчезала, как только она видела своих детей. Сын и дочь были копией матери: оба красивые и стройные. Только из-за детей мать не хотела брать грех на свою душу. Да и жизнь в стране, как и обществе, была тяжелой, порою невыносимой. Соседкиной не хотелось бросать самых близких людей на произвол судьбы. Она вообще отбросила свою тяжелую мысль, как только умер Евгений, ее муж.

Замужество для Галины Соседкиной оказалось несчастным. Оно чем-то напоминало болото, через которое она шла все эти годы. Попытка красивой женщины выбраться из трясины жизненных проблем и выйти на сушу, чтобы оглядеться по сторонам и принять правильное решение, приводила к неудаче. Она до сих пор не понимала, что ее угораздило дать согласие стать женой долговязого парня. Она его мало знала, к тому же не любила. Скорее всего, действовала наперекор своей судьбе. И причиной этому был Астахов, который для нее был первой любовью. Она полюбила его с первого взгляда, когда стала повзрослому осознавать и реагировать на окружающий ее мир. Володя был на пять лет ее старше, и как ей казалось, на малолеток он вообще не реагировал. Не замечал он также и ее, молоденькую «симпатюльку». Не замечал ни в школе, ни во время отпуска, когда приезжал на каникулы из военного училища. Подруги Соседкиной прекрасно знали, что самая красивая школьница без ума от будущего офицера. Знали они и о том, что она написала письмо любимому парню. Они также, как и она, с нетерпением ожидала от него ответа. Астахов ей не ответил ни через неделю, ни через год. Влюбленная все это время не находила себе место. Сильно переживала, нередко и плакала.

Узнав о том, что молодой лейтенант женился на другой девушке, неудачница ударились в пьянство. Последовала примеру своих родителей. От падения ее на дно общества спас директор школы Кайгородов. Душевная трагедия не искушенной в жизни молодой особы задела сердце пожилого мужчины. Арсений Иванович подобное уже пережил. Несмотря на то, что его любимая девушка прямо во время свадьбы убежала к другому мужчине, он нашел в себе силы побороть тяжелое для него испытание. Он пригласил школьницу к себе в кабинет и поговорил с нею по душам. Малолетка покинула школу поздно вечером. Она была очень спокойной и уравновешенной. К сожалению директора, его наставления на девушку мало подействовали. Через год она опять захандрила, упала в депрессию.

Угнетенное, подавленное психическое состояние молодой девушки несколько приостановилось, когда она оказалась в Тюмени. Она поехала в гости к своей бабушке. Бывшая врачиха сразу же раскусила несколько странное поведение своей внучки. И тут же посоветовала симпатичной школьнице как можно больше быть среди людей, чтобы окончательно развеять свои горе и грусть. Галочка так и сделала. Она почти каждый день ходила в кино или на танцы. Нередко в кафе или ресторан. Через месяц познакомилась с Женей Тихоновым, он не только был симпатичным парнем, но и имел деньги.

Зимой сыграли свадьбу. Брачный обряд состоялся не по обоюдному желанию молодых или их родителей, он был вынужденным. Восьмиклассница Галина Соседкина забеременела. Семейная жизнь у молодоженов с самого начала пошла наперекосяк. Тихонов после рождения дочери ударился в запой. Жена, видя это, тяжело переживала. Страдала она еще и от того, что не любила своего мужа. Не такого суженого она хотела. Поэтому его смерть она восприняла с облегчением, восприняла как дар божий. Соседкина, как никто иной понимала, что жизнь с нелюбимым человеком, есть ничто иное как наказание. И это наказание ей было не послано Богом, это также не был удар судьбы. Она лично сама совершила это проступок. И предтечей этому она считала Владимира Астахова...

Три часа, проведенные в гостинице, пролетели словно один миг. Влюбленные, уже немолодые люди перед тем, как покинуть ее, заказали такси. Они не хотели показываться на люд. Прекрасно знали, что кое-кто из зевак может принять их за умалишенных или за пьяниц. После того, как машина остановилась перед вокзалом, Астахов быстро открыл дверь и протянул руку своей любовнице. Ее лицо было сильно бледным, даже безжизненным. Некоторое время они шли по перрону, взявшись за руки. Затем они прижались друг к другу и их губы на миг сомкнулись. Затем размокнулись. Астахов бросил пристальный взгляд на красивую женщину, которая так совсем недавно и одновременно так давно подарила ему свою любовь. И тут же ринулся к проводнице, которая уже стояла на подножке тамбура.

Астахов, едва опустил на сиденье, глянул в окно. Соседкина стояла на перроне, словно вкопанная, стояла с низко опущенной головой. Владимир тяжело

вздыхнул и опрометью бросился к выходу. В его голове появилась мысль о необходимости повернуть колесо своей жизни вспять. Он уже нисколько не сомневался, что вся его предыдущая жизнь с Татьяной Бакулиной было ничто иное как мираж, земное мучение. Выскочить из поезда ему не удалось. Двери были уже закрыты. Мало того. Проводница, довольно полная женщина в прямом смысле грудью встала на пути ошалевшего мужчины. Астахов тихо извинился перед женщиной и неспеша побрел в свое купе. После недолгого раздумья он пришел к окончательному выводу. Вернуть свое отрочество, как и отвергнутую любовь, невозможно. Мимолетная близость с любимой женщиной оставила в его сердце и душе глубокую рану, которая кровоточила день и ночь, ночь и день.

Глава вторая. *Снег разлуки.*

Находилась в этот вечер в раздумьях и Татьяна Бакулина, бывшая жена Владимира Астахова. Размышляла в теплой постели. Откровенно говоря, появление бывшего супруга для нее было полнейшей неожиданностью. С того момента, когда судья озвучил решение о разводе, прошло четверть века. И все эти годы никто из них не знал друг о друге. Поддерживал ли контакты со своими детьми Астахов, она также не знала. Бакулина не кривила душой. Судьба детей, не говоря уже о бывшем муже, ее никогда не интересовала. Наоборот, она сильно радовалась тому, как они быстро «вылетели» из домашнего гнезда.

Лариса после школы сразу же вышла замуж и тут же развелась. Затем куда-то укатила с годовалой дочкой. Несколько позже определился в жизни и сын Денис, с которым она также не общалась. Появление матери для юбиляра было приятной неожиданностью. И опять Бакулина не кривила душой. Она последние годы тяжело болела. Ее мучили то ноги, то спина. Пожилая женщина страшно боялась смерти, особенно, безымянной. Она не хотела повторять судьбу тысяч горемык, бывших строителей коммунизма, которых довольно часто на российских просторах хоронили, как бродячих собак. Она почему-то не сомневалась, что только ее сын проводит свою мать в последний путь. Без большой помпезности, но по-человечески... Только ради этой затеи она решила прийти к нему на день рождения.

При этой мысли Бакулина ехидно усмехнулась. Ведь его «папаня» также обошелся с ней по-человечески. Астахов оставил семье все, что у него было. Оставил трехкомнатную квартиру, машину «Жигули», оставил и деньги, которые лежали на сберкнижке. Их было немного, но пару лет можно было безбедно жить.

В отличие от своего бывшего мужа Татьяна Бакулина после развода особых жизненных проблем не имела. И все это получилось, благодаря сердобольности Астахова. Трудоустроилась она также неплохо. Работала заведующей отделом в

магазине по продаже шин для легковых автомобилей. Искать работу по специальности она не хотела. Не искала она и контактов со своими родителями. Ее по-настоящему тошнило, когда она оказывалась у своих предков. Ездил к ним только по необходимости. От некогда процветающей деревни Свистуново остались жалкие остатки – около дюжины полусгнивших домов. Она сильно обрадовалась, когда ее родители ушли в иной мир. Ушли незаметно и очень тихо. И при этом очень неожиданно. Бакулина приехала к предкам в сентябре, хотела запастись грибами. С грибами не получилось. Причиной этому была смерть родителей. Их похоронили еще летом, когда шли проливные дожди. Похоронили в один день. Пожилые люди погибли от ножей бандитов, которые уже несколько месяцев терроризировала местное население. Они не хотели отдавать дорогостоящие мужские сапоги на меху, которые когда-то привез тестю из Германии Владимир Астахов.

Бакулина скинула с себя одеяло и пошла на кухню. Включила чайник, заварила кофе. Напиток из молотых зерн кофейного дерева был ее любимым напитком. Впервые она его начала пить еще в ГДР, когда переступила порог однокомнатной квартиры лейтенанта Астахова. Затем она вышла в коридор и подняла свой взор вверх. Два небольших портрета родителей, висевшие на стене, окунули ее в их прошлое...

Петр Бакулин в отличие от многих селян слыл в Свистуново очень просвещенным человеком. Он работал бухгалтером. При многих начальниках и при всех организациях, будь то колхозы или совхозы. Он был также непотопляемый, причиной этому был его Божий дар, умение считать. Счеты – простое приспособление для подсчета – четырехугольная рама с прутками, на которых нанизаны подвижные костяшки, худощавого мужчину сопровождали везде. Он брал их даже на партийные собрания, не говоря уже о другом. Пользу они приносили и его жене, беременная считала дни до очередных родов. Татьяна была первым и последним ребенком в семье Бакулиных. Нюра беременела почти каждый год, супруги не хотели оставить от односельчан, но почему-то «шли» только одни выкидыши. Повитухи «оказию» не могли объяснить, несчастные к врачам не обращались. Боялись народной молвы или каких-либо сплетен о том, что Бакулины больные или не так рожденные.

Не сменялся Бакулин еще и потому, что всегда имел денежную заначку для местного и районного начальства. Областные или кремлевские чиновники в Свистуново не заглядывали. Визитам «чижиков» мешало расположение села и климатические условия. Весной близлежащее озеро Овсяное разливалось до самой главной улицы поселения – Советской, где находилась школа и управление совхоза. Зимой также Свистуново было закрыто. Проселочную дорогу страшно заносило.

К позитивам «начфина» Бакулина относили и то, что он в отличие от многих селян назубок знал родословную местного и районного начальства. В основе своей оно было коррумпированным, небольшой кастой. Кое-кто из местных просветителей говорил, что оно было блатное. Директор совхоза Иван Подшивалов на вид был

мужичишка с ноготок, но корчил из себя словно он был Александр Македонский. К тому же, его физиономия чем-то походила на физиономию главного финансиста совхоза, что его радовало.

Отличие же между ними было, притом очень большое. Директор совхоза без всякого зазрения совести водил шуры-муры с учительницей начальных классов Валентиной Федоровной. Иванушкина, скорее всего, это делала из-за своей неудавшейся супружеской жизни. Виктор, мужчина мощного телосложения и с крупными чертами лица, едва она вступила на свистуновскую землю, ее очаровал. В педучилище Валентина не нашла своего принца. К сожалению, брак с трактористом также не принес ей счастья. Первенец родился с ярко выраженными отклонениями. Он почему-то часто плакал и неистово махал ручками. Попытки родителей его оздоровить были безуспешными. Врачи районной поликлиники что-то писали в своих замусоленных тетрадях, тяжело вздыхали и на этом все заканчивалось. Иванушкина все больше и больше задумывалась над происшедшим и неоднократно приходила к неутешительному выводу. Дебил, психический недоразвитый мальчик – результат ее оплошности, неопытности, ее ошибка. Его зачатие произошло от пьяных родителей.

Виктор Иванушкин пришел в школу в Международный женский день, пришел под вечер. В школе уже никого не было. Валентина Солнцева сидела в кабинете директора. Выполняла его специальное поручение. Писала благодарственное письмо в районный комитет партии за моральную поддержку в проведение всемирного праздника. Директор уже почти пять лет был на пенсии. Заменить старика было нечем. В захолустье мало кто рвался. Не из молодых и не из опытных педагогов.

Жених пришел, как и положено, с цветами и с большой хозяйственной сумкой. Сразу же после тоста за любимую женщину, он попросил ее руки. Валентина, долго не раздумывая, согласилась. Влюбленные в этот вечер и ночь были самыми счастливыми на этой земле. Бог Бакус и жажда страсти сделали свое дело. Девушка впервые нарушила свое целомудрие, как и впервые пила армянский коньяк. Необычное спиртное все больше и больше разжигало ее страсть...

Надежда молодых родителей, что ребенок оживет и остепенится по мере взросления, угасала с каждым днем, а то и с каждым часом. Мальчик иногда непонятно почему довольно часто уединялся, нередко разговаривал с собою. В первый класс родители провожали Федю со слезами на глазах. Малыш не мог даже по-настоящему со своими сверстниками общаться. От волнения он сильно заикался, что вызывало у них смех.

Иванушкин очень сильно переживал из-за дебилности своего сына. Некогда примерный сельчанин и хороший тракторист все больше и больше опускался. Однажды после обильной пьянки он вообще не вышел на работу. Директор слегка его приструнил, на этом сначала все и закончилось. Однако постоянные запои молодого мужчины в конце концов шефа вывели из себя. Он его уволил.

Иванушкин не стал искать себе работу. Как и не хотел возвращаться в лоно нормальных людей. Употребление алкоголя стало для него повседневной нормой. Денег у него не было, но он и здесь находил выход. Притом весьма оригинальный. Он стал желанным или нежеланным гостем у односельчан. Все дни рождения или юбилеи, как правило, не обходились без активного участия самого мощного мужчины села Свистуново. Проводы в армию или свадьбы, поминки или вечеринки. Не упускал он и советские праздники. Не брезговал и религиозными.

Иванушкина нередко за стол приглашали и сами жители села. В большинстве своем в качестве подсобной рабочей силы. Маломощные приглашали его на заготовку дров и сена, или выкопать картофель. Работа по найму в большинстве своем оплачивалась натурой: садили за стол и угощали. Виктор домой приходил сытый и пьяный. Едва заходил в дом, тут же брал на свои мощные руки жену и нес ее в спальню. Затем с силой раздвигал ее стройные ноги и вводил свой член. Затем начинал неистово дергаться, словно разъяренный зверь, которого тяжело ранило или чем-то напоминал человека, шедшего на эшафот. Насладившись своей безропотной жертвой, мужчина тут же с нее сползал и мигом засыпал.

Валентина Иванушкина к подобным экзекуциям мужа привыкла. Привыкла она и к тому, что после школы сразу же заходила в спальню и снимала с себя плавки. Делала это вынужденно. Муж требовал секса каждый день и независимо от времени суток или времен года. Не стеснялся он и своего сына, который нередко наблюдал за своими родителями, которые почему-то дергались и сильно пыхтели или стонали. Виктор порою доходил до истерики. Видя, изумленное или непонимающую физиономию жены, он снимал или задирает на ее голову юбку, затем с силой рвал ее плавки. Подобное злило Валентину. И не только это. Неработающий муж ни на копейку не пополнял семейный бюджет. Покупать новые юбки или плавки она не могла из-за финансовых трудностей. Ходить в магазин и «светиться» из-за плавок ей также не хотелось. Сплетни тут же давали о себе знать.

Развязка в семье Иванушкиных наступила через два года. Их сына в следующий класс не перевели. Помочь Федору была бессильна и его собственная мать, учительница русского языка. Комиссия из районного отдела народного образования была неприступная и несговорчивая. Она рекомендовала отправить ребенка в специальную школу для детей, которые имели умственные и физические недостатки. Иванушкиным ничего не оставалось делать, как дать свое согласие. Федя на происходящее практически не реагировал. Он уходил из дома к своему другу Гошке, живущему неподалеку. Ребята ходили на озеро или охотились на воробьев и домашних кур. Стреляли по ним из рогатки. Нередко уходили в лес. Родители, постигшие их горе, переносили очень тяжело, переносили каждый по-своему. Мать довольно часто плакала в доме или в бане. Плакала втайне, не хотела, чтобы ее слезы видели родные и близкие люди. Нередко уходила в школу. Она готовилась к урокам или пропадала на пришкольном участке.

Отца превратности судьбы окончательно доконали. Он день и ночь был при своем амплуа. Пьянствовал или спал. Спал или пьянствовал. В итоге никто из родителей за больным сыном не приглядывал. Не вникали они и в его внутренний мир.

Буквально за пару дней до отправки в спецшколу, Виктор Иванушкин и его сын бесследно исчезли. Куда и когда исчезли, никто из жителей Свистуново не знал. Не знала и Валентина. Она в этот день в школе задержалась допоздна. Пришла домой и сильно удивилась отсутствию своих мужчин. За мужа она не переживала. Он мог и куда позже прийти домой. Сын, как правило, в это время был дома и смотрел телевизор. Иванушкина сразу же схватилась за сердце, произошло что-то неладное. Виктор никогда не общался с сыном, тем более, не ходил с ним даже по улице.

Практически всю ночь женщина не сомкнула глаз. Самых близких для нее людей все не было и не было. Утром она бросилась в контору. Директор позвонил в районный отдел милиции. К полудню уже не только деревня, но и весь район знал о таинственном исчезновении местного силача и его сына.

Прошла неделя, месяц, год... Беглецов никто так и не нашел. Чем меньше их искали, тем больше появлялось всевозможных домыслов и слухов. Одни говорили, что Виктор с сыном уехал на заработки на Север, чтобы нанять врачей из-за границы. Другие судачили, что он исчез специально, чтобы не видеть непутевую «училку», которая не смогла здоровяку народить нормального ребенка. Были и другие предположения, домысли, в большинстве своем они оказывались пустыми.

У одного из жителей села исчезла лодка, причаленная у берега озера Овсяное. Эту версию проверила местная милиция. Сначала она опросила рыболовов и жителей близлежащих домов. Сделала она рейд и в школу. Достоверных источников или сидетелей не нашли. Затем двое милиционеров в болотных сапогах и с длинными палками в руках несколько раз прошли по воде, неподалеку от берега. Проехали они на лодке и по озеру. Предполагаемых утопленников не было. На этом поиски исчезнувших закончились.

Валентина Иванушкина очень сильно переживала о непутевом муже и психически больном сыне. За последнего она куда больше переживала. Через неделю у молодой женщине появилась большая прядка седых волос. Виктор куда меньше бередил ее душу и сердце. Одновременно она не привирала. В первую ночь, когда она вошла в его дом, от симпатичной женщины пахло женскими духами «Сирень», да и мощный мужчина для нее был милый и очень нежный...

Незаметно шло время. Глубокая боль все больше и больше покидала сердце и душу учительницы Валентины Иванушкиной. Она окончательно в этом убедилась, когда оказалась в объятиях директора совхоза. Маленького роста мужчина, с слегка испещренным от оспы лицом, раньше ее не привлекал. Да ей и не до этого было. Подшивалов появлялся в школе, как правило, в советские праздники. Исполнял указания и директивы районного начальства. Пришел он и первого сентября, около сотни школьников стояли на торжественной линейке. Директор

школы первым представил слово местному руководителю. Валентина искоса смотрела на мужчину средних лет и нередко вздыхала. От исчезнувшего мужа он резко отличался. Волнистые волосы русого цвета, высокомерный взгляд на какое-то время заинтриговал женщину. Затем выступила учительница начальных классов Иванушкина. В этот вечер она вышла из школы самой последней, и невольно посмотрела в сторону совхозной конторы. В кабинете директора горел свет. Валентина боязливо посмотрела по сторонам и быстро двинулась к небольшому кирпичному дому.

Иванушкина пришла домой уже далеко за полночь. Едва переступила порог и тут же упала на кровать. Затем провела рукой по соседней подушке. Слегка улыбнулась. Коротышка оказался куда милее, чем ее безмозглый верзилка. Мало того. Подшивалов обещал за визиты ей платить. На некоторое время женщина забылась и стала неистово себя мастурбировать...

Петр Бакулин сразу же заметил прелюбодеяние местных интеллигентов. Как в народе говорили, свечи он для них не держал, но всем своим нутром чувствовал близость их отношений. В этом он убеждался, когда доставал из совхозной закладки деньги, которые хранил в специальном металлическом сейфе. Директор сам лично кредитом или дебитом не занимался. Все решал министр финансов, так часто говорили о главном бухгалтере Бакулине на совещаниях в г. Называевске. Районные чиновники всегда и везде ставили его в пример специалистам других совхозов. Взаимопонимание власти и маленького клерка, осуществляющего документальный хозяйственный учет денежных средств, окупалось сторицей. Верхи не кидали комья грязи в отстающий совхоз. Работой начфина также были довольны и работяги.

Буквально через полгода Валентину Иванушкину перевели в районный центр. Ей предложили должность инструктора в методическом кабинете при райкоме партии. И здесь опытная женщина не упустила свой момент. Первый секретарь райкома партии Самбурский Николай Иванович проводил время со своей очередной любовницей вдалеке от глаз народа и ока своих подчиненных. В трех километрах от пионерского лагеря для верхушки района был построен специальный особнячок из сосновых бревен...

Бакулину прелюбодействовать с любовницей своего шефа, к его глубокому сожалению, не удалось. Его попытка была первой и последней. Причиной этому была его жена Нюра. Женщина с дородной фигурой, увидев своего возлюбленного, который стоял возле магазина с блюдью совхозного шефа, в один миг прервала их диалог. Она подошла к мужу, и постучав рукой по его лысине, очень громко пробурчала:

— Петюлька, смотри у меня, не дури... — Шлепнув еще раз мужа, на этот раз по его плечу, слегка наклонилась к его собеседнице и с ухмылкой произнесла. — Очень негоже, моя дорогая, у порядочных женщин мужей уводить...

Иванушкина мигом вспыхнула, словно свеча, и тут же ретировалась в сторону школы. Затем остановилась, оглянулась. Начфин ускоренным шагом двигался в

сторону своего дома. За ним неспеша шла его жена, в руках у нее был большой прут...

Смерть родителей, а также и их небезынтересная жизнь пробудила воспоминания Бакулиной и о своей жизни. Особенно о школьных годах и отрочестве...

Таня не обманывала себя, что все эти годы в ее душе и в сердце, словно заноза, был ее одноклассник Александр Плеханов. Чем взрослее становилась девушка, тем больше осознавала, что она без ума от этого юноши. Он был высокого роста, с густой шевелюрой русых волос. Даже взрослые довольно часто его прозывали «наш красавец-свистун». Не говоря уже об ее одноклассниках. Бакулина однажды поцеловала любимого парня в щечку, когда они вместе были на дне рождения учителя математики. Он отмечал свой полувек юбилей. Произошло это спонтанно, даже неожиданно. Десятиклассники во время небольшого перерыва играли в игру «Угадай желание». Таня на вопрос тамады не стала обманывать его и себя. Исполнила свое желание. Подошла к Плеханову и, как говорят, при всем честном народе чмокнула его в щечку. Поцеловала и при этом нисколько не покраснела. Приободрило ее и женское окружение. Никто из девчат ее «прелюбодеяние» не осудил. Они уже давно знали, что Бакулина неравнодушна к самому красивому и самому высокому парню в классе. Санька на поцелуй девушки отреагировал по-своему. Он сначала от неожиданности осклабился, словно выиграл автомобиль по денежно-вещевой лотереи. Затем поднял обе руки вверх и под жидкие аплодисменты участников игры вновь присел за праздничный стол.

У жителя села Свистуново Александра Плеханова была одна проблема, которая преследовала все его школьные годы. Он учился через пень колоду. Особенно трудно давались ему точные дисциплины. Алгебру или геометрию он вообще не переваривал. Только по этой причине об институте он никогда не мечтал. Его попытка поступить в строительный техникум также не увенчалась успехом. Парень вновь вернулся в родное село, пристроился скотником. Сначала говорил только на пару часов. Проходили дни, недели, его «карьера» была без изменений. Мало того. Он все больше и больше опускался на дно общества. Целыми неделями не брился, пристрастился к спиртному. Татьяна очень редко приезжала в Свистуново и тут же бежала к своему любимому. Плеханов протягивал девушке руку и заплетающимся голосом бубнил себе под нос:

— Танька, ну если ты меня безумно любишь, так почему не выходишь за меня замуж? Выходи, я готов хоть сейчас... — Бакулина сквозь слезы шептала. — Я не против, но ты же нищий, да и опять же пьяный...

Очередной визит студентки сельскохозяйственного института к работнику, занимающемуся уходом за скотом, проходил словно по трафарету. Опять тот же вопрос и опять тот же ответ.

За месяц до регистрации брака с Астаховым Бакулина решила пойти ва-банк. Прислушалась к совету своих родителей. Они, по их словам, до свадьбы вообще друг друга не знали и ни разу не виделись. И несмотря на это, неплохо жили. Петр

Бакулин в Свистуново приехал к своему однополчанину на его свадьбу. И там совершенно случайно познакомился с местной девушкой. Как они оказались в одной постели в домишке полуслепой старушки, никто из них до сих пор не понимал. Бакулин, узнав о беременности молодой незнакомки, некоторое время ходил смурной. Потом смирился. Нюра была симпатичной, да и неприхотливой. С миром они покинули и родительские очаги. Предки невесты, которая была шестым ребенком в семье, были очень счастливы, что их дочь вышла замуж. Приданого, как такового, у нее не было. Они нередко и сами побирались по миру.

Бакулин создание семьи встретил совершенно спокойно. Подобное деяние не стало для него большой неожиданностью или снежным комом. Причиной этому было, скорее всего, полунищенское существование близких ему людей. Не хватал звезд с неба все эти годы и жених, который испытывал жизненные трудности с самых пеленок.

После семилетки он подался в Называевск, где с горем пополам окончил ремесленное училище, затем от военкомата учился на шофера. Крутил баранку и в армии. Возил на армейском джипе начальника химической службы танковой дивизии. Служил без проблем. Три года службы – два отпуска. После «дембеля» больших планов на будущее старшина запаса не строил. По этому поводу он довольно часто язвил в кругу друзей или знакомых. Родители, скорее всего, его зачали неправильно. На голове единственного сына оказалось всего две извилины. Шевелить же ими он не имел желаний.

Какого-либо блата в небольшом городишке или в областном центре у сибиряка также не было. Не долго думая, старшина собрал свои манатки и приехал в Свистуново. Сначала жил у родителей жены, несколько позже молодая семья от совхоза получила двухкомнатную квартиру. Затем ему предложили должность счетовода. О своих счастливых похождениях предки довольно часто рассказывали своей единственной дочери.

Родительский сценарий у дочери не получился. Она планировала отдаться или что-либо подобное симулировать прямо в поле, где Плеханов пас совхозных коров. Яркое солнце, щебетание всякой живности, ползающей и летающей вокруг молодых людей, располагали к любви. К сожалению, любви или секса у них не получилось. Любовник почему-то очень долго расстегивал ширинку у своих поношенных брюк. Неизвестно как долго продолжалось бы прелюдие к сексу, ежели бы на помощь не пришла сама партнерша. Она быстро засунула руку в небольшой проем брюк и в прямом смысле вытащила небольшую часть тела своего любимого мужчины. Едва ее вытащила и вмиг обомлела. Мужской половой орган, который по-научному назывался членом, в простонародье его называли куда проще, она видела в своей жизни впервые. Усилило оцепенение девушки и то, что небольшого размера член ее любимого был почему-то обмякшим и почти безжизненным...

Несостоявшийся стриптиз не обескуражил притворщицу. Откуда не возьмись у нее появилась жажда секса. Она быстро сняла с себя одежду, затем плавки и с

силой прижала к себе мужчину. Потом впилась в его губы и тут же резко отпрянула. Из рта любовника исходил неприятный запах. Пахло не то чесноком или луком, не то килькой из деревенского магазина. Вдобавку с самогоном. Нагая приподнялась и, сидя еще на корточках, стала икать. Ее вскоре вырвало. После неудачного спектакля студентка решила навсегда забыть одноклассника, свою первую любовь.

Супруги Бакулины долгое время не знали куда определить свое единственное чадо после окончания средней школы. Не была в этом отношении им помощницей и сама дочь. Татьяна в принципе ни к кому и ни к чему не стремилась. Каких-либо творческих задатков, типа любви к истории или биологии у нее не было. Отсутствовали у нее также и какие-либо музыкальные способности. Что-либо кушать у нее было, одевалась она также не хуже своих односельчанок или одноклассниц. Училась она также без всякого напряжения. Нередко пропускала уроки без всяких уважительных причин. Пропускала просто так, лень было учить домашние задания. И всегда это сходило с рук. Ее отец, хотя и не занимал ведущее место в местной иерархии, но с ним все считались.

Без всякого напряжения Татьяна Бакулина поступила и в сельскохозяйственный институт. Родители не преследовали цель сделать дочь богатой или великой. Агроном – специальность не ахти престижная, но подобный специалист на селе большая шишка. Мало того. У него была возможность кое-что получить и нахалявку.

Смазливая жительница села Свистуново с первого дня учебы в вузе основательно взялась за сельскохозяйственную науку. Следовала совету отца, который дал ценные указания дочери перед самым ее отъездом в Омск. Не изменял он свои наставления и в письмах, которые дочь получала, словно по графику, в первый день каждого месяца. Иероглифы предка занимали половину листа ученической тетради. Бакулин о своем житье-бытье ничего не писал. Просьба была одна и та же. Учись на отлично и хорошо, что даст возможность оказаться в родном селе Свистуново. Дочь письма аккуратно складывала в стопку в своем платяном шкафу и улыбалась. Отец прекрасно знал, что его чадо училось по рекомендации совхозного руководства. После окончания института специалисту предоставлялась возможность трудоустроиться.

Появление жениха в военной форме в какой-то мере приостановило карьеру Бакулиной на сельскохозяйственном поприще. Она, не долго думая, приняла предложение молодого лейтенанта выйти за него замуж. Мало того. Студентка была на седьмом небе от счастья, когда узнала, что его направили служить в ГДР, в самый центр Европы. Татьяна, как и ее мать, за все годы жизни за пределами Омской области вообще нигде не была. Женщины с огромным удовлетворением восприняли появление в их жизни советского офицера.

Молодые сыграли свадьбу в июле. Стояла очень жаркая погода. Затем они совершили небольшой вояж на Урал. В г. Свердловске жила тетя жениха. Нина с мужем, в недалеком прошлом земляки Астахова, работали на знаменитом заводе

«Уралмаш». Через неделю для влюбленных наступила пора расставания. Больших слез не было. Каждый прекрасно знал, что через пару месяцев они вновь будут вместе. Астахов взял с собою свидетельство о браке и пообещал, как можно скорее, оформить для жены приглашение для въезда в социалистическую Германию.

После получения диплома Бакулина не трудоустраивалась. Ректорат института, как и руководство совхоза прекрасно знали, что молодая и красивая девушка и одновременно способный специалист без пяти минут окажется за рубежом родной страны. Родители Татьяны готовили свою дочь к отъезду. Для молодых супругов они купили большой телевизор, холодильник, кое-что из одежды и домашней утвари. Прикупили кое-что и для будущего внука. Петр, как и его жена Нюра, нисколько не сомневался в том, что именно мальчик в будущем будет определять их родословную. Небольшое семейство местного финансиста жило спокойной и размеренной жизнью. Каждый надеялся только на лучшее.

Татьяна Астахова очень радовалась, когда получала письма из-за бугра. Муж в прямом смысле засыпал ее толстыми конвертами, на которых стоял штемпель полевой почты. Почти все сообщения были одинакового содержания. Офицер посвящал своей жене собственные стихотворения или оды, которые были пронизаны страстной любовью к единственной женщине, имя которой Татьяна. Глаза Астаховой сияли от счастья и радости, когда ее суженый рассказывал о райской жизни в необычно богатой и красивой стране...

Поздно вечером в первый день октября в окно небольшого кирпичного особняка главного бухгалтера совхоза «Сибиряк» постучали. Татьяна Астахова в этот вечер была дома одна. Родителей не было, они были на дне рождения директора совхоза. Она неспеша встала с дивана, выключила телевизор и подошла к окну. Слегка отодвинула в сторону шторку. Затем громко произнесла:

— Алё, кто там?

На вопрос никто не реагировал. Татьяна вновь прокричала, на этот раз с явным раздражением. — Кто там? Я не хочу с кем-то играть в прятки...

Затем на несколько мгновений задержала свое дыхание. И тут же перед ней появилась физиономия Сашки Плеханова, Александра, которого она в последнее время по непонятным причинам видела во сне. Особенно часто он появлялся в ее сновидениях после свадьбы с Астаховым.

Астахова тяжело вздохнула и словно на крыльях ринулась к входной двери. Открыла дверь и тут же опустила голову. Призадумалась. Из глубины ее души раздался очень тревожный не то зов, не то рокот. Он говорил ей человеческим голосом:

— Я, раб твой, я душа твоя... Не губи свою жизнь и не обманывай того, кто тебя по-настоящему любит... Не делай своему мужу и вашей дочери больно...

Вскоре в дверь громко постучали. Астахова стояла без движений, она все еще находилась в плену неземных сил. Затем дверь открылась и она увидела молодого человека, которого по-настоящему, а может пока еще и по-детски любила. Она бросилась ему навстречу и крепко его обняла.

Практически всю ночь молодые жители умирающего села Свистуново находились во власти любви. Наслаждаться друг другом им никто не мешал. Молодая женщина прекрасно знала, что ее родители вдрызг напьются у своего шефа и останутся в его доме ночевать. Сохранял спокойствие и любовник. Плеханов со всей силой вводил член во влагалище той, которая его до сих пор все еще любила. Татьяна от необычайной ласки любимого мужчины сильно стонала, словно ей кто-то наносил ножевые раны не то в сердце, не то между ног. Она в этот миг получало все, что называлось любовью. Ее многолетнее желание заполучить Плеханова осуществилось. Сейчас она имело все то, что хотела от него взять. Она испытывала неопишное, несколько неземное чувство радости от приятных ощущений, которые производил его член и его губы.

В эту нескончаемую и одновременно очень молниеносную ночь жена офицера Астахова была вне земного мира. Она была во власти приятных ощущений, желаний и мыслей, которые были подвластны только ей и никому больше. Она в эту ночь не считала себя грешницей, сердечное влечение она не относила к земному греху. Любовь не есть нарушение предписаний, правил, которые придумали верующие или безбожники. Мало того. Бог всегда прощал людям грехи. Простит ей и ее законный муж...

Любовники окончательно пришли в себя только поздно утром. Стрелки большого металлического будильника показывали ровно десять часов, когда они вышли на улицу. Едва вышли, сразу же повалил снег. Молодая женщина неожиданному сюрпризу природы сильно обрадовалась. Сплошная масса белых хлопьев, как ей казалось, навсегда отделила ее и ее любимого человека от внешнего мира, в первую очередь, от жителей села Свистуново. Астахова не хотела, чтобы кто-либо из односельчан видел ее с Сашкой Плехановым. Об ее любви к местному алкоголику разное судачили. Сплетничали также и об ее свадьбе с Астаховым. Дочь местного начфина, как и он сам, на все это никакого внимания не обращали. Подобное исходило от людей только из-за зависти. Петр Бакулин, несмотря на предсмертные судороги совхоза, слыл одним из зажиточных жителей Свистуново. Он также гордился за свою единственную дочь, которая стала женой офицера Советской Армии. Разжигало самолюбие мужчины и то, что его дочь самая первая из всех односельчан вот-вот окажется в самом центре Европы. Бакулин довольно часто делал экскурс в историю Свистуново и подобное до сих пор не находил.

Обильный снегопад вызвал ответную реакцию и у Плеханова. Он приподнял воротник своей кожаной куртки, и повернувшись лицом к девушке, загадочно произнес:

— Танюшка, я не ошибусь, ежели этот снег станет предвестником нашей будущей жизни...

Астахова в ответ ничего не сказала. Она лишь сильнее сжала руку своего любимого и слегка чмокнула его в щечку. Вскоре молодые люди оказались на самой окраине села. Бродить по его главной улице они не рискнули. Боялись лишних глаз и слухов. Они устремились на шоссе, ведущую в сторону села Утичье, главную усадьбу соседнего совхоза. Совместное хозяйство, объединяющее три деревни, также дышало на ладан. Влюбленным в этот день было не до умирающих совхозов, ни до нищих земляков. Они довольно часто останавливались и осыпали друг друга поцелуями. Их поцелуи были жаркими и нежными. Они целовались страстно и без страха. Для парня и девушки, которые находились в тумане снегопада, никто и ничто на этой земле не существовало. Они были во власти своих чувств и мечтаний. Плеханов все время говорил и говорил. Обещал своей любимой женщине хорошую жизнь. Астахова в его клятвенные заверения мало вникала. Ей уже и не до этого было. Длительное пребывание на морозе давало о себе знать. Порядком набила ей оскомину и пустая болтовня мужчины, который несмотря на это, был сейчас для нее самым близким человеком на этой земле.

Астахова пришла домой только к обеду. Страшно проголодалась. Она села за стол и с жадностью стала поглощать остатки супа и овощного салата, которые вытащила из холодильника. Полухолодная пища ее не согревала. Через некоторое время она легла на диван и накинула на себя пуховое одеяло. Согрелась и стала раздумывать о том, что произошло в прошлую ночь. О буйной любви она несколько не сожалела. Она невольно повернулась на бок и бросила взгляд в сторону книжного шкафа. На небольшой подставке стояла большая фотография. Молодожены стояли в обнимку и их лица светились от радости. Жених был в парадной офицерской форме, невеста была в ослепительно белом подвенечном платье.

Надежда Татьяны Астаховой, что ночной визит Александра Плеханова к ней останется для жителей Свистуново незамеченным, тайной за семью замками на следующий же день провалилась. Она рухнула, словно скошенный колос, сноп. И первым об этом узнал ее родной отец. Оказалось, что он был не только мастер финансовых дел или махинаций. Местный начальник имел при себе довольно много стукачей. Они информировали его буквально обо всем, что происходило в Свистуново. Бакулин знал не только кто и сколько воровал в совхозе, но и в чем директор ложился спать.

Бакулины пришли со дня рождения поздно вечером. Их дочь лежала на диване и мирно сопела. Петр сразу же ланью ринулся к мягкой мебели для лежания и со всей силой сорвал одеяло со спящей дочери. Татьяна мигом проснулась, затем слегка приподнялась и уставилась на отца. Она все еще не понимала его возбужденного состояния.

Бакулин заскрипел руками и со всей силой размахнулся. Татьяна слегка отпрянула, что спасло ее от сильного удара. В лучшем случае, от крепкой оплеухи. Спасла от этого и ее мать. Нюра во все горло протяжно заголосила,

словно ее кто-то самую бил или насильничал. Она моментально схватила руку мужа и в прямом смысле повисла на ней.

Разрядила конфликт уравновешенность самого зачинщика семейной ссоры или даже драки. Бакулин вновь скрипнул зубами, затем повернулся, и сделав пару шагов в сторону коридора, отрывисто произнес:

— Ты, молодая грешница, через пять минут приходи на кухню... — Слегка прокашлявшись, в том же духе и тоне добавил. — Я тебе наставлять буду, что такое хорошо и что такое плохо...

Все то, что рассказал отец своей дочери, ее шокировало. На какой-то миг она потеряла дар речи. Довольно длительный монолог жилистого мужчины все больше и больше отдалял ее от молодого парня, который был ее первой любовью. Внезапный визит Сашки Плеханова оказался всего-навсего лишь игрой. Местный пастух страшно завидовал молодому лейтенанту, который возил свою невесту на черной «Волге» не только по селу Свистуново, но и по г. Называевску. Жених одолжил машину на время у офицера запаса Плотникова, который приехал в родные места на рыбалку. Информация о том, что любящая его девушка вот-вот укатит с офицером в Германию, вызвала у местного алкоголика нечеловеческую зависть и ненависть. И он пошел ва-банк. Риск, к его удивлению, оправдался. Татьяна приняла его как родного и самого близкого человека. В этом он несколько не сомневался, когда они занимались любовью. Он также не сомневался и в том, что она верила во все его пустые обещания.

Петр Бакулин о замысле и происках Плеханова узнал от его матери, она работала техничкой в совхозной конторе. Сашка довольно часто грозился насолить «Таньке-Встаньке», которая слишком задирала свой нос. Екатерина также пожаловалась на сына, что он ее частенько колотил.

Итог монолога для дочери и ее матери оказался совершенно неожиданным. Петр встал и со всей силой грохнул кулаком по столу. Затем со злостью рывнул:

— Слушай меня, тупое бабье... Никто и ничто из этого дома не должно болтать о произошедшем грехе...

— Затем он перевел дух и зверем уставился на свою единственную дочь. Татьяна сидела на небольшом стульчике смиренно. Не сомневалась, что ее лишнее слово или даже движение может вызвать бурную реакцию со стороны родителя. В лучшем случае, он выльет на нее огромный ушат браных слов, в худшем – у нее будут синяки, а то и больше.

Женщины с облегчением вздохнули, когда их кормилец сменил гнев на милость. Он подошел к дочери, и слегка потрепав ее по волосам, с грустью прошептал:

— Таня, не делай больше подлостей для своего мужа... Ведь Владимир неплохой мужчина... Тем более, он офицер Советской Армии... — Затем он горько усмехнулся и добавил. — А с Катькой я сам переговорю, все замну и затру... Это уже мое дело...

Татьяна Астахова вступила на землю социалистической Германии поздней осенью. Она была очарована этой страной, особенно в первые дни ее пребывания. Она то и дело улыбалась, когда заходила в немецкие магазины. Радовалась изобилию товаров. Будь то всевозможные тряпки или продукты питания. В Омске, не говоря уже об ее родном селе Свистуново подобное и днем с огнем не сыщешь! Здесь было практически все, что она желала. Мало того. Были и свои особенности. В обувном магазине царствовал специфический запах обуви, детской или для взрослых. В овощном магазине ее ноздри приятно щекотали запах яблок или картофеля, редиски или лука. Молодую женщину все и вся притягивало, словно магнит. Она то и дело покупала женские костюмы. Нередко покупала их и по дорогой цене. Офицер Астахов не был скрягой. Понимал радость своей любимой женщины. Ради нее он готов был отдать все, что имел или что еще мог сделать на этой земле. Каждая обновка радовала молодого мужчину. Увидев жену в новом платье или костюме, он с улыбкой подходил к ней и крепко ее целовал.

К сожалению, семейная идиллия у молодой парочки все больше и больше иссякала. Чем больше сибиряки жили в военном городке, тем больше они охладевали друг другу. Пальму первенства в равнодушии к своему мужу и дочери Ларисе держала Татьяна Астахова. Причиной этому стала служба ее мужа. Она страшно злилась, когда его одноклассники получали повышение. Ее же супруг оставался на мели. Только поэтому она стала по-настоящему присматриваться ко всему тому, что происходило и кто ее окружал на небольшом участке земли, опоясанном колючей проволокой. Она уже несколько не сомневалась, что при такой «карьерной прыти» ее Владимир останется на дне армейской жизни. Будет десятки лет тянуть волынку – ждать пенсию. Ожидание – дело в принципе неплохое, но где прозябать все эти годы? В Москве, сидя в штабе или на китайской границе. За два года она познакомилась со всеми женами офицеров. Откровения некоторых напрочь отмели ее наивные мысли о возможной генеральской карьере мужа, или тому подобное.

Владимир Астахов «просидел» на взводе почти четыре года. И это произошло, несмотря на его усердие и ревностное отношение к службе. В канцелярии роты или в каптерке он не сидел в отличие от многих ровесников и тех, кто был его постарше. Все служебное время он занимался с подчиненными. Мало того. Отдавал им и часть своего свободного времени. Организовывал культпоходы в небольшой немецкий городок. Пару раз делали выходы на природу. «Взводная лачуга» и те, кто в ней жил, были для него не только подчиненными, но и близкими людьми. Солдаты также сторицей платили своему отцу-командиру. Все контрольные проверки взвод лейтенанта, позже старшего лейтенанта Астахова сдавали только на отлично и хорошо. Не было и каких-либо чрезвычайных происшествий. Жена офицера прекрасно понимала, что успехи ее мужа просто так не давались. За всем этим стояла его напряженная работа. В его успехе была и ее частица.

Астахова не раз скрипела зубами, вспоминая купейный вагон скорого поезда, идущего из Бреста в сторону социалистической Германии и симпатичного

офицера, летчика, который то и дело говорил о своем дяде генерале, обещавшим ему через год должность полковника и неплохое место службы – столицу самой большой по территории страны мира. Кто был по званию летчик, Татьяна мимолетного знакомого не спрашивала. В то время она еще практически ничего не знала о званиях или должностях Советской Армии. Его рассказы о блатной армейской жизни очаровали жительницу села Свистуново. Беременная женщина была также в восторге и от ухаживаний молодого мужчины. Приглашение Виталика посетить ресторан она приняла с большой радостью. Не противилась она и тому, когда они, полупьяные молодые люди занимались сексом. Татьяна то и дело сильно стонала. Ей казалось, что неожиданное удовольствие было послано ей из потустороннего мира, который назывался раем. На верхних полках четырехместного купе спали мужчины. Прапорщики возвращались из отпуска и были вдугу пьяные. Были ли они очевидцами человеческой страсти и плоти, никто из любовников не знал. Им в этот момент было не до этого. Во время проверки документов на границе Астахова заметила, что один из них был толстомордый, второй – с рыжей щетиной.

Лишь после того, как проводник объявил о том, что через десять минут поезд прибывает в г. Магдебург, молодая особа окончательно пришла в себя. Она взяла в руку маленькое зеркальце и густо намазала перламутровой помадой свои губы. Виталик стоял позади красотки и нежно гладил ее ягодички. Татьяна улыбнулась и сильно прижалась к мужчине. Очередного секса у любовников не получилось. Желание было, но не было возможности. Поджимало время, мешали этому и посторонние. Прапорщики лежали на полках и еле слышно хихикали. Они знали, что командир звена, первичного подразделения в военной авиации Сторожков был не только полковой балагур, но и бабник. И ехал он к прежнему месту службы без гроша в кармане. Двадцать марок на ресторан он одолжил у знакомого майора под честное слово, который ехал в соседнем купе.

Астахова, едва скрипнули тормоза, тяжело вздохнула и невольно про себя подумала:

— Хорошо, что ты, Татьяна, согрешила в эту ночь. Муж все равно о твоём грехе никогда не узнает, тем более, я беременная женщина...

Астахова вышла из вагона самой последней. Решила не спешить, Назойливые просьбы Сторожкова помочь вынести ее небольшой чемодан, она напрочь отmelda. Она неспеша сошла со ступенек и коснулась платформы. И тут же перед собою увидела высокого мужчину в гражданской форме одежды. В руках у него был огромный букет цветов. Она от неожиданности приостановилась и широко улыбнулась. Перед ней стоял ее законный муж. Астахов крепко поцеловал жену в губы и слегка оторвал ее от земли. Лицо стройного симпатичного мужчины светилось от неподдельной радости, неземной радости. Затем он вручил любимой женщине цветы.

Некоторые время молодые люди стояли, словно чужие. Затем их глаза заискрились от радости. За недолгую разлуку их физиономии почти не

изменились. Хотя это было далеко и не так. Молодой мужчина был одет в креплиновый костюм темно-коричневого цвета, на молодой женщине очень ладно сидел брючный костюм светло-серого цвета. Астахову очень нравилась и ее прическа, короткая стрижка с копной пышных каштановых волос. Он крепко сжал руку своей жены и неспеша двинулся в сторону вокзала. Через пару минут поезд тронулся и идущие под ручку молодые люди позади себя услышали сильный мужской голос:

— Эй, вояка, брось свою жену, она у тебя шлюха...

Астахов оглянулся и увидел из окна вагона мужчину, физиономия которого чем-то напоминала бульдога, собаку с большой тупой мордой. Что он говорил или кричал дальше, Владимир не слышал. Поезд все больше и больше набирал обороты. Да и вникать в слова незнакомого человека ему не пришлось. Жена сильно прижалась к мужу и нежно поцеловала его в щечку. Затем ласково проворковала:

— Интересно, что же мой любимый вояка, приготовил мне сегодня на вечер...

Астахов слегка покачал головой, улыбнулся. Затем взял жену под руку и с радостным выражением лица продолжил путь...

Глава третья. *В поисках жениха.*

Международный автобус «Odgi» на парковочную площадку города Днепр прибыл точно по расписанию. Небольшая группа людей, стоявшая в ожидании автобуса, с облегчением вздохнула. Причиной этому была не только прибытие автобуса, но и скверная погода. С самого утра до позднего вечера то моросил мелкий дождь, то проносился шквалистый ветер. Промерзшие до костей пассажиры стремительно ринулись к водителям. К их счастью, проверка билетов, как и погрузка багажа, продолжалась недолго. Вскоре комфортабельный многоместный автомобиль взял курс на Германию. Среди тех, кто занял места была и Олеся Астахова.

Попасть в самый центр Европы – была голубая мечта молодой симпатичной блондинки. Оказаться за бугром она могла еще и в детские годы. Показать своей внучке западную цивилизацию обещал дед Владимир. Обещал, но почему-то не сделал. Скорее всего, не успел. Любимый дедушка скончался буквально пару лет назад. Его сердце не выдержало. Сказался не только почтенный возраст, но и постоянные нервные нагрузки.

Показать Запад могла и бабушка Татьяна, которая была женой деда Владимира. Олеся не понимала и свою мать Ларису, которая родилась в немецком городе

Магдебург. Она родилась 9 мая, в день победы советского народа над фашистской Германией. Детство матери также прошло без особых проблем.

В отличие от матери дочь родилась в очень трудное время. Огромная страна под названием СССР развалилась как карточный домик. Большие и маленькие клерки, находившиеся у власти, без всякого зазрения совести делили некогда великую державу на маленькие территории и набивали свои желудки. Простой же люд бедствовал.

Откровенно говоря, молодая женщина еще до сих пор по-настоящему не понимала все то, что произошло на просторах «единого могучего Союза».

Она также до конца не понимала и то, почему она осталась без родителей. Олеся своего отца в жизни еще никогда не видела. Мать о нем вообще ей ничего не рассказывала. Кое-что об отце она узнала от деда Владимира. И то это были намеки, не больше. Сирота при живых родителях понимала, что ее родители очень рано развелись. Развелись через месяц после того, как ее привезли из родильного дома. Отец Иван служил солдатом на Украине и там нашел другую девушку. Лариса осталась одна. Дедушка Владимир помогал своим близким людям материально: дочери, сыну и единственной внучке. Особенно благоволил он свою единственную внучку. Он в ней души не чаял, хотя сам почему-то все время жил один. Олеся также до сих пор не понимала, почему о существовании своего деда она узнала поздно. Он появился, когда она уже ходила в детский садик. Ей очень нравился дедуля Володя. Он рассказывал ей не только сказки, но и делал щедрые подарки.

После окончания первого класса дед подарил Олесе детский велосипед. Она любила на нем кататься, особенно вечером, после выполнения домашних заданий. Их она делала всегда прилежно. Не сомневалась, что строгий учитель и наставник гвардии майор Астахов все равно ее проверит. В худшем случае, приструнит, но не даст своей любимой внучке спуска. Упущения в учебе он ей не прощал.

О молодости деда Володи Олеся знала лишь крупицы. Он после увольнения из армии получил жилье в Омске. Затем после развода с женой уехал в г. Белгород. Затем оказался на Украине, на родине своего деда. Потом вновь приехал в Омск. Через год забрал к себе единственную внучку Олесю.

Астахова прекрасно знала, что ее любимый дедушка до самых костей военный человек. Его строгость и закалку она видела и чувствовала почти каждый день и каждый час. Дед утром вставал очень рано и делал пробежку вдоль небольшой реки Омки. Затем он быстро отводил внучку в школу и тут же бежал к серому зданию, где находилась пожарная часть района. Кем там работал дед и что он там делал, Олеся не знала.

Замечала она и то, что ее дед почему-то сторонился людей. В его трехкомнатной квартире практически никогда не было ни знакомых, ни друзей. Олеся не могла

припомнить и соседей по подъезду, которые были у них в гостях или встречались просто так, для человеческого общения.

Десять лет учебы пролетали для Олеси Астаховой очень быстро. Они были для нее не столь уже и трудными. Она была счастливой, когда ее мать нашла себе друга жизни Артема, который был на пять лет ее старше. Крутой мужчина в Днепропетровске держал два небольших продуктовых магазина. Вскоре переехала туда и Лариса, стала бухгалтером при фирме своего друга.

Из близких людей, которые окружали красивую блондинку, больше всех приумножал ее материальное положение дедушка Владимир. Несмотря на то, что его возраст зашкаливал за пятьдесят, он создал свое малое предприятие «Мое Авто», мастерскую по ремонту легковых автомобилей. Заказов было хоть отбавляй. Мало того. Дед принимал заказы не только от горожан, но и от сельских жителей.

Благодаря пробивному и умному деду его внучка Олеся все эти годы преуспевала. Всегда и везде. Одновременно Астахов девушку не баловал. Ежели ей давал деньги, то нередко просил ее отработать, или просто-напросто чем-то помочь. «Любовь к труду» - необходимость для цивилизованного человека, как правило, дед прививал своей внучке во время каникул. Под днищем машины она не стояла, как и не ложилась кирпичи под палящим солнцем или при сильным морозе. Она сидела в просторном кабинете директора и занималась кредитом или дебитом. Довольно часто звонила по телефону.

После восьмого класса Астахов, человек строгих правил несколько изменил свое отношение к любимой внучке. Он прекрасно понимал, что в этот переломный возраст для детей, особенно для симпатичной блондинки, на которую уже заглядывались ребята и постарше, надо, как это возможно, избегать сентиментальностей. Он держал школьницу не только в ежовых рукавицах, но и всячески ее натаскивал. И не только знаниями. Он давал ей возможность посмотреть мир. Олеся побывала почти во всех союзных республиках бывшего Советского Союза. Съездила и в некоторые страны бывшего социалистического содружества. Болгария и Польша ей не понравились. Сам дед в вояжах участия не принимал. Ему было не до этого, он был занят своей работой. Сопровождала молодую особу заместитель директора школы, в которой Астахова училась. Олеся видела эту симпатичную женщину с короткой стрижкой каштановых волос пару раз в кабинете деда.

Внучка преуспевающего предпринимателя, несмотря на безбедное существование, почему-то рвалась в ФРГ, на ту землю, где родилась ее мать и служил ее дед, офицер Советской Армии. По мере взросления дед все больше и больше рассказывал ей об этой стране. Олеся внимательно все слушала. Нередко и приунывала, впадала в раздумье. Считала, что информация деда – очередные сказки. Ей не верилось, что на улицах не может быть окурков. Не говоря уже о пьяницах, лежавших на улицах или болтающихся на вокзалах. Не

верила она и тому, что можно было оставить специально или по-настоящему что-либо забыть в магазине или в подъезде, и никто это не украдет.

Олеся Астахова невольно опускалась на свою родную землю и от страха слегка пожимала хрупкими плечиками. Она была несколько раз у своей подруги в Амурском поселке. Весной или осенью, особенно во время проливных дождей, по нему можно было пройти только в болотных сапогах. Не говоря уже об общественных туалетах, из которых несло мочой или дерьмой за целый километр.

О воровстве вообще говорить не приходилось. Пятиклассница Олеся Астахова этот эпизод запомнила на всю жизнь. Первый день после зимних каникул выдался очень морозным. Зашкаливало за двадцать градусов. Он надела импортные теплые перчатки, подарок деда. Вечером пришла со слезами на глазах. Подарок украли. Дед сначала произошедшее назвал червычайным происшествием, потом призывал внучку сохранять спокойствие. При этом он усмехнулся и со вздохом произнес:

— У нас, в России, всегда воровали... Воровали при царях, при коммунистах, воруют и при демократах...

Внучка на реплику ничего не ответила. Он кисло улыбкунулась и слегка махнула рукой, тем самым показала, что она полностью согласна с умозаключением своего любимого деда.

Олеся Астахова окончательно убедилась в правдивости нравоучений своего деда, как только перешагнула порог Омского государственного университета. Она уже на первом курсе убедилась в том, что ежели бы ни дед, точнее, его деньги, то подобное высшее учебное заведение она бы никогда не увидела, как свои собственные уши. И это произошло, наверняка, несмотря на то, что она имела хорошие знания. Поражало студентку не только мздоимство или лицемерие, царящее в стенах вуза, но и спесь, двуличие профессорско-преподавательского состава. Архибольшинство оных очень быстро перебежало из стана «красных» и в один миг стали маститыми учеными, предвестниками или пророками капитализма. Бесило ее и двуличие местной власти. В бывшем Союзе в принципе ничего не изменилось. Бывшая партийно-советская номенклатура переделась в робу демократов и осталась на своих местах. Те же чиновники остались и на омской земле...

Неожиданная смерть Владимира Астахова практически в один миг расстроила жизненные планы его внучки. Отдушиной для нее стало лишь то, что она успела получить диплом об окончании университета буквально за пару месяцев до смерти самого близкого и самого любимого человека.

Олеся Астахова провожала своего деда в последний путь одна. Никого из близких родственников на кладбище не пришел. Не было и знакомых. Какого-либо завещания покойник также не оставил. Последнее мало чем огорчило молодую блондинку. Она была прописана в трехкомнатной квартире на берегу Оми, которая была собственностью деда. Жилье для нее был самым главным,

остальное ее мало интересовало. Поэтому она не стала совать нос в автомастерскую деда. Прекрасно знала, что в последнее время небольшое предприятие дышало на ладан. Причиной этому была не только болезнь директора, но и всевозможные сборы и поборы, которые в прямом смысле разоряли местных предпринимателей.

Только через пару месяцев после тяжелой утраты Олеся Астахова окончательно пришла в себя. Вновь опустилась на грешную землю. После короткого раздумья она пришла к выводам. Они были неутешительными. Быть философом ей не хотелось. Особенно сейчас, когда в обществе шла борьба за физическое выживание. Идти в какую-то фирму и угодничать придуркам или родственникам бывшей партийно-советской элиты она также не хотела.

В конце концов безысходность вынудила молодую женщину идти на ва-банк. Она решила выполнить просьбу своего деда. Схватила за соломинку, хотя до сих пор не верила в то, что на чужбине она может найти лучшую жизнь, свое личное счастье. Дед, скорее всего, предчувствовал свою смерть, и поэтому очень настойчиво просил внучку съездить в объединенную Германию. Просил, несмотря на то, что эта страна переживала далеко не лучшие времена. Об этом почти день и ночь болтали по телевизору и писали газеты. Астахов же все еще надеялся на бывшую социалистическую ГДР, на ее сохранность и процветание. Он не верил, что там что-либо изменилось в худшую сторону.

На протяжении двух десятков лет Владимир Астахов пытался хоть на какой-то миг очутиться на том месте, где прошли его лучшие молодые годы. Пытался, но не получалось. Сначала семейные неурядицы и переезды, потом борьба за выживание. Затем внезапно подошла старость и болезнь...

О неудавшейся личной жизни и своих болячках он никому не говорил. Ни раньше и ни сейчас. Все держал за семью замками, все и вся перемалывал в себе. Не втягивал в орбиту своих проблем и свою внучку. Олеся была для него самым близким человеком, смыслом его жизни.

Узнав от врача о том, что его дни уже сочтены, Астахов пригласил внучку в свою комнату, и слегка улыбнувшись произнес:

— Олеся, внучка моя... К сожалению, и моя очередь пришла уходить в иной мир. Семь десятков с небольшим хвостиком не так уже и мало...

Увидев понурое выражение лица симпатичной девушки, с оптимизмом в голосе продолжил:

— Олеся, не отчаивайся и не падай духом... Подобное все люди на этой земле проходят... Я этому не исключение..

Затем он прикоснулся к ее руке и вновь произнес:

— Олеся, ты, пожалуйста, не обижайся на меня. Я, как мне представлялось, прожил свою жизнь неплохо, по-человечески...

На некоторое время пожилой мужчина замолчал. Потом он тяжело вздохнул и сквозь внезапно набежавшие слезы промолвил:

— К сожалению, я не мог до конца определить твою судьбу...

После этих слов старик привстал с дивана, подошел к тумбочке и выдвинул из нее задвижку. Достал записную книжку. Несколько ее полистав, с уверенностью в голосе произнес:

— Олеся, если уже тебе будет невозможно, то позвони по телефону одному человеку... Я думаю, он тебе поможет... — После некоторого раздумья продолжил. — А это письмо отправь срочной почтой... — Вытащив довольно толстый конверт из той же задвижки, он еле слышно прошептал. — Отправь же завтра утром... Адрес и все остальное на нем написано... — После небольшой паузы больной слегка улыбнулся и затем очень серьезно сказал. — Олеся после моей смерти все продай и уезжай к матери...

Астахов после этих слов вновь прилег на диван, на несколько минут закрыл глаза. Внучка сидела возле деда и еле слышно всхлипывала. Она больше всех на свете боялась его смерти. Ее лицо засветилось радостью, когда пожилой мужчина открыл глаза, и словно ничего не произошло, встал с дивана и подошел к своему письменному столу. Опустился на колени и из нижней задвижки вытащил небольшой металлический сейф с ключом. Неспеша его открыл, и увидев несколько изумленный взгляд своей внучки, очень спокойно промолвил:

— Олеся, я никогда не был новым русским, не стал и бандитом, но тебе этих денег на первый раз хватит... — Выдавив из себя улыбку, добавил. — Я делал все возможное, чтобы мои близкие люди были счастливыми, но, к сожалению, не получилось...

Владимир Астахов умер через месяц. Считать американские доллары или звонить загадочному человеку внучке не предстало. Ей было не до этого. Она все время была у постели своего единственного близкого человека, который был для нее дедом, отцом и матерью.

Только через два года после смерти деда Олеся Астахова позвонила его другу, живущему в Германии. Через год оказалась в немецком городе Штутгарт. Раньше не получилось. Причиной этому было оформление заграничного паспорта. Немецкие власти делали все возможное, чтобы притормозить туристку. Сначала они придирались к тому, кто приглашал молодую девушку к себе в гости. Усложняло дело и то, что она была молодой и незамужней, умной и красивой. И то навряд ли она оказалась за бугром, ежели бы не соглашение между Германией и Украиной о свободном безвизовом режиме.

Гражданин Германии Васильев Иван очень тепло встретил внучку своего бывшего однополчанина. Он не кривил душой, что к этой встрече он готовился почти четверть века. Все эти годы ждал своего командира батальона гвардии майора Астахова. Нередко ему и звонил, но тот все приезд откладывал. По одним

и тем же причинам. То проблемы с женой и детьми, то пресловутая перестройка, то поиски выхода из нищеты.

Капитан Васильев своего командира после Афганистана на некоторое время потерял из виду. Одно он точно знал, что он был родом из Сибири и окончил Омское высшее военное командное училище. Нашел его только через десять лет и то благодаря подруге своей жены, которая в молодости работала в небольшом городе Подольске, в военном архиве Министерства Обороны СССР. На его письмо командир ответил, дал свой телефон. Астахов звонил своему бывшему подчиненному очень редко, но это нисколько не тревожило и не обижало Васильева. Он на какой-то миг становился на место очень серьезного, еще молодого, но уже седого мужчины, и свои тревоги отбрасывал в сторону. За год совместного пребывания в Афгане для лейтенанта Васильева майор Астахов был примером не только в службе. Седовласый мужчина для своих подчиненных был настоящим батшкой, ради них он был готов отдать не только душу, но и свою жизнь.

В этом выпускник Московского высшего военного командного училища убедился на собственном опыте. «Литер» сам напросился в Афганистан. На подвиги его толкало не только желание как можно скорее испытать себя в боевой обстановке, но и одиночество. Парень, которому было всего-навсего двадцать с маленьким хвостиком так и не удосужился обзавестись женой или невестой. Едва он оказался в сопредельном государстве, как тут же напросился на боевой выход. Мало того. Его сильно угнетало, что двое солдат из его взвода имели правительственные награды. Хотел иметь боевой орден и их командир.

Не остановил прыть «салаги» к героизму и майор Астахов, который предлагал ему пару дней присмотреться, хоть как-то вникнуть во все происходящее на местах. И это не подействовало. В конце концов комбат сдался, уступил напористому лейтенанту.

Очередной боевой выход для Астахова был по счету десятым. До сих пор ему везло. Спецгруппа под его командованием с поставленными задачами успешно справлялась. Не было и потерь, за исключением двух раненых.

И на этот раз выполнение боевого задания легло на плечи майора Астахова. Легло совершенно случайно. Он был вынужден командование группой взять на себя. По ряду причин. Командир роты капитан Силуянов внезапно заболел, у него была очень высокая температура. Начальник штаба батальона майор Квасов сидел уже на чемоданах, через день у него начинался отпуск.

Рано утром мотострелки на БМП выдвинулись в заданный район, где ожидалось появление каравана с оружием. Затем они заняли позицию на сопке. Через день поздно вечером на дороге появилось три грузовика, сопровождали их несколько душманов. По приказу Астахова они были атакованы и вскоре были уничтожены. Но «духи» так просто сдаваться не хотели, тем более отдавать оружие. Из кишлака, который находился неподалеку от дороги, пришло подкрепление. Они стали обстреливать «шурави», так афганцы называли советских солдат. Астахов

быстро изменил тактику действий. Одна группа под его командованием двинулась к грузовикам, группа лейтенанта Васильева стала атаковать душманов, спрятавшихся за дувалом, укрытием из бетона.

Вскоре Астахов узнал, что лейтенант Васильев тяжело ранен. Мало того. Подчиненные молодого офицера на какой-то момент сникли, упали духом. Растерялись. Астахов прекрасно знал, что внезапно появившаяся паника может привести к непредсказуемым последствиям. Он моментально сорвал гранатомет с плеча одного из солдат и сделал два прицельных выстрела по дувалу. Затем приказал перенести весь огонь по тем, кто спрятался за стеной. Сам же попластунски пополз к тому месту, где раздавались стоны молодого офицера. Несмотря на ожесточенный огонь душманов, Астахову удалось вынести из-под огня своего подчиненного...

Известие о смерти своего командира ошеломило Васильева. Об этом он узнал от молодой девушки, его внучки, которая со слезами на глазах рассказывала о последних днях жизни своего любимого деда. Васильев призадумался, вспомнил недавний разговор с Омском. В очередную годовщину дня Советской Армии телефонный разговор у мужчин получился довольно продолжительным. Иван с первой же минуты почувствовал, что-то неладное, тревожное случилось у его командира. Раньше он никогда не сетовал на свою судьбу, тем более, ничего ни у кого не просил. Да и на этот раз его просьба сделать приглашение внучке прозвучала как-то вскользь, словно случайно.

Довольно объемистое письмо из Омска окончательно расставило все по местам. Астахов писал, что современной России сейчас не до умных людей. Не исключение этому и философы. Его просьба к другу заключалась в одном: найти возможность Олесе хоть немного пожить на немецкой земле, поглядеть на современную Европу, в лучшем случае, трудоустроиться.

Над просьбой внезапно умершего друга Иван Васильев думал основательно. Думал не раз и не два. Сначала думал вместе с женой, затем думал наедине. Его жена Полина, российская немка, в недалеком прошлом боевая подруга, умерла за полгода до смерти Владимира Астахова.

Только благодаря своей жене Васильев оказался в Германии. Если бы не она, то он, вполне возможно, до самой смерти садил и копал картофель, заготавливал дрова и сено в небольшой деревне Осташкино на берегу великой русской реки Волга.

Приезд Олеси Астаховой для жителя Штутгарта господина Васильев оказался в какой-то мере неожиданным. Украинка приехала поздно вечером, приехала на такси. И не только это поразило бывшего россиянина. Он сидел на диване и смотрел футбольное обозрение, как раздался звонок из подъезда. Васильев подошел к селектору и нажал кнопку. И тут же на чистом немецком языке раздался молодой женский голос. Молодая особа интересовалась тем, здесь ли живет господин Васильев. Хозяин на несколько мгновений растерялся. С молодыми особами он какой-либо дружбы никогда не водил. А старушки его из его

подъезда, которым каждой было уже далеко за семьдесят, его вообще не интересовали. Лишь после того, как он дал утвердительный ответ, незнакомка перешла на русский язык.

Утром следующего дня абсолютно незнакомые люди по-настоящему рассматривали друг друга. Хозяин трехкомнатной квартиры, которая находилась на втором этаже старой пятиэтажки, что по улице Харцстрассе, расцвел в обворожительной улыбке, когда увидел свою гостью. Высокая блондинка была не только стройной, но и красивой. Особенно мужчине нравились ее голубые глаза, они были большими и с длинными ресницами. Без ума он был и от ее белых волос, локоны которых ниспадали на ее крутые плечи. Васильев слегка щелкнул себя пальцем по лбу и с нескрываемым радостью пробубнил себе под нос:

— Олеся, перед такой мировой красавицей, как ты, не только Штутгарт, но и вся Германия встанет на колени...

Блондинка на реплику мужчины с небольшой лысиной на голове прореагировала совершенно спокойно. Она слегка улыбнулась, затем с некоторым раздражением с голосе произнесла:

— Иван Петрович, я, честно говоря, пока и не собираюсь обзаводиться семьей... Тем более, сейчас...

Заметив легкую грустинку на лице молодой девушки, Васильев решил изменить ход беседы, к которой он, как ему казалось, готовился очень давно. Прошедшую ночь он практически не смыкал глаз. Олеся о своем приезде сообщила ему по мобильному телефону, сообщила неделю назад. После звонка пожилой мужчина все думал и взвешивал, что предпринять и как лучше помочь внучке своего командира. Раньше в этом ему помогала жена, член семейного совета. На нем обсуждались все вопросы, начиная от маловажных новостей, исходивших из их подъезда или дома, и заканчивали мировой политикой. Уход любимого человека в иной мир в корне изменил поведение Васильева. Он сильно осунулся, страшно поседел. Мужчина все больше и больше замыкался в себе. С соседями он общался очень мало, урывками. Мир для него, как таковой, вообще не существовал. Главное для него была работа, которая была унижительной, низкооплачиваемой. Однако другого выхода для бобыля не было. Охрана промышленных объектов, «сторожбa», ночное бдение, несмотря на малую значимость, как род деятельности, в общественном сознании, приносила Васильеву хоть какой-то доход. Затем он устроился хаусмайстером, дворником при гимназии. Несколько оживился. Изменился не только график работы, но и выше стала оплата труда. Пожилой мужчина пахал не ради себя, пахал ради своего единственного внука Володи. Родители малыша хотели назвать своего первенца Андреасом, но уступили настойчивым просьбам деда.

К сожалению, молодым переселенцам из Волгограда не удалось пожить на немецкой земле. Через пять лет после рождения сына они погибли в автомобильной катастрофе. Виновником трагедии был восьмидесятилетний немец из Баварии, выехавший на полосу встречного движения. Сын Евгений и

сноха Майя ехали из Мюнхена в Штутгарт, хотели погостить у родителей и забрать домой своего сына...

План Васильева по поиску женихов на немецкой земле Олеся Астахова сначала категорически отвергла. Увидев кипу немецких и русскоязычных газет, которые пестрели объявлениями о знакомствах, блондинка бросила искрометный взгляд на своего «менеджера» и сквозь зубы процедила:

— Иван Петрович, мне подобная помощь вообще не нужна... Я еще в силах найти себе жениха...

Увидев легкую ухмылку на лице мужчины, гостя быстро привстала с дивана и направилась в свою комнату. Привстал и Васильев. Неожиданный разворот событий его в прямом смысле шокировал. Его план, который он носил в своей голове почти около года и для его реализации он уже кое-что сделал, мог разрушиться. Мужчина на какой-то миг потерял контроль над своим разумом и действиями.

Он сделал пару шагов в сторону уходящей блондинки и почти по-военному рявкнул:

— Олеся, остановись, пожалуйста, я прошу тебя...

Девушка слегка вздрогнула и повернулась в сторону того, кому принадлежал громовой голос. Олеся слышала подобное только по телевизору, когда транслировались военные парады на Красной площади в Москве.

К удивлению или радости обеих, пожилой мужчина и молодая девушка в этот день приняли совместное решение. Астахова в конце концов сдалась и почти без всяких изменений решила сыграть роль невесты. Хотя не обманывала себя, в этой жизни все может быть. А вдруг она и взаправду найдет себе настоящего принца. Не боги горшки обжигали. Не отказалась она и от очередной услуги Васильева. Для экономии времени он предложил ей услуги извозчика. Невеста утвердительно кивнула головой. Город она абсолютно не знала. Боялась она и всевозможных подвохов.

Очередная ночь на немецкой земле для внучки бывшего офицера Советской Армии Владимира Астахова была невероятно тревожной. Она то и дело просыпалась, затем вновь погружалась в сон. Молодая особа находилась в плену мыслей. По своему содержанию они были довольно разными, неординарными. Она все еще колебалась, искать ли ей мужчину ради любви или ради корысти, чтобы кушать кусок хлеба с маслом, а лучше с черной икрой.

Олеся почему-то до сих пор не верила в настоящую любовь. Она прекрасно понимала, что ее любимый дед был также обделен любовью со стороны другого человека, который назывался женщиной. О своих же родителях она вообще не хотела вспоминать. Никто из них не был для нее эталоном жизни и любви.

Не находила она для себя кумиров и среди других обитателей земли. Молодой философ в эту ночь «прочесал» всю когорту великих людей, которым на протяжении столетий преклонялись миллионы людей. Как ни странно, в эту ночь к подобным личностям он испытывал отвращение.

В голову Астаховой невольно пришла информация из книги «История государства Российского». «Царь Иван Грозный, «наш» оказался не очень приятным человеком и личностью совсем не героической. Скорее всего, он был грязным и подлым донжуаном. Из всех городов России в его слободу свозили невест, знатных и незнатных. Числом более двух тысяч. Каждую ему представляли особенно. Сначала он выбрал 24, затем выбор остановил на 12 женщинах, коих надлежало осмотреть доктору и бабкам...».

Философ с белыми локонами горько усмехнулся. Не оставали от царей и представители партийно-советской номенклатуры. Женщины, как правило, красивые и молодые, очень быстро попадали в структуры власти или когорту ученых мужей. Особенно преуспевали представители творческих профессий. Олеся горько усмехнулась, вспомнив не столь далекое прошлое. Она страшно любила кино, и едва у деда появлялось свободное время, тащила его в кинотеатры. Астахов не противился этому. Он, как и его внучка, обожал советские фильмы, любили они и актеров. Сейчас же это увлечение, которое когда-то было не то хобби, не то нечто другое исчезло и оставило лишь одни разочарования. Киностудии, специфические теремки блядства и плутовства, были и оставались очагами разврата и обмана. Они денно и ночью подрывали истинные духовные ценности и устои общества.

Астахова вновь усмехнулась и тяжело вздохнула. Интимная индустрия все больше и больше набирала темпы. Все и вся достигалось только через секс. Половое сношение ради необходимого личного стало проходной картой буквально для всех структур власти, образования, культуры и искусства. Секс как специфическая форма расчета за определенную услугу или должность, стал чуть ли не основным мерилем человеческих возможностей и ценностей. Его участники, будь то мужчины или женщины, преследовали единую цель – больше удовольствий для себя, больше наживы для себя. Секс был также один из трамплинов для получения частной собственности. Интеллект, как основное отличие людей от животного мира, все больше и больше уходил на задний план.

Олеся слегка зевнула и плотно закрыла глаза. Через пару часов в комнату придут первые лучи солнца, она еще так и не спала. Она еще раз зевнула и еле слышно прошептала себе под нос:

— Да, молодой философ, Олеся Астахова... Ведь ты никогда не думала, что когда-то ты будешь искать свое счастье за бугром...

Только после обеда Васильев и его гостя по-настоящему взялись за дело. Олеся, прекрасно знавшая немецкий язык, без всяких проблем внимательно просмотрела дюжины немецких газет со всевозможными рубриками о знакомствах. Наибольшее число объявлений было в местной газете «Stuttgarter

Wochenblatt». Нашла она и свое объявление, которое дал по собственной инициативе Васильев. Он и не исключал такой вариант для внучки своего друга, чтобы она осталась жить в Германии. Объявление было очень простое и довольно короткое: «Симпатичная стройная девушка из Украины, 25 лет, с высшим образованием ищет мужчину для создания семьи». Каждое объявление имело специальный код.

По совету Васильева невеста русскоязычные газеты не просматривала. Оставила она без внимания и довольно подозрительные объявления в немецких газетах типа: « 62-летний немец с арабскими корнями и муслимской верой ищет женщину для брака».

Итог кропотливой работы оказался далеко неутешительным. Из 55 писем женихов, пришедших на домашний адрес Ивана Васильева, невеста выбрала только 10. И то с большой натяжкой. И тут же их пронумеровала. Затем стала читать. Для нее было правилом, сначала ознакомиться с содержанием письма, а потом уже что-либо предпринимать.

Первое письмо было от господина Гельмута Кайзера, жителя города Фрайбурга. Он писал: « Очень многоуважаемая женщина, ищущая партнера! Я с большим интересом и любезностью прочитал ваше объявление. Мне 57 лет, но выгляжу очень молодо. Рост 172 см, стройный, одиночка, открытый, люблю природу, ответственный, любвеобильный, верный и вижу себя только в семье. Я на протяжении многих лет пишу объявления и хожу во всевозможные кружки, чтобы найти женщину, но все бесполезно. Я никогда не получал ни одного шанса найти себе жену. Я работаю в сельском хозяйстве. Можете вы написать мне письмо или позвонить по телефону. Мне удобно звонить с 14 часов дня, семь дней в неделю соответственно я дома».

Олеся улыбнулась, слегка покачала головой. Затем еще раз пробежала глазами по каракулям жениха. Неспеша перевела дыхание. В послании было около дюжины грамматических ошибок. Поняла, что автор ярко выраженный колхозник, притом еще и неграмотный. Фото ее также не привлекло. Неухоженный тип с небольшим клочком волос на продолговатой голове чем-то напоминал пьяницу из сибирской глубинки или работягу из умирающего завода демократической России. Она невольно сравнила фото жениха со своим дедом и ее сердце тревожно застучало. Астахов всегда держал себя «при параде», будь то армия или колхоз. Не говоря уже о поиске невест. С этим же типом связывать свою жизнь его внучка ни в коем случае не намеревалась.

Для убедительности Олеся обратила внимание и на интерьер комнаты, где был сфотографирован мужчина. Полуоблезлый диван красного цвета и позади стена с большими серыми пятнами, чем-то напоминавшие мочу или плесень, вообще отбили у нее интерес к жениху. Она, не долго думая, взяла послание в свои руки и разорвала его на маленькие кусочки. При этом тяжело вздохнула. Первый блин комом.

Содержание второго письма невесту несколько приободрило. Оно пришло из Цуффенхаузена, микрорайона г. Штутгарта. Фамилии и имени жених не написал. Его «технические данные» Олесю в принципе не разочаровали. Безымянный мужчина был 45 лет, его рост был 175 см и весил он 73 кг. Жених почему сразу же посетовал на нехватку времени. Олеся так и не поняла, какого времени у него не было – рабочего или свободного. Одновременно неизвестный тип советовал ей как можно быстрее написать пару слов о себе, чтобы он все это прочитал в бюро перед работой. Что за работа и где жених работал, невеста так и не могла представить. Однако это ее не тревожило. Она всем своим нутром чувствовала, что немцу как воздух была нужна женщина. Лицо, противоположное мужчине по полу, та, которая рождает детей и кормит их грудью. Подобных или подобную он все эти годы не имел, а вот сейчас решил найти любимую. И толчком к этому послужила Олеся, молодая блондинка из Украины. Жених предлагал ей совместную жизнь, чтобы долго гулять, разговаривать друг с другом, и другое... При слове «другое...» Олеся слегка вздрогнула. Причиной этому было фото жениха. На малюсеньком клочке фотографической бумаги было изображение чем-то похожее на человека, а может даже и на существо мужского пола. Лысым оно не было, не было и локонов. Физиономия в основе своей имела правильные линии, не считая полуоткрытый рот, да слишком толстые губы. Был ли мужчина интеллигентом или работягой, она также не могла определить. Мужчина был в куртке серого цвета с небольшим капюшоном, часть которого выглядывала из-за его шеи... Этого ухажера Олеся не стала «казнить». Она отложила его письмо в сторону. Тем более, он дал свой адрес электронной почты и номер мобильного телефона.

Послание очередного жениха также было без имени и фамилии. Не написал жених и место своего жительства. Был лишь номер мобильного телефона. Мужчине было 49 лет, 184 см рост, 85 кг вес. В отличие от предыдущих кавалеров этот незнакомец имел что-то в кармане. Он имел собственный дом с большим садом и террасой, притом в престижном районе большого города. Мало того. Он имел и большой бассейн. Устраивало Олесю и все остальное. Мужчина любил плавать, ему нравилась классическая музыка, выезды на лоно природы и посещение ресторанов. В случае брака он обещал все это имущество подарить своей молодой жене. Обещал также быть верным и любить до последнего издыхания. Фото не было. У Астаховой от прочитанного радостно екнуло сердце. Она на некоторое время призадумалась. Разница в возрасте в двадцать лет ее в данный момент почти не тревожила. Она невольно вспомнила жен и невест современных политиков, градоначальников, известных бандитов. Прихватила также кое-кого и из глубины веков. Невеста улыбнулась, затем взяла фломастер красного цвета и на конверте начертала три больших плюса...

Следующее письмо пришло по почте с грифом «60 +». Астахова уже было слышана от Васильева о том, что немцы искали молодых женщин, чтобы под старость «побаловаться». Их жажда утроилась, как только Германия открыла границы для всех и для каждого. При этой мысли блондинка сначала отложила конверт в сторону, затем все-таки опять взяла его в свои руки. Письмо

принадлежало Генриху Паттену из небольшого города Нюртингена. Мужчина несколько лет жил один, Single. Его возраст был 60+. Имел свой дом и сад. Далее он писал: «Я хотел, чтобы ты меня любила и вместе мы будем строить будущее и образуем единую семью. Напиши мне пару строк. С дружеским приветом...».

Фото жениха Астаховой не понравилось. Седой старик, которому, без всякого сомнения, было за семьдесят лет, поднимался по ступенькам крыльца небольшого особняка. Дедушка почему-то Олеся не понравился. К тому же, он мог и привирать.. Несмотря на это, невеста все-таки положила его конверт в стопочку женихов. На всякий случай...

Содержание письма очередного кавалера очаровательную блондинку неслыханно обрадовало. Обрадовало не только содержанием, но и самим конвертом. Конверт был не только большой, но и с двумя печатями. Мало того. Он в двух местах был даже прошнурован, словно в нем содержалась военная тайна.

Олеся в нескрываемом интересом вскрыла конверт и развернула два листа писчей бумаги. И тут же стала читать. Автором послания был Адольф Шрейдер, предприниматель, директор малого предприятия из университетского города Тюбинген. Его данные: 54 года, 185 см рост, вес – 80 кг. В конверте была его визитная карточка и также домашний адрес. Немец писал: «Я уже многие годы мечтаю о молодой жене, с которой хочу построить дом своего счастья. Я хочу иметь красивую девушку, которая бы сопровождала бы меня всю мою жизнь. Мои проекты очень большие, и без жены я не могу их осуществить. Приезжай ко мне домой и я тебе о всех своих планах расскажу». Было также и его фото. Олеся оно почему-то не понравилось. Здоровый лысый мужчина в коричневой куртке, на левом его плече была маленькая обезьянка, на правой руке – не то сокол, не то беркут, особых симпатий у невесты не вызывал. Несмотря на это, она все-таки решила к нему съездить. Причиной этому были его богатства. Олеся не лукавила и не обманывала себя. Все знаменитости, будь то мужчины или женщины, стали известными благодаря не таланту, а деньгам, которые они имели. Если не имели денег, то имели богатых покровителей. Не пугал ее и возраст предпринимателя. Ей молодой и красивой можно втайне и пофлиртовать. Муж не заметит, а Бог всегда простит...

Очередное письмо было от Клауса Фогеля, жителя г. Штутгарта. Пенсионер, 75-летний старик восхищался тем, что наступивший день стал для него особенным. В этот день он прочитал объявление от молодой девушки из Украины. И на некоторое время он ударился в воспоминания. Его отец был на восточном фронте, затем попал в плен к русским. Клаус всегда мечтал не только о красивой и спокойной жизни, но и о красивой девушке, жене, с которой он хотел прожить долгие годы. Рассказал старик и о своем свободном времени, которого у него довольно часто не хватало. Клаус вставал рано утром и бродил по городу, иногда до вечера или даже до утра. Он занимался также йогой, активно играл в теннис. Очень много времени он уделял танцам. В некоторые вечера он вообще забывал о своем возрасте и окунался в мир музыки и движений. В конце своего письма

жених написал: « Если ты любознательная, то приезжай ко мне и я тебя окуну в иной мир».

После прочтения этих слов у Олеси невольно навернулись слезы. Она на какой-то миг вспомнила своего деда, который не щадя живота и не покладая рук, служил для страны, которая называлась СССР. В итоге он оказался у разбитого корыта, как его дочь и внучка. А этот сын бывшего вояки нацистской Германии расцветал и пух от удовольствий. Мало того. Он намеревался заманить в постель девушку, которая годилась ему в правнучки, да еще и из плеяды победителей. Невеста слегка скрипнула зубами и со злостью разорвала письмо в клочья...

Письмо от молодого человека из города Беблинген на какое-то время развеяло грустные мысли о безнадежном будущем Олеси Астаховой. Едва она принялась его читать, как тут же воспрянула духом. Оказалось, что ей интересовались не только одни пердуны-пенсионеры. Анди горел желанием познакомиться с блондинкой из бывшего Советского Союза. Ему было 30 лет, 189 см рост, имел нормальную фигуру и обеими ногами стоял на земле. Его хобби: сидеть с друзьями в баре, походы в кино, наносить визиты в сауну или делать вылазки на природу. Олесе хобби молодого мужчины очень нравилось. Она была не против пройтись под ручку с молодым зажиточным немцем по главной улице Штутгарта – Кенигстрассе. Анди дал номер своего телефона и адрес электронной почты.

Очередное письмо невесту сильно насторожило. Жених писал его под копирку на примитивном агрегате, который назывался пишущей машинкой. Скорее всего, поиски невесты для немца были длительными. Мужчина был из Штутгарта и очень хотел иметь молодую красивую девушку. Он закончил университет и имел диплом информатика. Его интересы были очень многосторонними: путешествия, древние раскопки, прогулки по свежему воздуху, медицина, кухня, фитнес, велосипед и теннис. Его любимое место на земле – Испания, Каталония, он прожил там 10 лет.

Лишь в конце письма жених соизволил размашистым почерком написать, что его звали Маркусом. Ему 43 года, 165 см рост и вес 65 кг. Мужчина имел короткие русые волосы. Астахова в Испании не была, но все же вычеркнула Маркуса из списка женихов.

Прибавило оптимизма Астаховой и очередное письмо, автором которого был Патрик Отт из небольшого города Ройтлинген. 30-летний мужчина, рост которого был 180 см, вес он почему-то не указал, написал довольно большое послание. Сначала он писал, что девушка из Украины, вполне возможно, его судьба. Затем задал невесте несколько вопросов. Есть ли у нее дети и почему она решила жить в Германии.

Потом вновь писал о себе. Кавалер обещал до встречи с незнакомкой согнать пару килограммов веса. Он любил американские фильмы, немецкие фильмы также у него были в почете. О русских фильмах он ничего не знал. Немец без ума был от музыки. Он перечислил десятки ансамблей, о которых Астахова вообще не слышала. Одним словом, ему нравилось все то, что брэнчало или издавало звук.

Не забыл он и своей работе. Он был администратором при одной из фирм города. Астахова оставила жениха в своем списке.

Взял на прицел блондинку из Украины и господин Самуэль Оттарха, житель Штутгарта. В том, что он был иностранец, невеста ни сколько не сомневалась. Свидетельством этому была не только его фотография, но и содержание письма. Оно было очень серьезное и написано с душой. Молодой человек 27 лет писал, что он ищет верную партнершу, хорошо выглядящую и с хорошим характером, что очень важно для создания будущей семьи. Он хотел жениться и, как можно быстрее, завести детей. Они обязательно должны получить хорошее образование. Образование очень важно для карьеры и для жизни. Он также писал, что Германия очень хорошая страна и он имеет красивую и очень уютную трехкомнатную квартиру неподалеку от Штутгарта. Самуэль учил медицину и самостоятельно работал марклером по недвижимости. Его мать архитектор, его 20-летний брат изучал фильмы и биологию. Самуэль не гонялся за хорошей жизнью. Самое главное для него – личное счастье, семья, здоровье и удовлетворение. В конце письма жених написал: «Если ты также думаешь, тогда я очень охотно с тобою познакомлюсь. До скорого. Твой Самуэль». Астахова слегка улыбнулась и положила письмо в стопку кавалеров.

Письмо от Тобиаса Кайзера было особенно приятным для Олеси Астаховой. Жених из Штутгарта подходил ей по всем статьям. Ему было 28 лет, рост 180 см и 80 кг вес. Он учился на юриста, последний курс. Парень имел собственную трехкомнатную квартиру в красивой, спокойной, зеленой части города. Имел он и машину. Жизнелюбивый человек искал честную партнершу для создания семьи. Русских женщин он считал самыми красивыми женщинами в мире. Импонировало Астаховой и большое цветное фото. Симпатичный парень сидел за рулем автомобиля и махал рукой. Машина стояла на фоне удивительно красивой природы. Девушка слегка дрожащими руками осторожно вложила письмо в конверт и поставила на нем три огромных плюса...

Очередное письмо было ничто иное, как брак по расчету. Петер Шварц, 70-летний мужчина из небольшого города Херенберг имел больную мать. Немец предлагал своей невесте ухаживать за ней. За это обещал спасти девушку от нищеты в России. Также обещал после смерти матери продать ее однокомнатную квартиру или переписать ее невесте. При одном условии – если она заключит брак и станет его законной женой... Астахова тяжело вздохнула и бросила взгляд на фото своего жениха. Невзрачный старичок сидел в небольшом садике на стуле и чем-то напоминал полуобезьяну... Красивая блондинка двумя пальцами взяла письмо и тут же бросила его в специальный приемник для бумаг...

После «обработки» писем от женихов, Астахова переключилась на толстые конверты от всевозможных посреднических фирм. По заверению Васильева, он вообще о них не знал, не говоря уже о том, чтобы просить у них помощи в поиске жениха для своей знакомой. Астахова внимательно прочитала одно из досье под названием «Aufnahme – Aktion! Für Sie!». Внизу этого ярко-красного заголовка было также по-немецки написано « Vermittlung ist absolut kostenlos!». Олеся

тяжело вздохнула и ехидно улыбнулась. При капитализме никогда и нигде ничего бесплатно не делали и не давали. Взяв в свои руки целую кипу бумаг, она погрузилась в их чтение. После прочтения на некоторое время призадумалась. Для поиска женихов, которых предлагала фирма, невесте предстояло заполнить около дюжины анкет и дать информацию о личной жизни. Сюда входили не только обычные данные о возрасте или месте рождения. Кандидатке в невесты предстояло ответить и на такие вопросы, как: имела ли она водительские права, что любила кушать или какой он любила секс... В самом конце досье было по-немецки и по-русски написано: «Посредничество без личной фотографии претендентки невозможно». Терпение Олеси в конце концов лопнуло. Она привстала из-за стола и одним движением руки смела «посредников» в мусорное ведро.

Знакомство с женихами Олеся Астахова начала только через два дня. До этого шла подготовительная работа. Она набирала номера телефонов и договаривалась с мужчинами о встрече. Ее очень радовало, что они все, без исключения, очень охотно вели с ней разговор и также горели огромным желанием с ней познакомиться. Вечером, когда все и вся было подготовлено и продумано, Астахова поделилась своими мыслями и планами с Васильевым. Он согласился со всем, за исключением одного. Он категорически был против ее одиночного выхода к женихам. Житель Штутгарта это мотивировал тем, что Олеся вообще не знала города, не говоря уже об его особенностях. В конце концов пришли к разумному консенсусу. Васильев во время визита невесты постоянно поддерживает с нею контакт по телефону. Мало того. Он ввел в память мобильного всех женихов и их телефоны. Оговорили они и всевозможные варианты на случай непредвиденных обстоятельств. Симпатичная невеста в этот вечер пошла спать очень рано. Утром ей предстояла довольно ответственная работа. Ведь чем черт не шутит, возможно, первая встреча в один миг повернет колесо ее жизни вспять...

Пенсионер Генрих Паттен назначил встречу своей невесте прямо у входа в здание правительства немецкой земли Баден-Вюртемберг. Олеся с этим охотно согласилась. Надеялась на помощь Васильева. Он также этому очень обрадовался. Трехэтажный особняк из стекла и бетона находился в самом центре Штутгарта. Мало того. Прямо перед входом, как правило, стояла полицейская машина с мигалками или маячили стражи порядка. Астахова нашла особняк без всяких проблем. Она села на метро и доехала до железнодорожного вокзала. Едва вышла из вагона, как перед ею носом появился седовласый мужчина, на котором была желтая накидка с надписью «Info». Немец довольно обстоятельно объяснил красивой блондинке не только, где находился особняк местной власти, но и как до него дойти. Астахова поблагодарила мужчину и ускоренным шагом двинулась к месту, где ей впервые предстояло встретиться с женихом, которому уже было за шестьдесят с хвостиком. С маленьким или большим она еще не знала.

При этой мысли Олеся улыбнулась. Она сознательно начала водить дружбу со стариками. Более молодых или вообще молодых оставила на закуску. Она не

обманывала себя. Старики, пусть даже с особняками или с миллионами в кармане, у нее были не в почете. Она не хотела менять свою молодость ради куска хлеба с маслом. То и другое она еще была в силах и сама заработать, ведь ей было только двадцать пять...

Астахова опустила на скамеечку напротив входа в правительственное здание и тут же раздался бой курантов. Скорее всего, они били возле городской ратуши или на одной из церквей. Девушка невольно опустила голову и мельком взглянула на свои часы. Они показывали ровно десять часов утра. Невеста из Украины на свидание не опоздала. Жениха же из Германии пока не была. Астахова приподнялась на ноги и неспеша стала прогуливаться сначала перед самым входом в особняк, потом вокруг него. Мужчины в белой соломенной шляпе она до сих пор не заметила. Не было и мужчин с большим букетом красных роз. О своих приметах Генрих повторил невесте по телефону дважды.

Прошло полчаса. Жениха все не было и не было. Невеста сначала нервничала, затем успокоилась. До вечера еще было очень далеко. Да и сама погода в этот воскресный день располагала только к спокойствию. Астахова присела на скамейку, стоявшую возле большой разлапистой ели, затем вытянула ноги и на несколько мгновений отключилась от внешнего мира. Отключилась и от мира природы. От этого солнца, которое все больше и больше дарило свои лучи жителям еще ей незнакомого города, лежащего не то в котловине, не то среди гор. Не хотела она думать и о своих житейских проблемах. Не видела какой-либо трагедии она и сейчас...

Неожиданно неподалеку от туристки из Украины раздались шаги, чем-то напоминавшие шарканье, которое производили при ходьбе уже довольно пожилые люди. На какой-то миг человеческое существо, какого пола оно было, Астахова еще не знала, приостановилось. И тут же раздался специфический звук, напоминающий или во многом схожий, когда люди от простуды резким выдохом очищали нос от слизи. Блондинка невольно открыла глаза и обомлела. Пожилой мужчина с тростью в руке стоял от нее буквально в пяти метрах и очень громко сморкался. Сморкался неистово и с нескрываемым наслаждением. Олеся мигом закрыла глаза и плотно сомкнула губы. Созерцать дальше она не намеревалась. Не сомневалась, если она промедлит - ее вырвет.

Господин Паттен на свидание с невестой опоздал на целый час. Причиной этому был общественный транспорт. Власти города уже три года строили новый железнодорожный вокзал в Штутгарте. Новостройка не только поглощала уйму денег, но и довольно часто создавала неудобства для пассажиров. И в этот воскресный день не обошлось без проблем. Электропоезда ходили только через час и то с большими опозданиями. Не удалось купить ему и розы. В привокзальном киоске они оказались страшно дорогими. Не по карману. Пенсия у бывшего слесаря была довольно маленькая. До прожиточного минимума ему доплачивало государство. Дом, на крыльце которого он сфотографировался для невесты, принадлежал ни ему, а брату. Генрих сделал это сознательно, чтобы невеста клюнула на его приманку...

Пожилой мужчина смачно высморкался и неспеша двинулся в сторону правительственного особняка. Олеся вновь открыла глаза минут через пять. И с облегчением вздохнула. И тут же вновь оцепенела. Перед входом в особняк маячил старик, на его голове была соломенная шляпа. Чем ближе она приближалась к месту свидания, тем тревожнее билось ее сердце. К ее сожалению, оно почему-то не остановилось, когда жених хитровато улыбнулся и протянул ей свою руку. Олеся очень быстро ответила на рукопожатие и еле заметно вытерла правую руку о заднюю часть своих новых джинсов. В том, что перед ней стоял «сморкач», она уже несколько не сомневалась. Не сомневался и Генрих, что перед ним стояла его невеста, имя которой он в силу старческого слабоумия забыл. Забыл его не только по этой причине. Для всех немцев русские имена или фамилии были не только трудно запоминаемыми, но и трудно произносимыми. Фамилию же своей невесты он не забыл. Фамилия Астахов была очень распространенной среди жителей бывшего Советского Союза. Паттен в Советском Союзе не был, но очень много о нем слышал и читал. Самая большая по территории страна мира славилась не только тем, что там много пили водки, но и красивыми женщинами. Он уже давно хотел иметь красивую женщину из России или Украины. И вот, как ему сейчас казалось, его мечта стала реальностью. Генрих слегка шмыгнул себе в нос, поводил своими зелеными глазами по сторонам, над которыми свисали густые белесые брови, и с нескрываемой радостью произнес:

— Госпожа Астахов, я предлагаю тебя культурную программу по городу... Наш город считается одним из красивых городов Европы...

Невеста слегка улыбнулась. Ухажер с каким-то непонятным для нее акцентом или диалектом произнес ее фамилию. Она невольно вспомнила слова Васильева о том, что в земле Ваден-Вюртемберг большинство коренных немцев говорило на швабском диалекте. Для переселенцев это был другой иностранный язык. Блондинка вновь улыбнулась. Затем на чистом литературном немецком языке ответила:

— Спасибо, господин Паттен за приглашение... Я с огромным удовольствием составлю Вам пару...

После этих слов Астахова несколько порозовела. Считала, что сильно переборщила, когда сказала о паре. Не таким она представляла своего первого жениха. Да и с возрастом старик сильно напортачил. Ему, наверняка, было уже далеко за семьдесят. Невеста широко улыбнулась и через силу из себя выдавила:

— Я впервые в Германии и мне будет очень интересно прогуляться с Вами, господин Паттен...

Обворожительная улыбка молодой белокурой девушки вмиг разбудила внутренние силы пожилого немца. Он сделал ногами небольшой незатейливый выкрутас, словно на танцах, подошел к молодой особе и взял ее по ручку. Астахова не противилась причудам старика. И делала она это сознательно. В том, что сильно сгорбленный мужчина с слегка качающейся, то налево, то направо,

головой не будет ее мужем, она нисколько не сомневалась. Она решила продолжить цирк влюбленных. Не ради посещения культурного заведения или ресторана. Она решила просто-напросто набраться опыта. Генрих был в ее списке женихов первым, на очереди еще семь...

С этими подспудными мыслями блондинка осенила старца мимолетным взглядом и двинулась вперед. Через несколько десятков метров парочка разъединилась. Жених не выдержал быстрой ходьбы. Не помогала ему и трость. Старика беспокоила левая нога. Генрих, получив статус официального пенсионера, на следующий день поехал в горы Гарц, расположенных в бывшей социалистической Германии. К вечеру организовал небольшую компашку, изрядно выпили. Потом встал на лыжи, до этого их в жизни никогда не видел. Пьяному мужчине не повезло. Сразу же врезался в огромное дерево, хотя оно стояло в двух десятков метров от прекрасно освещенной трассы. Диагноз был для Генриха трагичным. Перелом левой ноги и сотрясение мозга. Слава Богу, уже пятнадцать лет с мозгами у него вроде все было нормально, а вот нога давала о себе знать...

Минут через десять парочка оказалась в доме истории земли Баден-Вюртемберг. Астахова почему-то с первого взгляда все еще не могла определить его размеры, не говоря уже об его архитектурном облике. Да и не до этого ей было. Ухажер взял билет, затем повернулся к невесте и рукой указал ей на кассу. Блондинка на несколько мгновений замерла. Жест она понимала, но не понимала поступок своего жениха. За свою жизнь она четко усвоила, что мужчины, как правило, покупали билеты для своих любимых дам. Пусть она в сей миг и не была любимой для старого немца, но все же он ее пригласил совершить экскурсию. Астахова кисло улыбнулась и очень медленно сделала несколько шагов вперед. За кассовым аппаратом сидела не то азиатка, не то африканка. Пожилая женщина со скуластым лицом и темным цветом кожи, заметив нерешительность молодой блондинки, широко улыбнулась, раскрыв при этом свой рот почти до самых ушей, и на ломаном немецком языке произнесла:

— Девушка, не переживай... Твой дедушка в следующий раз возьмет тебе билет... — Бросив взгляд в сторону сгорбленного старика, словно просила его поддержки, вновь продолжила. — Дедушка твой не жадный, это я по его глазам вижу...

Затем чернокожая сильно рассмеялась. Она смеялась так громко, что не только ошарашенной блондинке, но и паре седовласых бабушек, стоявших неподалеку от кассы, стало не по себе. Бестактность и невоспитанность работника поразила Астхову. Она молча взяла в руки билет и также молча положила на стойку пять евро. При этом подумала: «Васильев был на все сто процентов прав. В Германии каждый платит за себя. Исключений не бывает».

Жених и невеста неспеша подошли к ярко освещенной карте, расположенной прямо на полу и остановились. Довольно большое пано из стекла символизировало собою историю земли, начиная с 1790 года. Затем они поднялись наверх. Первый этаж выставки, как и второй, особой эйфории у

девушки из Украины не вызвал. Из увиденных экспонатов у нее определенный интерес вызвал только маршалский жезл гитлеровского военного начальника Эрвина Роммеля. И не только у нее. Прямо за ее спиной то и дело щелкал фотоаппаратом небольшого роста молодой человек. Из какой он был страны Астахова не знала, но в том, что он был не немец, она нисколько не сомневалась. Она неспеша покинула отдел двух мировых войн и тут же оглянулась. Фотограф и молодая девушка, скорее всего, его подруга, стояли у витрины и о чем-то говорили. Олеся прислушалась и слегка пожала плечами. Их язык она не понимала.

Удивил Астахову и состав посетителей. Преобладали среди них иностранцы. Здесь были люди, как ей казалось, со всего мира.

Были и ей подобные. Олеся то и дело косила взгляд на парочку, которая довольно часто перед нею мельтешила. Пожилая немка с небольшой копной седых волос на голове очень медленно передвигалась по выставочному залу. При этом она часто стонала или кашляла. За ней по пятам следовал высокого роста лысый араб, в руках он держал переносной стульчик. Как только старуха подходила к витрине и останавливала свой взор, верзила прытью бежал к женщине и ставил под ее довольно широкий зад стул. В знак благодарности немка чмокала своего джентльмена в губы или слегка гладила своей дрожащей рукой его щетину на лице. Подобное прелюбодеяние угнетало блондинку из Украины и наводило на грустные мысли. Оказывается ни только она искала счастье за бугром. Искали его десятки, сотни, а может даже тысячи ей подобных. Искал счастья и этот молодой араб...

После посещения музея парочка спустилась вниз, в туалет. Визит невесты в необходимое для каждого человека заведение был очень коротким. Жених же в нем задержался. Олеся сначала ходила по небольшому коридору, затем присела на стул в гардеробной комнате. Лишь через тридцать минут раздалось уже знакомое ей шарканье и уже знакомое очищение носа от слизи.

Надежда молодой невесты на сытный обед не оправдалась. Генрих подошел к стеклянной двери небольшого ресторанчика «Темпус», который находился напротив кассы. Неспеша надел на свой большой нос очки и уткнулся в меню. Олеся стояла позади своего жениха и не дышала. Ее желудок с самого утра находился в расстройстве. Она до сих пор не могла привыкнуть к немецким продуктам питания. Утром она также отказалась и от кофе, который ей предлагал Васильев. Все надеялась на господина Паттена. Старичок в соломенной шляпе повернулся к невесте, слегка покачал головой и с сожалением в голосе произнес:

— Моя дорогая, к сожалению, выбор блюд здесь небогатый, да и кофейку здесь почему-то нет...

Затем он приподнял обеи руки кверху, словно обращаясь к Всевышнему и сквозь редколесье желтых зубов процедил:

— Мое кофе, мое здоровье...

Астахова слегка скривилась и молча последовала за своим любовником. Предложение старца выпить кофе и скушать немецкий претцель в небольшой забегаловке у привокзальной площади она категорически отвергла. Отвергла даже на то, что хотела кушать. Прощание жениха и невесты было скоротчным. Старик в соломенной шляпе, сославшись на нездоровье, вновь пошел в туалет. Невеста, недолго думая, тут же спустилась вниз по эскалатору и села на метро. Присела на первое свободное сиденье и закрыла глаза. Первый день по поиску женихов у нее оказался страшно неудачным. Он был без цветов и без ресторана, без поцелуев и прочего...

Васильев приехал домой только под вечер. Почти целый день пролаботорясничал. Сначала был в бассейне, потом бродил по городу. Едва вошел в квартиру, сразу же кинулся в комнату Олеси. К его удивлению, она уже спала. Через некоторое время уснул и он.

Очередной жених назначил встречу невесте на центральной улице Штутгарта – Кенигстрассе. У небольшого фонтанчика, расположенного неподалеку от министерства культуры. Анди Марш, житель Беблингена рассказал и о своих приметах, по которым она его должна узнать. На его голове будет шляпа трубочиста, на ногах белые тапочки. Олеся сначала подумала, что парень просто-напросто пошутил. Переспрашивать не стала, было неудобно. Прелюдие к свиданию шло практически по вчерашнему сценарию. Она уже сидела на полукруглой скамеечке из металла, как опять раздался знакомый бой курантов. На этот раз невеста сохраняла олимпийское спокойствие. Успокаивало ее и то, что очередной жених был молодым человеком, высокого роста и прочно стоял на ногах. Устраивало ее и его хобби.

Молодая блондинка радовалась теплым лучам летнего солнца, довольно часто глазела по сторонам. Куда бы она не бросала свой взор, ее глаза встречали только туземцев, то есть не немцев. Ее уши также не слышали немецкую речь. Проходящие мимо нее люди разговаривали на своих языках, на своих диалектах и только. Олеся тяжело вздохнула и внезапно позади себя услышала испанскую песню. Повернулась и невольно улыбнулась. Напротив фонтанчика стояло трое пожилых мужчин в широких шляпах. Они пели и играли на гитарах. Блондинка повернулась в их сторону и от приятного ощущения у нее защемило сердце. Ей всегда нравился испанский язык, он был очень тягучий и сочный. Вызывало уважение к жителям Испании и ее история...

Внезапно Астахову кто-то толкнул в плечо. Она повернула голову и резко приподнялась. И ту же расцвела в улыбке. Перед ней стоял высокий парень. На его голове была высокая черная шляпа, на его ногах были белые тапочки. Несколько растерявшись, не то от неожиданного появления жениха, не то от нечто другого, девушка на всякий случай спросила молодого человека:

— Извините, пожалуйста, Вы, господин Марш? — Увидев его самодовольную физиономию, с улыбкой продолжила. — Интересно, как Вам удалось меня сразу же найти, тем более, я никаких примет не давала...

Немец слегка приосанился, и раскрыв рот до самых ушей, с гордостью произнес:

— Всеми миру известно, что самые красивые женщины живут в России. — Затем бросив взгляд по сторонам, слегка усмехнулся и вновь продолжил. — А здесь среди женщин ловить нечего и некого...

Астахова намек мужчины поняла и тут же протянула ему руку для приветствия. Рука господина Марша была очень сильной и почему-то очень теплой. Молодые люди улыбнулись друг другу и неспеша двинулись по главной улице города. Приглашение жениха посетить летнее кафе, которых на Кенигстрассе было множество, невеста встретила с большим удовольствием. Она утром ничего не кушала, не хотела тревожить Васильева, который еще спал. Боялась она и его вопросов. Олеся очень тяжело переживала свою первую неудачу на «любловном фронте». Вести какую-либо дискуссию по этому поводу с другом деда ей не хотелось.

Сегодня, как ей казалось, все должно проходить по-человечески. Жених был молодой, высокий и к тому же симпатичный. Помогала невесте, как ей казалось, и сама природа. Яркие лучи солнца все больше и больше заявляли о себе, несмотря на то, что день только что просыпался. Вскоре молодые люди облюбовали небольшое кафе и спрятались под большим зонтом. Гостеприимство Анди радовало молодую девушку из Украины. Благодаря ему она кушала жареные сосиски, неспеша потягивала прохладное немецкое пиво. Добавляла ей радости и осведомленность немца. Он практически все знал о своей земле, не говоря уже о Штутгарте. И не только это радовало молодую особу. Радовало ее и чисто человеческая культура молодого мужчины, который сидел напротив нее. Он не сморкался и не чихал. Не чмокал, словно поросенок, во время еды, не говоря уже о том, чтобы курить. Курильщики вызывали отвращение у Астаховой. Она радовалась, скорее всего, даже гордилась, что ее близкое окружение не дымило. Через некоторое время Марш заказал на десерт мороженое. Сладкое кушанье из сливок, сахара, сока ягод и ароматических веществ невеста уминала с огромным удовольствием. Как и с улыбкой восприняла то, что ее жених заплатил за себя и за нее.

После сытной трапезы Марш пригласил свою подругу к себе домой. Олеся дала согласие. Уже находясь в электропезде, позвонила Васильеву и известила о том, что она уехала в Беблинген. Наставник поблагодарил ее за информацию и пожелал ей успехов. Минут через тридцать молодые люди оказались на малой родине Марша. И здесь Анди поразил блондинку своей осведомленностью. Он знал не только в какой году был построен железнодорожный вокзал, но и когда были возведены те или иные важнейшие объекты, без которых не мог существовать Беблинген или другие города любой страны мира. После небольшой прогулки по привокзальной площади жених предложил невесте вылазку на лоно природы. Астахова не отказалась. Она еще никогда не была в немецких лесах, хотя уже была наслышана об их чистоте. Они сели на автобус и вскоре оказались на самой окраине города. До ближайшего соснового бора было рукой подать. За время пути молодые люди практически не промолвили ни слова.

Причиной этому было не их желание играть в молчанку, а внешние обстоятельства. Они радовались очень солнечному и очень теплому дню. Радовались каждый по-своему. Девушка шла несколько впереди молодого человека и с огромным желанием набирала в свои легкие потоки свежего воздуха. Она не отрицала то, что в любой деревне, не говоря уже о лесе, куда можно лучше оздоровиться, чем в городе. Лес был и оставался легкими планеты. Нравилось ей и щебетание птиц, которых она почему-то не видела, но их невидимое присутствие радовало ее душу. Радовало и одновременно наводило на грустные мысли. Ни в Омске, ни в Днепропетровске подобного не было. Здесь же, например, в том же Штутгарте, в большом промышленном городе Германии пение птиц было практически повсеместно. Она очень удивилась, когда открыла окно и вышла на балкон квартиры Васильева. Напротив него стояло большое дерево, на котором прыгали какие-то птицы. Прямо перед домом, внизу, по земле бегали белки...

Находился во власти жизненной эйфории и молодой немец. Он не отрицал, что все то, что происходило в этот день – дар от Бога. Он неспеша шел к лесу и его душа пела. Ему нравилось все: и это солнце, и этот воздух. Нравилось ему и перистые облака, медленно плывущие по небу. Анди в то же время не обманывал себя. Самая главная находка для него была, конечно, девушка из Украины. Он то и дело впивался глазами в впереди идущее женское существо и от радости у него замирало сердце. Молодая девушка, одетая в джинсовый костюм темно-синего цвета, грациозно шагавшая по узкой асфальтированной дорожке, была пределом совершенства женской красоты. И ни только это радовало жениха. Безработный немец отдавал должное блондинке и за ее усердие по изучению немецкого языка. Она знала иностранный язык в совершенстве, в отличие от того, кто восхищался ею. Анди изучал английский многие годы, но так и остался профаном. Если не больше...

Через некоторое время путник снял свою черную шляпу, вытер рукой пот с лица. Призадумался. Трудности по изучению иностранного языка в этот день мало его беспокоили. После телефонного звонка девушки, давшей объявление в службу знакомств, Марш долгое время не находил однозначного решения. Сначала он был за то, чтобы протянуть ей руку дружбы. Затем... время покажет. Он также был не против найти себе невесту и среди местных женщин, которые его окружали...

Появление красивой девушки из Украины и относительно короткое с нею времяпрепровождение в корне изменили планы молодого человека, которые только час назад, как ему казалось, были глубоко продуманными, фундаментальными. Чем ближе он приближался к сосновому бору, тем больше его желание жениться отходило на задний план. И это сделать его вынуждали жизненные обстоятельства. Сначала была гимназия, потом вуз, который он так и не окончил. Затем была переквалификация, работа, потом ее потеря. Прошло десять лет, которые были наполнены устремлениями, надеждами. В итоге Анди Марш оказался у разбитого корыта, не у дел. Подобных ему в Германии, да и в объединенной Европе миллионы. Мало того. Телефонный звонок недельной давности от сдатчика квартиры вообще обескуражил безработного. Через три

месяца ему предстояло за жилье, которому было уже около века, платить на тридцать евро больше. Сто евро, которые жених намеревался потратить на невесту, были у него последними...

Перед самой опушкой леса молодые люди перевели дух. Сказывалась жара. Олеся не выдержала и сняла куртку. Анди очень внимательно наблюдал за этим. Увидев белую футболку, через которую отчетливо просвечивался такого же цвета бюстгальтер, он не выдержал и стремительно рванулся к блондинке.

В дальнейшем происходило так, как в большинстве голливудских фильмов. Раздеть блондинку донага мужчине не удалось. Едва он снял футболку и впился губами в точеную шею девушки, как тут же получил пощечину по лицу. Удар был такой сильной, что высокий молодой человек сначала слегка накренился, затем упал. Упал не от удара, просто-напросто оступился. Позади него оказалось небольшое угулубливание в земле, которое было припорошено травой. Неожиданный конфуз вообще вывел немца из равновесия. Он почти молниеносно приподнялся, осклабился и сквозь зубы процедил:

— Слушай, туземка, со мною никто так не поступал. — Заметив недоумение на страшно розовой физиономии блондинки, вновь продолжил. — Я за тебя сегодня все оплатил... — На какой-то миг он замолчал. Потом со злостью вновь выдавил из себя. — За все надо рассчитывать, особенно тем, кто приехал из нищей страны...

Неожиданная развязка шокировала Астахову. Пять часов, которые она провела с симпатичным парнем, как ей казалось, ничего плохого не предвещали. Тем более, какой-либо ссоры. Мало того. Времяпрепровождение с немцем было для нее ни только интересным, но и появились определенные симпатии к нему. Без сердечного влечения к человеку невозможно, в конечном счете, его и полюбить.

Сейчас же пришел крах, крах неожиданный, крах молниеносный. Невеста стояла, словно вкопанная, она была в нерешительности. Этим и воспользовался жених. Он сильно сжал зубы и вновь сделал попытку овладеть молодой девушкой. В своем успехе он нисколько не сомневался. Причина этому была довольно банальная. Среди немцев сложилось довольно устойчивое мнение, правило. Иностранки, будь то из Африки или из Таиланда, из России или Украины были куда покладистее, чем коренные немки. Иноземки были нищими и не от хорошей жизни рвались за бугор. Их цель — любой ценой зацепиться за мужика, будь он молодой или старый, богатый или нищий. Главное — заключить брак, а там социальная система Германии умереть с голоду не даст. Не умрут и дети, которых можно плодить хоть десятки. Опять поможет «социал». Местные женщины в выборе женихов были куда умнее. Они искали богатых, в крайнем случае, зажиточных. «Пердунов» они, как правило, обходили стороной.

Увидев разъяренное лицо парня, Астахова сначала струхнула. Она не сомневалась, что единоборство с высоким и сильным мужчиной она проиграет. Она сделала несколько шагов назад, что в какой-то мере укрепило напористость ее противника. Затем она опустила голову вниз и едва заметно улыбнулась.

Справа от нее в двух-трех метрах лежала палка, не то от дерева, не то от кустарника. Времени для раздумья у невесты не было. Она резко наклонилась в сторону, и взяв довольно толстый предмет в форме прямой ветки, со всей силой ударила им по плечу насильника. Мужчина сильно вскрикнул и тут же упал на землю.

Через пару часов Астахова оказалась в квартире своего наставника. Васильев был дома, сидел на балконе. Слегка развалившись в мягком кожаном кресле, пил пиво. Появление гостя для него не было полнейшей неожиданностью, он отдал ей второй ключ от квартиры. Она могла в любое время покинуть жилое помещение, так и оказаться в нем. Странное поведение внучки майора Астахова насторожило пожилого мужчину. Едва Олеся вошла в квартиру, тотчас же разразилась слезами. Васильев, увидев это, сначала про себя отметил, что крупные капли прозрачной соленоватой жидкости в какой-то мере украшали лицо молодой девушки. Через несколько мгновений он отбросил эту мысль в сторону и усадил блондинку на диван. Затем, слегка прикоснувшись рукой к ее плечу, и несколько заикаясь от страха или неожиданного разворота событий, тихо спросил:

— Олеся, скажи, пожалуйста, что с тобой случилось? Кто тебя обидел?

Молчание, которое сопровождалось обильными слезоотделениями и громкими всхлипываниями, разозлило старика. Он вновь переспросил девушку, на этот раз в его голосе явно проявились нотки приказного тона:

— Олеся, ты же не маленький ребенок... Не будь плаксой! Я хочу в конце концов знать, что у тебя произошло?

Командный голос мужчины подействовал на блондинку. Она в очередной раз провела ладонями по глазам и с некоторым страхом произнесла:

— Иван Петрович, я, наверное, убила человека... Я и, взаправду, не знаю, почему так произошло, Иван Петрович...

Сногсшибательная информация чуть не убила гражданина самой развитой страны Европы. Он двадцать лет прожил на исторической родине предков своей жены, но каких-либо афер, не говоря уже о каком-либо убийстве, у него не было. Мало того. В мошеннических сделках он никогда не участвовал: ни в молодые годы, ни в старости. В Германию он приехал по приглашению немецкого правительства и с подлинными документами. Все эти годы он работал очень исправно, как и вовремя получал свои кровные копейки. В какие-либо кружки или организации, особенно политические, он никогда не вступал. Прекрасно знал, что за длинный язык или за мысли, пусть они даже были умнее самого Омара Хаяма, но неугодные правительственной элите, его тут же загребнут.

Васильев тяжело вздохнул, слегка покачал головой. Затем нараспев произнес:

— Оле-е-ся, иди в ванную комнату, прими-и душ... Это сильно помогает, особенно после нервного расстройства-а.

Девушка в ответ ничего не сказала. Она встала с дивана и неспеша покинула гостиную. Васильев через некоторое время с уверенностью пробурчал себе под нос:

— Я никогда не поверю, что внука моего друга может убить человека...

Астахова, скорее всего, услышала его реплику. Он резко остановилась, развернулась и помахала рукой своему наставнику. На душе обитателей квартиры неожиданно для них самих стало светло и радостно...

Откровенный разговор у них состоялся поздно вечером. Олеся время, которое она провела с Анди Маршем, перед наставником разложила по полочкам. Ничего не утаила. Поделилась она и планами, которые она в этот день строила. Васильев исповедь блондинки слушал очень внимательно. И все это время молчал. У него сложилось жизненное правило, чем-то напоминавшее стереотип. Молчать, значит думать. Монолог внучки своего командира он принимал за чистую монету, за чистую правду. Довольно короткое времяпрепровождение с нею все больше и больше убеждало пожилого мужчину в том, что гостя из Украины была и есть порядочная девушка. И не только из-за этого он имел симпатии к молодой особе. Общение с нею свидетельствовало о том, что она была очень умной, начитанной.

Васильев, впадая в раздумья, решение своего командира, как и приезд его внучки в Германию, считал правильным. Образованная девушка приехала сюда не от хорошей жизни. Не от хорошей жизни приехал и сам Васильев. Он приехал очень поздно, под самый занавес, когда ручейки переселенцев из бывшего Советского Союза все больше и больше иссякали. Иссякали не по вине российских немцев, а по вине немецкого правительства. Сначала ввели пресловутый тест по знанию немецкого языка. Затем вообще без всяких причин прикрыли кранты. Супруги Васильевы несколько раз бывали на своей родине, в демократической России. Воспоминания остались довольно тусклые. Чиновники, независимо от ранга, разворовывали некогда богатую страну. Простые люди влачили жалкое существование. Олеся, внучка майора Астахова этой участи не заслужила. Она не хотела жить по указке бандитов. Она хотела жить по-человечески, как и любить по-настоящему.

Лишь к полуночи старик и молодая девушка пришли к единому умозаключению. На место происхождения нет необходимости ехать. В худшем варианте, немецкая полиция уже нашла бы убийцу, то есть Астахову. В лучшем случае, ей позвонила. Знал телефон девушки и сам пострадавший. С просьбой Олеси прекратить поиски жениха, Васильев согласился. Согласился с оговоркой, прекратить только на ближайшую перспективу. Сейчас же надо осесть на дно. До лучших времен. Украинке предстояло смотреть телевизор или сидеть за компьютером. Рекомендовано также читать немецкие газеты.

Наставник категорически был против отъезда своей подопечной домой. Он не сомневался в том, что симпатичная и умная девушка найдет себе друга жизни. Если не среди коренных немцев, то среди переселенцев из бывшего Советского Союза обязательно. Остаток ночи Васильев провел в очередных размышлениях.

Они в большинстве своем были связаны с Олесей Астаховой. Он никогда не думал, что на немецкой земле кто-то лично ему или близким ему людям будет угрожать или провоцировать. Пять лет назад подобное для него было бы просто-напросто нонсенс, безумием.

Прежде чем погрузиться в сон пожилой мужчина пришел к окончательному выводу. Внучка Владимира Астахова – есть и его внучка. Она также ему дорога, как и его внук Владимир, которого он назвал в честь офицера, спасшего ему жизнь. И в первую очередь, как он считал, необходимо усилить безопасность своей внучки.

На следующий день Васильев купил газовый баллончик и небольшой нож. Все это положил в дамскую сумочку Олеси. Мало того. Он показал ей пару простых приемов самообороны, чтобы защититься от нападавшего. Сам же учитель имел дома электрошок, газовый пистолет, имел также пару кухонных ножей, которыми, как считала Астахова, можно было убить не только человека, но и огромного слона. Необходимость «вооружения» для бывшего офицера Советской Армии была вынужденной. Беженцы из Африки и других стран мира все больше и больше делали Германию криминальной. Насилие, убийства стали повседневной нормой жизни в некогда спокойной и цивилизованной стране. Число погибших от рук беженцев на европейском континенте составляло несколько сотен...

Прошла неделя. Она была относительно спокойной. Никто в квартиру господина Васильева не стучал и не звонил. Не было и полицейских. Не было звонков и для его молодой постоялицы. За исключением одного. Была суббота, поздний вечер, когда ее мобильный телефон заиграл музыку. Олеся лежала в постели и читала роман известного немецкого писателя Конзалика. Она пару минут не брала трубку, боялась. Потом, замерев от страха, нажала кнопку. И тут же широко улыбнулась. Звонил Тобиас Кайзер, жених из Штутгарта. Он несколько заискивающим голосом извинился, известив о том, что воскресная встреча с Олесей не состоится. Он рано утром уезжал в Мюнхен на соревнования по кикбоксингу. Обещал перезвонить вечером. Известие жениха в какой-то мере подняло жизненный тонус невесты. Она на радостях испекла Васильеву оладьи. Они, к ее радости, получились отменные. Понравились они и ее наставнику. Он не только изливал поток приятных слов в ее адрес, но и с большим усердием уплетал за обе щеки вкусные толстые лепешки из пшеничной муки.

Астахова весь день жила очередными надеждами. Со своим мобильным телефоном не расставалась. Ждала звонка. Незаметно наступил вечер. Она вошла в свою комнату, приготовила постель для сна. Затем прилегла и стала читать роман немецкого писателя Конзалика «Казацкая любовь». Читала до полуночи. Наступил следующий день. Звонка от жениха не было ни утром, ни вечером. Невеста на его молчание реагировала совершенно спокойно. Она почему-то с самого начала не верила, что она найдет себе принца среди коренных немцев. Астахова взяла конверт, на котором стояло три жирных плюса, неспеша порвала его на несколько частей и выбросила в ведро для мусора. Затем

несколько призадумалась. Тобиас учился на последнем курсе юридического института, имел квартиру, машину... Значит, не судьба.

Красивая блондинка из Украины, конечно, не могла знать подноготную жениха из Штутгарта. Кайзер в выходные дни ни на каких соревнованиях не был. Его голова была забита другими мыслями. Его встрече с девушкой, которая имела красивое имя Олеся, помешала другая девушка. Она приехала из Африки. Темнокожая особа уже давно охотилась за симпатичным немцем. Она уже с ним встречалась на парковочной площадке для автомобилей и в студенческой столовой. Встретилась и в эту субботу. Тобиас на этот раз не выдержал, как мужчина. Особенно ему нравились длинные ноги молодой метиски. Недолго думая, он пригласил ее к себе домой. Пригласил ради утех. Проститутка оказалась не только страстной, но и довольно хитрой. Из спальни украла небольшую позолоченную статуэтку медведя, подарок отца. Использовала возможность, когда ее очередной клиент отлучился по естественной надобности. Об исчезновении семейной реликвии Кайзер узнал утром, когда лежал полупьяный и сильно усталым. Любовницы с крутыми качающимися бедрами в постели не было. В полицию Кайзер не обратился, боялся испортить себе карьеру. Прощание с невидимой невестой из Украины он также перенес очень спокойно. Она была бы у него ни первой и ни последней девушкой. Мало того. Создавать семью, тем более, заводить детей ему также не хотелось. Это было своеобразным правилом для молодых немцев, будь то мужчины или женщины. Сначала карьера, а все остальное потом...

Глава четвертая. Откуда ты приехал?!

Только через десять дней Олеся Астахова вышла в город. Строго выполняла рекомендации своего друга и наставника. Васильев не рисковал. Чем черт не шутит, пострадавший вполне возможно мог оказаться сынком высокопоставленных чиновников. В худшем случае, членом какой-либо группировки или банды. Последнее очень сильно беспокоило переселенца из России. Он чувствовал, что обстановка на исторической родине предков его жены с каждым днем, а то и с каждым часом ухудшалась. Сдавал свои позиции и Штутгарт, который был для него родным. Лет пятнадцать назад город был куда спокойнее и чище. В телефонных будках были толстые книги с номерами абонентов и всевозможных организаций. Не было побитых стекол на остановках, не говоря уже об окурках или кучах мусора.

Беспокоило Ивана Васильева и «многошерстность» населения. Жители города с каждым днем «темнели», а то и «чернели». Иногда ему казалось, что коренных

немцев, которым характерен белый цвет кожи, вообще нет. Они куда-то уехали или умерли.

Не испытывал он особой радости и от политики, которую проводили немецкие чиновники в отношении немцев из бывшего Советского Союза. Они делали все возможное и невозможное, чтобы искоренить прежний дух из их душ и сердец. Сотни, тысячи бывших совков бегали по учреждениям и до хрипоты в голосе доказывали, что они были и есть на самом деле немцы. Только немцы из самой большой по территории страны мира. Не тут-то было. Кое-кто из чиновников советских, так и немецких, все еще не верил тому, что было написано в свидетельстве о рождении. Придумывали разного рода бумажки, типа формы 1, которая была в архивах и то не для всех и не везде. За интерес к исторической родине, где родились их предки, не говоря уже о желании уехать туда, многих советских немцев преследовали, изгоняли с работы. Травили на различного рода и толка собраниях.

Еще хуже было тем, кто соизволил жениться или выйти замуж за «иностранца», то есть за русского или немца. На плечи чужака обрушивались дополнительные проблемы. Майор Васильев, как и тысячи ему подобных, постоянно испытывал «неудобства», которые в официальных бумагах не значились. Офицер прекрасно знал, что социалистической Германии ему не видеть как своих ушей. Причина довольно банальная – его жена по национальности немка. После падения Берлинской стены семье разрешили выезд. И опять проблемы. На исторической родине семью разделили на параграфы. Жена получила параграф 4, муж – 7, сыну достался также 7. Местные власти этническим немцем его не признали, хотя в свидетельстве о рождении он был записан немцем. Русскому мужу трудовой стаж вообще не засчитали, жене признали только на 60 процентов.

Подобная экзекуция коснулась сотен тысяч немцев из бывшего Союза. Мало того. В 1996 году ввели для поздних переселенцев (и почему они вдруг стали поздними, ведь многие годы ФРГ вообще немцев из СССР даже на пушечный выстрел не пускала) ввели пресловутый тест на знание немецкого языка. Итог оказался поистине трагическим. Многие немцы тест не сдали и в один миг оказались в нищете. В ожидании вызова они все свое имущество продали. В итоге невиданной дискриминации по национальному (политическому) принципу и беспредела тысячи семей российских немцев были разорваны, самые близкие люди оказались по разные стороны границы.

Особенно сильно недоумевала по этому поводу Полина, жена офицера в запасе Васильева. Верующая женщина неплохо знала содержание Библии, где черным по белому было написано о том, что муж и жена должны жить вместе, дети должны принадлежать родителям. Отступление от христианских заповедей бесило женщину. У нее был нервный стресс, когда подобное случилось с ее дальней родственницей.

У Анны, немки по-национальности, муж был полковником медицинской службы. За три года до развала СССР он неожиданно умер. Вдова и трое ее детей подали

документы на выезд. Немецкие власти не дали разрешения, отказ мотивировали тем, что супруг (покойник) заявительницы занимал высокую должность. Не пустили, несмотря на то, что мать и дети прекрасно знали немецкий язык. Сын закончил политехнический институт, дочери – педагогический. На семейном совете решили биться до конца – наняли немецкого адвоката. Многомесячные переговоры и переписка в итоге ни к чему не привели. Бессмысленное мытарство в конце концов опустошило семейный бюджет. Неудачники плюнули на все и уехали в село, стали разводить свиней.

Остались зарубки в памяти и у Ивана Васильева. Через один подъезд в его доме жили две сестры, немки. Незамужние молодые женщины преподавали немецкий язык в одном из вузов города. Стремительно растущая нищета и беспредел на бескрайних просторах бывшего Союза заставил и их обратить свои взоры на историческую родину предков. Не получилось. Сестры Гросс не сдали тест. Экзаменатор требовал знание языка платдойч, на котором когда-то разговаривали их предки. Рыжий немец с большой плешинной на голове объяснения женщин о том, что их родители погибли и они воспитывались в детском доме, напрочь отнял...

Неуютно чувствовали себя немцы из бывшего Советского Союза и на исторической родине своих предков. В этом Васильев и члены его семьи убеждались почти каждый день. О своем трудоустройстве он мало переживал. Должность ночного сторожа бывшего офицера Советской Армии вполне устраивала. Военных академий он не заканчивал, доктором наук также не был. Иногда даже радовался, что немцы разрешили ему, как майору, перед старостью побыть за бугром. Радовался он и тогда, когда стал хаусмайстером, дворником. Иван сильно беспокоился о своей жене Полине. Выпускница Московского медицинского института имени Н. И. Пирогова, проработавшая многие годы детским врачом, в прямом смысле была выброшена на улицу. Трудоустроиться по специальности ей не помогло ни прекрасное знание немецкого языка, ни практика. Педиатр из России никому был не нужен. В конце концов ей удалось устроиться уборщицей в одну из больниц Штутгарта!

Полина убирала туалеты около десяти лет, потом тяжело заболела. Причиной этому была депрессия. Она никогда не думала, что на исторической родине окажется изгоем, никчемным человеком. Несмотря на это, Васильева, она же Кейт, помогала другим людям, которые оказывались в сложной жизненной ситуации. Нередко подставляла им плечо, стучалась в любую дверь, за которой сидел, как правило, бюрократ. В первый же день работы Полина познакомилась с Бертой Граф. Относительно молодая женщина сразу же ей приглянулась. И не только благодаря симпатичной физиономии, сколько своему интеллекту. Васильева имела за плечами большой опыт общения с людьми. Едва человек открывал свой рот, она сразу же определяла чем он дышал, что у него было в голове. По дороге к дому женщины разговорились.

Жизнь немки из Казахстана во многом была похожа и на жизнь Полины. Берта перед самым отъездом в Германию развелась. Приехала с двумя детьми и

внуком. Трудоустроиться по специальности бывшему заведующему отделом по снабжению одного из крупных заводов г. Кустаная не удалось. В Германии и своих чиновников хватало. Однако Берта не сдавалась. Сначала работала в одном из научно-технических институтов в г. Лейпциге, он тесно сотрудничал с Россией. Потом все резко изменилось. Все связи с Москвой были прерваны, благодаря тупости немецких политиков. Через три года безработная со своими детьми переехала в Штутгарт. Сначала работала продавцом в магазине, затем уборщицей. Через год дочь нашла себе друга жизни, пошли в загс. Чиновник влюбленным от ворот поворот показал. Через день мать сама пошла к чиновнику. Вскоре пришла домой, пришла со слезами на глазах. Для регистрации брака требовали дополнительные бумаги. В частности, требовалось подтвердить подлинность свидетельств о рождении жениха и невесты, их родителей. Мало того. Власти требовали от разведенной женщины свидетельство о браке, которое у нее десять лет назад забрали в Казахстане. Свидетельство о разводе у нее было, но эту бумажку немцы не считали важной. Для пущей подлинности каждой бумаги чиновник требовал штамп «Апостиль», что означало признание оригинала мировым сообществом. После очередной тщательной проверки документов немцы вносили их в Familienbuch (семейную книгу). И только после подписи начальника для молодоженов могла зазвучать музыка известного немецкого композитора Мендельсона.

Берта Граф в очередной раз встала на защиту своих прав и интересов. Через пару недель она напросилась на прием к начальнику отдела. Она привела уйму примеров, доказывающих нелепость требований местных и верхних властей. И они, как ей казалось, были довольно убедительными. Дедушки и бабушки молодых были похоронены на немецкой земле. Их родители также были немцами. Никто из близкого окружения не сидел в тюрьме, к какой-либо ответственности не привлекался. Ни в бывшем Союзе, ни на исторической родине предков. Взрослые работали, дети учились. Однако, и этот чиновник, сидевший в просторном кабинете, был неприступен.

Только через полгода Берта и ее дочь с женихом пришли в знакомый ей кабинет. С собой принесли папку с необходимыми бумагами. Принесли и счет на 2345 евро, такое количество денег они израсходовали для того, чтобы выполнить циркуляры местной ратуши. Чиновник слегка усмехнулся, затем сквозь зубы процедил:

— Документы, которые Вы принесли в данный момент не нужны... — Слегка постучав костяшками пальцев обеих рук по столу, в том же духе продолжил. — Два месяца назад мы получили новое указание...

Берта от неожиданной развязки семейной драмы опешила. Затем сильно стиснула зубы и уставилась на худое существо, которое было небритое и в помятой рубашке, словно ее вытащили из одного места. Желание дать пощечину или плюнуть в его рожу она в миг отбросила. Ей чиновник был по одному месту, а вот молодые начинали только жить. Свадьба состоялась через месяц. Сейчас

Берта бабушка. Извинений, как и оплаты за бюрократическую проволочку, из местной ратуши не поступало...

Васильев, как и многие тысячи немцев из бывшего Советского Союза, все больше и больше приходил к единому выводу. Прием российских немцев был ничто иное как дань моде, идеологический трюк немецкого правительства. Не больше и не меньше. Едва развалился Советский Союз, Германия сознательно ввела всевозможные препоны для переселенцев. Был создан социальный кадастр лояльности, систематизированный свод сведений о том или ином человеке, о группе лиц. Германия определила 9 категорий из числа немцев, жителей бывшего СССР. Они считались социально опасными людьми, въезд им на историческую родину предков был строго воспрещен. Васильевы под этот колпак не попали. Муж был всего-навсего майором, жена лечила детей, сын учился в школе.

Десятидневное заточение для Олеси Астаховой, как она считала, пошло ей только на пользу. Она смотрела телевизор, сидела за компьютером, читала немецкие и русскоязычные газеты. Ей было не до женихов. Информация о стране, в которой она жила, была куда интереснее, чем походы за женихами. Невесту радовало и то, что Васильев дал очередное объявление в немецкую газету.

Относительное затишье все больше и больше располагало к взаимному пониманию пожилого мужчины и молодой девушки. В какие-то моменты они становились очень близкими людьми. Олеся не скрывала, что Иван Петрович, так она называла Васильева, во многом напоминал ее дедушку. У него был такой же командный голос, такая же походка, чем-то напоминавшая бравого солдата на строевом плацу. Много знал Васильев и о военной службе. Во время одной из бесед молодая постоянщица, как бы невзначай, спросила своего наставника:

— Иван Васильевич, а что Вас связывало с моим дедом Владимиром? Я, честно говоря, о Вас до сих пор мало что знала.. — Заметив нескрываемое удивление на физиономии мужчины, она вновь продолжила. — Дедушка о Вас мне ничего и не рассказывал...

Наставник почему-то с ответом медлил. Молчал, словно воды в рот набрал. Потом неспеша поднялся, подошел к небольшому шкафу, стоявшему рядом со столиком для компьютера, и вынул из него альбом. Тетрадь из плотных листов в переплете была сильно устаревшей, скорее всего, от времени. На ее обложке было написано: «Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР».

Васильев открыл альбом, перевернул несколько листов, и слегка вздохнув, вынул одну из фотографий. Затем также неспеша подошел к блондинке, которая задала ему вопрос о своем деде. Бывший афганец не скрывал, что он ждал этого вопроса от внучки своего командира целых десять дней. Возможно, и годы. И, наконец, этот момент наступил. Он слегка потрепал девушку по ее плечу, поднес к ее глазам небольшую черно-белую фотографию и с волнением произнес:

— Олеся, посмотри на это фото... Что ты здесь видишь?

Девушка, едва окинула взглядом фотографический снимок, тотчас же сильно вскрикнула. На слегка пожелтевшей от времени фотографии она увидела двух мужчин. В том, что высокий мужчина с заросшей щетиной был ее дедушка Владимир, она нисколько не сомневалась. Она его узнала бы из тысячи, даже из миллионов мужчин, независимо в какую форму они были одеты. За плечами деда был автомат Калашникова, на его голове была шляпа-афганка. Слезы все больше и больше душили молодую девушку. Сдерживал себя, чтобы не расплакаться, и тот, кто много лет назад стоял рядом с командиром батальона Астаховым. Через некоторое время близкие друг другу люди успокоились. Присели на диван. Олеся вновь взяла фото в руки и еле слышно прошептала:

— Иван Васильевич, я смотрела подобный альбом у бабушки, но такой фотографии я не видела...

Васильев слегка покачал головой. Затем сильно стиснув зубы, произнес:

— Этот снимок мне сделал сержант Потугаев... Это был мой первый боевой выход и, к сожалению, последний в сопредельном государстве, имя которому Афганистан...

Рассказ очевидца боевых действий с участием офицера Астахова потряс блондинку. Она сидела и тихо всхлипывала. Одновременно себя корила за то, что за все годы, прожитые с дедом, она по-настоящему, по душам с ним не поговорила. Не нашла времени спросить и о боевых операциях, в которых рисковали своей жизнью миллионы советских солдат и офицеров. Рисковал своей жизнью и дед, самый близкий ей человек...

После небольшой паузы Васильев сказал:

— Олеся, благодаря твоему деду, который спас мне и другим солдатам жизнь, я сейчас и живу... И еще скажу тебе, внучка, как мужчина, как офицер Советской Армии... — На это раз голос Васильева был сильный, уверенный... — Благодаря таким офицерам, как твой дед, наша армия была и остается непобедимой...

Неожиданно пожилой мужчина замолчал. Олеся слегка приподняла голову и устремила взгляд на своего собеседника. Несколько продолговатое лицо, верхняя часть которого была испещрена глубокими морщинами, было неподвижным, словно у сфинкса. Она вновь опустила голову и стала рассматривать знакомое фото. Не скрывала, молодой парень, стоявший рядом с ее бабушкой, разительно отличался от того, кто сидел напротив. И тут же блондинка услышала знакомый голос:

— В этом бою капитан Астахов показал исключительный пример героизма и самопожертвования... Позже ходили слухи, что его представили к звезде Героя... К сожалению, эти слухи оказались только слухами...

Был поздний вечер, когда Олеся заснула. Она почти два часа лежала в мягкой постели и все думала и думала о своем деду. Ей было очень жаль, что он на своем веку многое пережил. Несмотря на жизненные перипетии, Астахов не

сдавался. Внучка гордилась тем, что ее дед был сильным и порядочным мужчиной.

В том, что Олеся многое из жизни самого близкого ей человека не знала, было неслучайно. Дедушка по своему характеру был несколько замкнутым, отъединенным от общества. Он сторонился людей. Не исключением были и родственники. Причиной этому было, скорее всего, его тяжелое детство. Не до разговоров, не говоря уже о каких-либо сплетнях, ему было и во время службы. Давала о себе знать и безответная любовь Татьяны Бакулиной, которую он любил больше своей жизни. Любил больше своей жизни он и своих детей...

В то же время жизнь Владимира Астахова его порою и баловала. И он благодарил за это свою судьбу. Скорее всего, его ангел-хранитель беспокоился о нем на небесах и не давал ему оказаться в сырой земле раньше отмеренного для него времени.

На службе, которая была нередко суровой и опасной, ему повезло дважды. Солдат первого года службы, выдернув чеку от гранаты, от страха растерялся и разжал руку. Курсант Астахов, рискуя жизнью, с силой отшвырнул разрывной снаряд в сторону. Повезло ему и во время чистки оружия во время тактических учений с боевой стрельбой. Коллега по духу и оружию, каким-то образом оставил боевой патрон в патроннике, едва передернул автомат, как раздался выстрел. Пуля пролетела буквально перед ухом Астахова. Сопредельное государство, где он выполнял интернациональный долг, было местом не для слабонервных и не для слабосильных...

Гражданка также в какой-то мере благоволила офицеру запаса. Смерть дважды стучалась в дверь его жизни. Это произошло в Омске, в разгар лета. Он приехал к сыну во время отпуска и напросился помогать ему по хозяйству. Вывозили мусор за город. Овраг был большой и очень крутой, хватило бы места для мусора всей Европы.

При выгрузке Астахов оступился и стремительно полетел вниз. Его бросало, как в настоящем боевике, летел по инерции, без всякого каскадера. Через несколько мгновений он понял, что его жизнь может закончиться. Внизу его ждали всевозможные балки, бревна, кирпичи и тому подобное. Мозг мужчины сработал очень четко:

— Ты, же можешь погибнуть, как глупый пингвин... Делай же хоть что-нибудь!

При этой мысли Астахов стремительно выбросил обе руки вперед. Затем кисти рук резко ткнул вниз. Затормозить свое падение ему удалось. Его тело оказалось в непонятном положении. Сначала он стоял на голове, затем его пару раз развернуло и резко отбросило в сторону. Через несколько мгновений мужчина почувствовал тупой удар по левому плечу. Он невольно повернул голову и от увиденного окаменел. Внизу лежала настоящая бездна, глубиной метров пятнадцать, а то и больше. Астахов слегка съежился, пошевелил руками и ногами. С облегчением вздохнул. Он живой, и даже, скорее всего, не ранен. Еще до конца

не осознавая эту мысль, он слегка откинулся и сделал руками замок за шею. Боли не было. И неожиданно для себя почувствовал ствол дерева, какого дерева, он еще до конца не понимал. Он неспеша разжал руки и стал их опускать вниз, до самой земли. Опять завел их за нижнюю часть спины и его сердце радостно екнуло. В том, что его туловище, все его тело от падения сдерживала береза, он уже ни сколько не сомневался. Береза – лиственное дерево с белой корой и с сердцевидными листьями было его любимым деревом. Многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону, было для него специфическим символом, амулетом его жизни. Астахов всегда радовался, когда видел березовые колки в Сибири. Березы были и в социалистической Германии, правда, очень редко. Он их видел, когда ходил за грибами. К его сожалению, на чужбине белых грибов или груздей не было...

Астахов на миг воспроизвел произошедшее и с облегчением вздохнул. Он, без всякого сомнения, был бы покойником или калекой, ежели на помощь ему не «пришла» эта береза. Ее тонкая верхушка приняла его удар на себя и спасла его от смерти. Спасительница стояла на окраине огромной мусорной горы. О чем-либо думать или рассуждать Астахову дальше не пришлось. Наверху раздавались крик или свист.

Удачник наклонился вниз, опустился на землю и по-пластунски пополз вверх. Он прекрасно понимал, что едва он чуть-чуть приподнимись или оторвись от земли, сразу же вновь полетит вниз. Вскоре он увидел двух молодых парней, которые пристально наблюдали за ползущим мужчиной. У подножия обрыва один из них протянул Астахову длинную палку. Он схватился за нее и поднял свое тело наверх.

Через день Астахов вновь попал в земное переплетение – упал в гаражную яму еще не достроенного гаража. Был поздний вечер, когда он надумал искать картонный ящик для личных вещей, чтобы увезти их к себе домой. Едва вошел в помещение, как тут же рухнул вниз, в яму. Причиной этому была не только неосторожность, но и отсутствие досочного покрытия для ямы, как и отсутствие электрического освещения. Астахову и в этой поистине смешной, но и одновременно трагической ситуации повезло. Он сначала удачно приземлился на обе ноги, затем его качнуло вперед, потом он отпружинил назад. Расстояние между его затылком и бетонным покрытием составляло пару сантиметров, не больше. И на этот раз он вылез «из воды» сухой, без ушибов и царапин. Не считая небольшой дырки на «пятой точке». Джинсы сильного удара не выдержали и лопнули...

Информационную копилку Олеси Астаховой о стране, в которой она временно жила, пополнял не только Иван Васильев, но и его друзья. Желание познакомиться с бывшими соотечественниками и поговорить с ними по душам в голове девушки витало давно, но не было возможности. Сначала были женихи, затем вынужденная отсидка, специфический домашний арест.

Александр Истомин, как правило, посещал своего друга Васильева по субботам. Он делал это на протяжении последних двух лет. Иногда визиты отменялись. Причиной этому была работа или другие непредвиденные обстоятельства. Больше всех график нарушал Истомин. Мужчины встречались вечером, смотрели футбольное обозрение. Сидели за одним телевизором, но болели за разные команды. Для хозяина кумиром был футбольный клуб из Штутгарта. Гость же любимой командой считал команду Вердер из Бремена. Заядлые болельщики довольно часто спорили по любому поводу, да и без всякого повода, особенно когда на поле играли друг против друга их кумиры. До тумачков не доходило, но напряженность нередко переходила красную линию. «Домашний стадион», как правило, заканчивался за обеденным столом. Мужчины не только кушали и пили пиво, но и нередко пропускали по рюмочке русской водки. Она у Васильева была всегда. Была и чисто русская закуска: пельмени, колбаса, гречневая каша и многое другое.

И этот вечер у друзей проходил по прежнему сценарию. За лишь малым исключением. Узнав о том, в гостях у Васильева девушка из Украины, Истомин сначала сделал несколько комплиментов в ее адрес. Отметил ни только ее красоту, но и университетское образование. Пара реплик, произнесенных блондинкой на чистом литературном немецком языке, вообще шокировали пожилого мужчину. Он несколько мгновений внимательно разглядывал красотку, затем произнес:

— Олеся, мне уже о тебе кое-что рассказывал мой закадычный друг Иван Петрович...

— Увидев улыбку на лице Васильева, он снова перевел взгляд на девушку и с довольно серьезной миной продолжил:

— Олеся, никогда не сдавайся в этой жизни... Сразу же бери быка за рога...

Астахова сначала не понимала намеки симпатичного седовласого мужчины. Чем больше она вглядывалась в его физиономию, тем больше приходила к однозначному выводу. Истомин был ни только недурен собой, но и, без всякого сомнения, далеко не дурак. В этом она убедилась через несколько мгновений. Истомин привстал из-за стола, подошел к окну и отодвинул шторку в сторону. Жители микрорайона «Цуффенхаузен» еще не спали. У многих светились окна, в супермаркте «Пенни» сновали покупатели. Затем он вновь присел за стол и с некоторой грустью в голосе произнес:

— К сожалению, такова наша жизнь... В обществе, которое называется человеческим, умным и порядочным людям куда тяжелее живется, чем дуракам...

Заметив удивленную физиономию блондинки, он едва заметно усмехнулся и в том же духе продолжил:

— Дураки, к великому сожалению, правили и продолжают править миром, по их указке ведутся войны. Подобное происходило не только в России, но и у нас в Германии...

Несколько неожиданное умозаключение гостя Олеся пропустила мимо ушей. Она просто-напросто не хотела напрашиваться на дискуссию с мало знакомым человеком. Как и не хотела поворачивать вспять дружескую беседу двух уже немолодых мужчин. В том, что она проявила мудрость и тактичность по отношению к ним, она убедилась несколько позже. И это окупилось для нее сторицей, как только Истомин поделился со своими знакомыми о своей жизни. Васильев многое уже об этом знал, для внучки же его боевого друга это было полнейшей неожиданностью.

Александр Истомин, он же Александр Шнайдер, приехал из г. Новосибирска. В этом городе на Оби он родился, здесь же вступил во взрослую жизнь. С красным дипломом окончил Новосибирский государственный университет. Поступил в аспирантуру. Защитился. Попытка молодого кандидата физико-математических наук трудоустроиться в одном из научно-исследовательских институтов, расположенных в знаменитом Академгородке, сначала не увенчалась успехом. Немец прекрасно понимал почему и сразу же изменил фамилию. Взял фамилию не жены, она также была немецкой. Шпрингфельд куда была «опасней» для окружающих, не говоря уже о чиновниках. Молодой ученый взял фамилию своего родственника. Перед отъездом в Германию в очередной раз менять свою фамилию не стал. Прекрасно знал, что немецкие чиновники могли его семью вообще «зарубить». Энергии ученого Истомина на сибирской земле было не занимать. Где только его научные разработки не внедрялись?! Он имел десятки грамот, премий. Он также работал и на оборонку. Был руководителем отдела на авиационном заводе. Мало того. Видный специалист высшей математики успел «получить» и степень кандидата технических наук. После развала Советского Союза корифей научно-технического прогресса остался безработным.

Несколько монотонный монолог ученого внезапно прервался, когда он стал рассказывать о беспределе, который творили работники таможни на российской границе. Истомин при этом поднимал руки кверху и довольно часто задавал вопрос, не то себе, не то тем, кто его внимательно слушал:

— Я до сих пор не понимаю, что плохого сделал я, как человек, как ученый этой стране, имя которой Советский Союз, Россия?! — Несколько успокоившись, он вновь взрывался. — Благодаря моим научным разработкам, советские самолеты лучше летали, крепче была и броня на наших танках...

Истомин на некоторое время замолчал, скорее всего, о ком-то или о чем-то раздумывал. Астахова, в отличие от Васильева, который почему-то сидел с кислой физиономией, решила вступить в разговор. Не скрывала, она хотела до конца «разжечь костер», найти жареные факты и примеры из жизни маститого ученого. Она слегка приподнялась со стула, приоткрыла рот и тут же сомкнула свои губы. Причиной этому был Истомин. Он, скорее всего, уловил волнение и

желание молодой девушки что-либо сказать. Он окинул блондинку пристальным взглядом, словно оценивал ее умственный багаж, затем с прежним недовольством изрек из себя:

— Олеся, ты даже себе не можешь представить, как нас, немцев из России, пропускали через таможню... У меня до сих пор эта мерзкая сцена стоит в глазах...

Молодая девушка на реплику симпатичного старика ничего не ответила. Она лишь повыше подняла свою голову и очень пристально уставилась на того, кто сейчас ее в прямом смысле обворожил своими воспоминаниями о прожитом. Истомин вновь продолжил:

— До нас дошли слухи о том, что таможенники не только изымали вещи, но и отбирали документы, считая, что они принадлежали российскому государству. Я же в отличие от многих, не намеревался следовать дебильным законам...

Рассказчик внезапно чихнул, что вызвало небольшое оживление среди его слушателей. Затем он произнес:

— Свою трудовую книжку я был вынужден положить на дно своего поношенного башмака... Свои же дипломы я держал во внутреннем кармане куртки...

Здесь Астахова не выдержала, вступила в разговор. Она на одном дыхании выпалила:

— Ну и как, удалось Вам провести свои документы?

Истомин отреагировал на реплику молодой особы мгновенно. — Конечно, удалось, правда, без нервов не обошлось. — Астахова, жаждущая жареных фактов, широко улыбнулась и вновь уставилась на седовласого мужчину. — В аэропорту Пулково один сопляк после проверки моего картонного ящика, в котором были мои научные книги и небольшая папка с чертежами, попросил показать мои дипломы — продолжил Истомин. — Я решил не пасовать перед краснорожим начальником, который был чуть выше моего пупа. Я достал дипломы, а их было три и потряс ими перед самым носом таможенника. В руки ему мое «образование» не дал... — Затем седовласый мужчина тяжело вздохнул и еле слышно промолвил. — Я никогда не думал, что моя родина будет относиться ко мне как к бандиту...

После этого умозаключения рассказчик широко улыбнулся, несколько приободрился, словно полководец после выигранного им сражения. Затем окинул взглядом своих слушателей. Они были в полном напряжении. Особенно молодая блондинка, которая ловила ни только каждое слово, но и каждое движение уже немолодого рассказчика.

Истомин слегка перевел дух и вновь продолжил свой монолог.

— Настоящая экзекуция, — сказал он, — началась для меня, как ни странно, на немецкой земле. В переселенческом лагере Брамше меня водили по кабинетам, как преступника или террориста, а, возможно, даже как и инопланетянина.

Людишки в гражданской форме одежды интересовались моей научной работой, кое-кто просматривал мои документы. Я несколько позже понял причину необычного внимания к моей персоне. Я был офицером запаса...

Седовласый мужчина повернулся в сторону Васильева, окинул его пристальным взглядом. Затем слегка почесал левое ухо и, словно прося поддержки у своего собеседника, произнес:

— Иван Петрович, бывший вояка, подобное уже проходил. Немцы почему-то страшно боялись офицеров Советской Армии, не в почете у них и ученый мир...

Истомин тяжело вздохнул и с нескрываемым злорадством продолжил:

— Особенно они ненавидели обществоведов, тем бедным вообще некуда было трудоустроиться. Немецким правителям подавай дурачков, бесплатную рабочую силу...

Несколько необычное сравнение Истомина оживило Васильева. Он все это время сидел неподвижно, лишь иногда в знак согласия кивал рассказчику головой. Кое-что вообще пропускал мимо ушей. При этом он то и дело бросал взгляд в сторону блондинки, внучки Владимира Астахова. Пожилой мужчина хотел, чтобы она, как можно скорее, поняла и почувствовала все прелести западного образа жизни.

Васильев слегка открыл рот и сквозь зубы процедил:

— Ты, мой дружище, прав... Через проверочный колпак проходили все офицеры, кто в силу жизненных обстоятельств оказался в Германии. Колхозникам или дворникам сюда куда легче было попасть...

Истомин утвердительно покачал головой и вновь продолжил свой монолог:

— Поймите меня правильно, дамы и господа... Я никогда не служил в Советской Армии, не нюхал пороху, не кушал солдатскую кашу из общего котла... У нас в университете была военная кафедра, ну а потом я своим умом и потом дослужился до капитана...

Итог довольно длительного монолога для молодой блондинки был несколько неожиданным, даже анекдотичным. Истомин слегка сжал кулаки, затем приподнял их над своей головой и с некоторым пафосом подытожил свою исповедь:

— Я этим бумагокопателям по-немецки и по-русски сказал следующее: « Я приехал в Германию жить и работать... Бандитом я никогда не был и не буду...».

Затем он подошел к столу, взял с него небольшую стопочку водки и тут же опрокинул ее содержимое в рот. Его примеру последовал и Васильев.

Девушка в отличие от мужчин сидела неподвижно. Она все еще находилась под впечатлением от монолога. Откровенно говоря, информация ее шокировала. Она никогда не думала, что немцы из бывшего Советского Союза проходили через

какое-то сито политической лояльности или благонадежности. Ее размышления вскоре прервал Истомин.

Он внимательно посмотрел на молодую особу, которая почему-то сидела с несколько смурным выражением лица, затем слегка прикоснувшись рукой к ее плечу, на полном серьезе сказал:

— Олесья, пожалуйста, не думай, что Германия мировая медовуха, где изобилие хлещет, как из ведра. Или все цветет и пахнет демократией... Это далеко не так...

Увидев несколько непонимающее выражение лица блондинки, вновь продолжил:

— Ты, уже извини меня, пожалуйста, за нудность, но я кое-кто из своего монолога упустил...

Астахова слегка привстала, затем быстро заморгала своими большими голубыми глазами. Непонятно почему они в один миг стали слегка влажными. Потом она еле слышно выдавила из себя:

— Нет, Александр Александрович, все то, что я услышала сегодня, для меня было совсем неведомое...

Истомин улыбнулся, несколько раз покачал головой и с сарказмом произнес:

— Для меня двадцать лет назад немецкая земля, на которой родились мои предки, также была неведомой и даже очень загадочной...

На некоторое время седовласый мужчина замолчал. Олесья не сомневалась в том, что он думал. И не только думал. Скорее всего, волновался или переживал. Свидетельством этому было его лицо. Особенно его карие глаза. Они почему-то сейчас были колючими.

Истомин сильно сжал зубы и потом с надрывом в голосе выдавил из себя:

— Особенно шокировала меня проверка моих документов на исторической родине моих предков. Два моих диплома и мою трудовую книжку вернули мне лишь через пару дней. Скорее всего, проверяли специальными машинами или собаками... Не поддельными ли они были? Мало того. Все семьи разделили по параграфам. Многие спят, как и умирают по параграфам...

Очередной монолог Истомина прервал Васильев. Он все больше и больше убеждался, что серьезный разговор с каждой минутой гасил жизненный тонус Олеси, его гостьи. Он поднял руку вверх, и словно судья на футбольном поле, слегка свистнул, затем с улыбкой произнес:

— Товарищ капитан, я майор Советской Армии приказываю прекратить дебаты... Посмотрев на свои «командирские», они показывали почти десять часов вечера, он еле слышно пробубнил себе под нос:

— Да и Олесе пора спать...

Прощание друзей было очень скоротечным. Сначала они обменялись крепкими рукопожатиями, затем слегка похлопали друг друга по плечам. Простились до следующей субботы, до очередного футбольного обозрения. Прежде чем закрыть за собою дверь, Истомин сделал небольшое напутствие молодой блондинке:

— Олеся, принимай только конкретные решения. Не ломай дров, не торопись... Сначала все взвесь... В Германии очень много подводных камней, для неопытных и новеньких они пока невидны...

Астахова в ответ ничего не сказала. Она лишь широко улыбнулась и кивнула головой.

В эту ночь невеста из Украины долго не могла заснуть. Причиной этому было не столько легкое головокружение от французского вина, сколько монолог Истомина. Чем больше она размышляла об его содержании, тем больше у нее было симпатий к этому мужчине. Одновременно она испытывала и чувство жалости к умнику. Его мечты рухнули в одночасье, как только он оказался на исторической земле своих предков. Добиться самоутверждения не помогли ни дипломы, ни знание немецкого и английского языка...

Не спал в эту ночь и Александр Истомин. Он то и дело перемалывал содержание своего монолога в квартире Васильева. Его рассказ был, вполне возможно, несколько назидательным, но он об этом ни сколько не сожалел. Как и не сожалел, что излил свою душу молодой девушке Олесе, которая приехала искать свое счастье по чужбине.

Чем больше пожилой мужчина размышлял, тем больше на его душе скребли кошки. Его путешествие в страну предков состоялось, но оно не принесло ему истинного удовольствия, которое должны испытывать порядочные люди. Творческой работы, какую он имел в молодые годы, да и уже в возрасте, у него до сих пор не было. Несмотря на то, что он делал все, чтобы заявить о себе. Он несколько раз был на мировых автомобильных гигантах, таких как «Мерседес-Бенц» и «Порше». Чиновники, сидевшие в кабинетах, очень внимательно выслушивали переселенца, кое-кто даже умудрялся пройтись с ним по цехам предприятия. На этом все и заканчивалось.

Не помогло Истомину и прекрасное знание немецкого языка, не говоря уже об английском. Никто из чиновников не протянул ему руку помощи. Его попытки устроиться простым рабочим на конвейер также заканчивались провалом. Ответы были словно под копирку: ищите работу согласно своему образованию. В итоге образовался замкнутый круг, разорвать его Истомин был не в силах. Не в силах это были сделать и сотни тысяч переселенцев из России.

При этой мысли Истомин усмехнулся. Новенькие «Мерседесы» он впервые увидел в небольшом городе Зиндельфинген, когда махал шваброй, мыл километровые проходы в корпусах знаменитого завода. Подрабатывал по субботам. Денег для семьи не хватало. Здесь он познакомился с «многоцветными» рабами, подобными ему. Они были со всего мира. И не только

махал шваброй маститый ученый. Он пару месяцев работал за одно евро в час. Земное наказание придумали политики для тех, кто оказался без работы. Оказался не по своей вине.

Только через год с небольшим Истомин нашел работу «по специальности». Устроился автослесарем в одну из станций технического обслуживания. Сначала было очень тяжело, но потом привык. Зарплата не ахти большой, но была хоть отдушина, удовлетворение. В какой-то мере его вдохновляла и дружеская атмосфера среди дюжины работающих. Все они были турки, в том числе и сам шеф. Русского они называли очень уважительно: «господин Профессор». Истомину это льстило. И не только за это его признавали. Мало кто из персонала умел хорошо говорить по-немецки, не говоря уже о каких-то чертежах или схемах. Профессор довольно часто брал заказы от клиентов под свою ответственность.

Не спал в эту ночь и Васильев. Визит Истомина, как он считал, сегодня был кстати. Футбольные посиделки у мужчин начались через неделю, как только Васильев пошел на пенсию. До этого мужчины виделись очень редко. И причиной этому был график работы сторожа. У него все было не по-людски. Ночью все живое земле спало и замирало, он же бегал по этажам. После ночного бдения днем отсыпался, но и это не всегда удавалось. В течение нескольких лет бывший офицер Советской Армии вел спартанский образ жизни. Шестнадцать часов находился на работе и в пути, шесть часов сон, остальное время бодрствовал. Только Полина, жена, которую он частенько вообще не видел, скрашивала его жизнь. За пару лет до пенсии Васильев поменял работу, устроился дворником. Несколько полегчало. Больше стал видеть не только свою жену, но и единственного внука Володю.

Смерть любимой женщины для Васильева стала настоящей катастрофой. Он сначала вообще не находил себе места, затем день за днем привык к одиночеству. В последнее время бобыль ударился в футбол.

Приезд Олеси Астаховой внес определенную разрядку в жизнь пожилого человека. Он с каждым днем и часом убеждался, что девушка была очень разумным существом. Это она доказала в очередной раз сегодня вечером, когда мужчины вели дебаты о проблемах российских немцах, да и не только об этом. Олеся разговор пожилых людей не прерывала, не навязывала она им и свою точку зрения. В отличие от современной молодежи.

Старика также радовало и то, что внучка Владимира Астахова не только оживила его внутренний мир, но и преобразила интерьер его квартиры. Она все то, что висело в помещении, выстирала, погладила и по-своему повесила. Мало того. Она выбила пыль из всех дорожек и очень тщательно их пропылесосила. «Досталось» и посуде.

Лично сам хозяин активного участия в наведение порядка и лоска не принимал, за исключением тяжелой физической работы. Передвигал мебель, уносил или приносил дорожки. Он лишь изредка бросал взгляд на стройную девушку и с умилением улыбался. Его гостья была не только красивая, но и умела по-

настоящему вести домашнее хозяйство. Благодаря трудолюбию девушки в его квартире больше стало свежего воздуха, она стала не только светлее, но и намного привлекательней. У ее хозяина появилось второе дыхание.

Утром Астахова проснулась и сразу же стала раздумывать о перспективах своего пребывания на немецкой земле. К этому ее побудил вчерашний разговор мужчин. Она уже нисколько не сомневалась, что на исторической родине их предков также далеко не райская жизнь. Ее вчерашние представления о сытой и демократической стране с каждой минутой рушились. Мало того. Она прекрасно понимала, что старики ради приличия не давали ей полную картину, что происходило в ФРГ.

Угнетало девушку и неудачная попытка найти себе достойного жениха. «Париться» всю жизнь с вонючими стариками ради куска хлеба она не хотела. Разочаровала ее и встреча с немцем Анди Маршем, как и звонок от Тобиаса Кайзера. Молодые немцы не горели желанием обзавестись женой, пусть даже она и очень красивая. Чем больше она раздумывала, тем тяжелее становилось на ее душе. «Захват жениха» все больше и больше отходил на задний план, одним словом, приказал долго жить.

Только за обедом Астахова поделилась своими сокровенными мыслями со своим опекуном. Для Васильева они были неожиданными. Она не думала, что Олеся так быстро разочаруется с женихами, тем более, сдавалась без боя. Он, увидев грустное выражение блондинки, решил в какой-то мере приостановить ее панические настроения. Слегка похлопав девушку по плечу, он с улыбкой произнес:

— Олеся, негоже тебе сразу же на первых шагах печалиться... Ты ведь только начинаешь жить, как и впервые познакомилась с немцами. Я тебя прекрасно понимаю, что они далеко не мед, но ведь есть и неплохие парни...

Астахова оптимизм пожилого мужчины не разделяла. Она с некоторым недоумением бросила взгляд на своего «менеджера» и сквозь зубы процедила:

— Иван Петрович, Вы же прекрасно понимаете тех, кто выходит замуж за стариков... Это происходит в тех случаях, когда кто-то кого-то покупает или продает.

Затем она сделала короткую паузу и со слезами на глазах добавила:

— Неравные браки были при царизме, подобное происходит и в современной России, но почему это происходит в Германии... Я этого раньше не допускала... Здесь же настоящий аукцион...

Васильев решил больше не сердить свою внучку. Он слегка помешал ложкой в тарелке с окрошкой, которая была его любимым блюдом в жаркие дни лета, и совершенно спокойно произнес:

— Олеся, неравные браки — давно известное дело. Это происходило всегда и везде. Разница лишь в том, что мы с тобой об этом знаем сейчас куда больше, чем раньше...

На некоторое время мужчина замолк. Он пару раз зачерпнул ложкой холодное кушанье из кваса с зеленью и мелко нарезанным мясом, затем неспеша его пережевал и он вновь продолжил:

— Оказывается, все мои любимые артистки, для того, чтобы получить роль, довольно часто становились женами режиссеров-стариков. Или взять ту же Советскую Армию, которой я отдал свою молодость. Нет связей — служи в Забайкалье или в другой дыре великой страны. Не говоря уже о звездах или должностях...

Необычное откровение старика вызвало у девушки нервное потрясение. Она ожидала от него моральной поддержки, хоть какого-то сочувствия. В итоге получилось обратное. Олеся слегка насупилась и с полнейшим равнодушием воспринимала все то, что говорил ее наставник.

Васильев очень быстро уловил безразличие к себе со стороны девушки. И он на нее нисколько не обижался. Прекрасно понимал ее состояние. Ради чего она приехала — все было на абсолютном нуле. С женихами прокол, о трудоустройстве вообще до сих пор никто речи не вел.

Несмотря на это, Иван оставался оптимистом и считал подобное, как вполне разумеющееся явление. Мало кому в этой жизни приподносили все и вся в чашке с золотой каемочкой. Не исключением этому был и Васильев. Он неспеша отодвинул в сторону пустую тарелку, затем выпил стакан чая. Увидев недовольное выражение лица внучки, улыбнулся и, как будто ничего не произошло, произнес:

— Олеся, мой тебе совет... Для успокоения своих нервов сделай вылазку в город, прогуляйся...

Васильев привстал из-за стола и вышел на балкон. Солнце уже находилось в зените. Слегка прищурив глаза от его ярких лучей, он повернулся в сторону девушки, и поприветствовав рукой вечное светило, продолжил:

— Олеся, сходи-ка ты в наш бассейн. Это не так далеко, через пару остановок...

Мысль о посещении немецкого бассейна туристка из Украины поддержала. Она давно мечтала побывать в искусственном водоеме, основательно освежиться и расслабиться. Хоть на какое-то время избавиться от тяжелых мыслей.

Олеся улыбнулась и слегка кивнула головой. Согласилась. Обрадовался и Васильев. Он присел на стульчик и затянулся сигаретой. Курил он очень редко, но на этот раз сделал исключение. Он всей душой переживал за внучку своего командира Владимира Астахова.

Молодая красивая блондинка вышла из подъезда пятиэтажного дома и направилась в сторону остановки метрополитена, городской электрической железной дороги. Затем она неожиданно развернулась и пошла по тротуару, пешеходной дорожке, идущей сбоку от проезжей части улицы. Она сделала это специально, сэкономила деньги. Билеты на общественный транспорт были очень дорогие. И не только по этой причине. Ей в этот солнечный день просто-напросто хотелось немного размяться. Не против она была и поглазеть на город и на его обитателей. До бассейна девушка дошла без всяких приключений. На своем пути она повстречала семейную парочку преклонного возраста. Коренные немцы передвигались очень медленно, они то и дело останавливались и о чем-то тихо разговаривали. Встретились ей еще и две женщины, головы которых были повязаны черными платками. Молодая особа на прохожих особого внимания не обратила. Ей было не до этого. Желание покупаться и полежать на песочке преследовало ее каждую минуту. Каждый шаг приближал ее к осуществлению своего желания.

Астахова неспеша подошла к двери довольно большого помещения из стекла и бетона, открыла дверь. Вошла в холл и остановилась. Внимательно осмотрелась. В зале ожидания было около дюжины посетителей. В большинстве своем они были темнокожими. Раздумывать о ком-либо или о чем-либо блондинка не стала. Она подошла к кассе и заказала билет. Кассирша, пожилая женщина непонятной национальности почему-то долго искала для сдачи монету в двадцать центов. Затем ее нашла и на сильно ломаном немецком языке пробубнила себе под нос:

— Извините, я работаю сегодня первый день... — Заметив снисходительный взгляд посетительницы, продолжила. — У нас сегодня очень много народу...

Девушка в ответ ничего не сказала. Она взяла билет и двинулась в женскую раздевалку. Через некоторое время она приняла душ и вошла в просторное помещение, в центре которого находился водоем с сине-голубой водой. Астахову сразу же поразила не вода, а сильный крик и шум, который, скорее всего, господствовал и до ее прихода. В том, что ее появление усилило этот гвалт в разы она нисколько не сомневалась. Стройную молодую девушку с ниспадающими локонами белых волос и точеными ногами «обстреливали» глазами десятки молодых парней, которые в большинстве своем были темнокожими. Одни из них стояли в воде, другие слонялись по помещению.

Олеся неожиданно для себя покраснела. Она не думала, что своим внешним видом привлечет столь пристальное внимание мало воспитанных, полудиких «немцев». Она слегка перевела дыхание и окинула взглядом обширную гладкую водную поверхность. Среди тех, кто купался или плавал, людей со светлой кожей были единицы. От страха у полуобнаженной женщины сжалось сердце. Она, не долго думая, развернулась и вновь направилась в душевой павильон. Невольно улыбнулась. Кабины были пустые. Затем открыла кран и подставила свое тело под сильные струи полугорячей воды. Через некоторое время нервная система девушки успокоилась. Она от удовольствия закрыла глаза.

Астахова еще с детства любила горячую ванну. Она была готова сидеть в ней часами и ничего не делать. Лишь бы получать неизгладимое удовольствие. Нередко она читала книгу или напевала себе под нос песенку. Вдруг ее кто-то слегка ударил по плечу. Блондинка открыла глаза и сильно ойкнула. Перед ней, в чем мать родила, стоял молодой темнокожий человек. Он широко улыбнулся и стремительно приблизил своей половой член к женщине. Астахова несколько подала свое тело назад, затем сделала полуразворот и со всей силой ударила полусогнутым локтем в живот насильника. Небольшого роста мужчина слегка покачнулся и рухнул на пол. Олеся от страха закричала, надеясь на помощь посторонних. Неизвестно откуда появившиеся две бабки, которые едва передвигались, навряд ли чем могли помочь блондинке. Она закрыла лицо руками и мигом покинула помещение.

Появление Астаховой для Васильева было полнейшей неожиданностью. Он не думал, что его внучка так быстро возвратится. Мало того. Он буквально пару часов назад дал ей краткую характеристику немецких бассейнов. Каких-либо открытий в этом плане он не сделал. Водоемы в его стране считались одними из лучших в Европе. Увидев несколько недовольное выражение лица девушки, он слегка прищурил глаза и с явным непониманием ее спросил:

— Олеся, что случилось? Или тебя опять кто-то обидел?

Астахова в ответ ничего не сказала. Она лишь улыбнулась и быстро нырнула в свою комнату. Вскоре она вышла и пригласила своего наставника на балкон. Очень короткий монолог молодой девушки о произошедшем в бассейне пожилого мужчину ничем не удивил. Он внимательно все выслушал, затем слегка покачал головой и с явным сожалением в голосе произнес:

— Олеся, ты у нас новый человек и тебе куда лучше со стороны видеть наши порядки, как плюсы, так и минусы...

Затем он встал с кресла и немного прошелся по балкону. Бывший офицер Советской Армии делал подобные разминки довольно часто, давало о себе знать ранение в левое бедро, которое он получил во время исполнения интернационального долга в Афганистане. Потом он вновь продолжил:

— Жизненная текучка, к сожалению, засасывает каждого из нас в свое болото, из которого навряд ли кому удастся выбраться.... — Показав пальцем на девушку, он с явным сочувствием добавил. — Вот ты, Олеся, была пару часов назад в бассейне, к сожалению, твой визит оказался неудачным...

Астахова в знак согласия качнула головой и захлопала большими ресницами своих голубых глаз, словно в них попала соринка.

— К тому же я хочу тебе честно и откровенно сказать, что я уже давненько не посещаю подобные заведения — продолжил Васильев. — В эти бассейны ходят все, кому не лень, одним словом, нищие. Когда-то и я с женой ходил в подобные...

Васильев остановился и принялся обеими руками расстирать часть своей левой ноги, от тазобедренного сустава до коленного. Через некоторое время он опять опустился в кожаное кресло. И вновь затронул тему искусственных водоемов:

— У нашем городе есть бассейны более высокого качества, но они очень дорогие для меня...

Появившееся чувство голода вынудило пожилого мужчину и молодую девушку покинуть небольшую площадку с перилами и усесть за стол покушать. К вечеру они опять вышли на балкон и вновь разговорились. На этот раз основательно и на полном серьезе. Астахова многое знала о Германии, которая вчера была для нее эталоном демократии и спокойствия. Сейчас же она все больше и больше испытывала к ней антипатии.

Посещение бассейна было тому примером. Оказалось, наплыв беженцев отпугнул многих жителей страны от походов в это безобидное заведение. К ним относился и Васильев. Последний визит в искусственный водоем он совершил три года назад вместе с женой, незадолго до ее смерти. Полина сильно возмущалась, когда темнокожий сопляк то и дело плевался в водную гладь воды. Она сделала ему замечание, но с того как с гуся вода. Он с ненавистью посмотрел на пожилую женщину, скривил рожу и прямо перед нею смачно высморкался.

Муж стоял рядом с женой и был бессилен, что-либо сделать. Он прекрасно знал, что подобная особь в его стране являлась «святой», которую нигде и никогда нельзя было трогать. С этого момента супруги «купались» только дома. В благоустроенной квартире была большая ванная и душ. После их принятия они выходили на балкон и ложились на специальные гамаки под палящие лучи солнца. Несмотря на это, Васильев изредка заходил в бассейн, приходил ради интереса. Изменения, которые происходили под мощным натиском беженцев, его шокировали. Иногда смешили. В холле висели плакаты с рисунками и надписями, многие из них были на арабском языке, как правильно себя вести. Он смеялся, когда рассказывал Олесе о настенном плакате, на котором был изображен молодой темнокожий человек и на его струйке из члена был нарисован большой крест красного цвета. Он чем-то напоминал латинскую букву «х». Плакатная «живопись» призывала беженцев ко многому. Запрещалось в бассейне им не только мочиться, но и хлопать женщин по задней части их тела.

Во избежания всевозможных конфликтов организовали охрану. Среди секьюрити, как правило, преобладали люди пожилого возраста. Они стояли возле водоемов или курсировали перед раздевалками.

Новинки из жизни современной Германии, рассказанные Васильевым, сыграли в конце концов удручающую роль в поведении и настроении молодой блондинки. Она тихо простилась и пошла в свою комнату. Плюхнулась на кровать. Тяжело вздохнула. Она оказалась в плену апатии, в состоянии полного безразличия, равнодушия. Она натянула одеяло на голову и тут же заснула. Утро вечера мудренее.

Проснулась Астахова очень поздно, где-то к полудню. Только проснулась — опять окунулась в бездну своих проблем. В первую очередь, стала думать о хлебе насущном. Она прекрасно понимала, что все эти дни и недели она находилась на иждивении друга своего деда. Не так много, но и, не так уже и мало. Свои две тысячи долларов, которые она взяла на проживание, тратить пока не собиралась. Берегла на черный день. Как и не думала об отъезде. До него оставалось чуть больше месяца. За это время она хотела очень многое сделать. Что означало «многое», она еще по-настоящему не понимала. Достойного жениха она до сих пор еще так и не нашла. Мало того. Западный образ жизни, который в недавнем прошлом был ей симпатичен, к ее удивлению, рассеялся как дымка тумана в наступающем утре.

Васильев за обедом предложил своей подопечной очередную план ее дальнейших действий. Сначала ей предстояло ознакомиться с новой пачкой писем от женихов, потом совершить вояж в вечерний Штутгарт. Астахова без всяких обиняков согласилась. Согласилась, просто так, для интереса. Возможно, и для успокоения своей души. Она взяла письма и сразу же удалилась в свою комнату.

Предложения стариков на этот раз молодая блондинка вообще не рассматривала. После неудачных к ним визитов она стала действовать по принципу — замужество только по любви или с небольшой разницей в возрасте. К ее удивлению, ровесников из коренных немцев не оказалось. Несмотря на это, невеста не огорчилась. Ее ждали земляки — немцы из бывшего Советского Союза. Среди них стариков не было, правда, за исключением одного. Шестидесятилетний Иоганн Шоль, родом из Казахстана, искал молодую девушку на время отпуска. Предлагал ей бесплатную двухнедельную поездку в Испании, на остров Коста-Брава. В письме был его номер мобильного телефона. Астахова была не против понежиться на песчаном пляже или покупаться в Средиземном море. Она набрала номер телефона и тотчас дала отбой. Передумала. Ей не до моря, личных проблем было выше крыши...

Из десятка молодых переселенцев или уже родившихся в Германии, Астахова выбрала только двоих. Остальные ее мало интересовали. Из их писем явствовало, что они до сих пор не получили достойного образования, не говоря уже о каких-то либо машинах или особняках.

После прочтения писем Астахова сделала короткую передышку, затем стала звонить. Феликс, родители которого раньше жили в Казахстане, родился в бывшей ГДР. Затем семья переехала во Фрайбург. Его предки сначала быстро нашли работу, потом также быстро ее и потеряли. Относительно молодые люди уже пять лет получали социальное пособие. Их сын также оказался не у дел. Официант одного из ресторанов города получал мизерную зарплату. Угнетало его и социальное положение в обществе. Он несколько раз заверял молодую девушку из Украины в том, что только брак с нею может в корне изменить его жизнь. Невеста во время разговора сослалась на свое нездоровье и положила трубку.

Не прибавил оптимизма Олесе и звонок к Вальдемару, который работал на «Порше». Предприятие находилось в трех остановках от дома, где жил Васильев. Автослесарь получал неплохие деньги. Он и его родители копили деньги, хотели купить дом. Попытку жениха приехать к невесте, Астахова категорически отвергла. Причиной этому было бескультурье молодого человека. За время разговора он пару раз обматерил своих родителей за их скряжничество. Мало того. Из его уст то и дело несся словесный каламбур вперемежку с матерщиной, от которой у невесты вяли уши. Она и на этот раз без всякого сожаления положила трубку.

Почти до наступления темноты Астахова наводила на себе марафет. Сначала приняла ванну, затем сделала маникюр, прическу. Смачно накрасила свои губы и ресницы, подвела брови. Васильев лишь изредка бросал свой взгляд на девушку, которая то и дело металась из комнаты в ванную и назад. Пожилой мужчина ей не мешал. Он прекрасно понимал, что украинка не хотела ударить лицом в грязь перед «западницами». Понимал и то, что его гостья еще до конца не знала причуды немецких женщин. Они в большинстве своем, невзирая на возраст или социальное положение, одевались так, как им заблагорассудится. Личный или вольный стиль одежды иногда Васильеву импонировал.

Он невольно вспомнил Россию, она пару десятков лет назад в прямом смысле была завалена китайскими пуховками. Были они и в семье Васильевых. Тогда казалось, что большая страна без курток или пальто из сопредельного государства вообще и жить не могла. В Германии переселенцы очень медленно осваивали «вольный стиль одежды». Особенно этому противилась Полина Васильева. Она довольно часто выходила из себя, когда видела женщин с растрепанными волосами или мужчин со щетиной.

Муж, в отличие от жены, куда быстрее смирился с западной модой, хотя своей привычке не изменял. Он всегда был тщательно выбрит и «по-человечески» одет. Его джинсы были чистые и плотно облегали его тело. За свой внешний вид он никогда не беспокоился. Прилежанию и подобной моде мужчине научила армия. Что носили другие, ему было по одному месту. Он вообще не замечал тех, на чьей голове была ушанка или миниатюрная детская шапочка. За свою половинку Васильев также был спокоен. Она никогда не изменяла своей старой привычке. Юбки или дамские костюмы были для Полины первостепенными. Джинсы она надевала очень редко, как правило, во время прогулок по лесу или во время работы на даче.

Часы на городской ратуше пробили десять раз, когда туристка из Украины и сопровождающий ее пожилой мужчина вступили на привокзальную площадь Штутгарта, столицы немецкой земли Баден-Вюртемберг. Астахова сначала намеревалась совершить прогулку по городу в гордом одиночестве. Состояние одинокого человека ей во многом импонировало, особенно в последние годы. Способствовало этому не только отсутствие родителей, но и смерть близкого и самого любимого человека — деда. Перед тем, как выйти в город, она вновь повторила свою просьбу. Васильев и на этот раз остался непреклонен. В ночном

городе его подопечная была впервые в своей жизни, что могло быть далеко небезопасно.

В правоте пожилого, но все еще статного мужчины Астахова убедилась сразу, как только вышла из вагона электропоезда. Едва она простучала каблуками своих туфель несколько метров, как позади услышала свист, затем непонятное шипение. Она оглянулась и увидела перед собою двух темнокожих парней. В их руках были бутылки пива. Блондинка ехидно улыбнулась, затем развернулась, и взяв под ручку своего наставника, двинулась дальше. Они вскоре поднялись вверх и очутились неподалеку от эскалатора, ведущего на главную улицу города – Кенигстрассе. Перед движущейся лестницей Васильев внезапно остановился и предложил девушке осмотреть ночной вокзал и его обитателей.

Астахова с его предложением охотно согласилась. Приехать в одну из самых цивилизованных стран старой Европы и не посмотреть ее «грязь», она считала не только престижным делом, но и необходимым.

Они направились к небольшому проходу, ведущему к площади, где когда-то был центральный автовокзал. Его перенесли из-за строительства метро «Штутгарт-21». Астахова была уже об этом наслышана и кое-что видела по телевизору на Украине. Причиной пристального внимания мировой общественности стали многодневные демонстрации жителей земли против его строительства.

Едва они сделали несколько шагов, как перед ними открылась далеко нецивилизованная картина. По обе стороны прохода сидели, стояли и лежали десятки людей. По обличью они были нездешними. Пришельцы были из разных континентов. Каждый из них и все они вместе кричали на непонятном для блондинки языке. В том, что они не общались на немецком языке, она несколько не сомневалась. Не сомневался в этом и ее телохранитель. Поразил Астахову и гогот, который издавала многоликая толпа. Он был очень сильный, даже несколько властный. Ей на какой-то миг показалось, что для этих дикарей ничего человеческого не существовало. Ни законов, ни определенных рамок приличия или культуры.

В этом она убедилась, как только сделала несколько шагов вперед. С левой стороны прохода в направлении бывшего автовокзала стояло несколько ящиков не то с пивом, не то с другими напитками. Два молодых парня с заросшей щетиной, их головы были обмотаны черными повязками, с большим успехом продавали свою продукцию окружающим. В поле зрения Астаховой оказалась и молодая темнокожая девушка, она сновала среди участников сборища или возможного собрания и кланчила у них пустые бутылки.

Участники культпохода сделали еще несколько шагов вперед и внезапно остановились. Они были вынуждены это сделать. Очередная полудикая картина из ночной жизни города шокировала блондинку. Прямо перед ее носом танцевали и плясали десятки молодых туземцев. В том, что они были пьяные или полупьяные, она несколько не сомневалась. Астахова сначала причислила их к мусульманам, но потом эту мысль отбросила. Ислам запрещал употребление

спиртных напитков. Неожиданно раздался пронзительный свист. Зевака резко развернулась и ускоренным шагом направилась в сторону эскалатора. Телохранитель последовал за нею...

Красивая блондинка, одетая в джинсы, волосы которой отливались позолотой при ярком электрическом свете, без всякого энтузиазма восприняла главную улицу ночного Штутгарта. Кенигстрассе была ничто иное, как обыкновенная улица, вымощенная гранитом. Астахова себя не обманывала. Центральная улица имени Ленина в Омске, как и в Днепропетровске, не говоря уже о Крещатике в Киеве, были куда лучше и краше, чем эта. Не могла похвалиться эта улица и обилием деревьев, не говоря уже о газонах. Вместе с тем, пространство между домами имело и свои особенности. За все время путешествия Астахова не слышала немецкой речи. Десятки, сотни людей, которые встречались на ее пути, разговаривали только на своем языке.

Мало того. Улица в этот поздний вечер во многом чем-то напоминала цыганский табор. Лишь с одним отличием — здесь не было лошадей и повозок. По ее обе стороны на тепловых коллекторах, проложенных под землей, сидели люди, кто на матрацах, кто на корточках, а кое-то и лежал. Многоликая толпа, основу которой составляли беженцы из различных регионов мира, галдела, многие курили.

Во время прогулки молодая девушка и ее телохранитель своими впечатлениями о городе не обменивались. Они шли, словно чужие, глазели по сторонам и молчали. Каждый думал о своем. Васильев был старожил и ко всему происходящему в городе относился довольно спокойно. Он изредка бросал взгляд на красивую спутницу и тяжело вздыхал. Он не сомневался, что она далеко не в восторге от увиденного. Откровенно говоря, в его городе все было по-обычному. Подобных Штутгарту в мире сотни, а то и больше.

Необычным он считал скопища беженцев, которые, словно муравьи, втиснулись в его город. Аналогичная картина была ни только в Германии, но и во всей Европе. Пришлые все больше и больше тревожили коренных немцев. Город с каждым днем терял свою былую привлекательность. Васильев уже привык к горам всевозможного мусора, в сетях которого оказывалось все больше и больше улиц. Не исключением в отбросах были и человеческие экскременты: моча и кал.

При этой мысли пожилой мужчина горько улыбнулся. День клонился к вечеру, когда он спускался в метро остановки «Шарлоттенплац». Впереди перед ним маячил молодой человек с копной черных волос. Внезапно он присел и прямо на ступеньках эскалатора опорожнился. Затем, словно ничего не произошло, спокойно натянул на себя брюки и двинулся вниз. Наглая выходка чернокожего ошарашило бывшего россиянина. Подобное он впервые видел в своей жизни. Он кисло улыбнулся, обошел зловоние и ускоренным шагом засеменил к остановке. Затем остановился и уставился на дворника, которого довольно часто видел во время поездки на работу. Он «бдил» за чистотой в округе. Выходец из Югославии, как и Васильев, заметил нелицеприятное действие африканца. Мужчина средних лет, в руках которого была метла и совок для мусора, с презрением смотрел на

чернокожего недруга, который все больше и больше удалялся от места необычного «происшествия». Иностранцы, заполонившую страну, не только боялись друг друга, но и ненавидели друг друга.

В думах была и Олеся Астахова. В большинстве своем ее мысли были грустные, даже колючие. Не такой она представляла западную цивилизацию. Особенно менталитет и интеллектуальный потенциал жителей Неметчины. Она уже ни раз корила себя за то, что не оделась по примеру соседки из подъезда дома, где жил Васильев. Старушка, выходец из Румынии, почти каждый день выходила на улицу и прогуливалась с собачкой черного цвета. Пожилая женщина была в помятой серой кофте и в белых не то брюках, не то шароварах, которые были далеко не первой свежести. Астахова, медленно передвигаясь по главной улице города, чувствовала себя белой вороной, даже пугалом, на которое оглядывалось все живое и неживое.

Заметив несколько удрученный взгляд молодой девушки, Васильев пригласил ее на кофе. Она охотно согласилась. Астахова уже давно хотела где-нибудь присесть или исчезнуть из «объектива» многоликой толпы, нагло рассматривающей ее фигуру, в первую очередь, задницу. Поиметь ее хотели не только здесь, но и там, где она училась и пыталась трудоустроиться. Плешивый профессор, в недалеком прошлом, преподаватель истории КПСС обещал выпускнице университета золотые горы. Потом сразу же сник, не только узнав, но и испытав на себе ее неприступность. Алехин взял молодую ассистентку на семинар в Новосибирск. Скорее всего, это была его личная прихоть, а не производственная необходимость. Философское светило заказало в гостинице двухместный номер. Астахова, скрепя сердце, не стала перечить старику. Она боялась потерять работу, которая ей очень нравилась, несмотря на мизерную зарплату. Попытка дряхлого мужчины склонить свою сотрудницу к сексу закончилась для него трагически. От пощечины блондинки он чуть было не отдал концы. Его левая щека от сильного удара в одночасье распухла, словно тесто на опаре. В итоге доклад профессора перенесли на следующий день. Через месяц непокорный молодой философ уволился, уволился по собственному желанию. Шеф свою подопечную, которая в недалеком прошлом была его любимчиком, вообще не замечал...

Пожилой мужчина и молодая девушка присели за столик и стали ждать официанта. Вскоре к ним подошла молодая темнокожая девушка и предложила меню. Большого выбора не было. Васильев заказал кофе и пирожное. Его напарница также с этим согласилась. Прошло минут пять после заказа. Астахова занервничала. Все больше и больше вглядывалась на стойку, за которой маячила фигура официантки. Сначала она обслужила двоих молодых парней, выходцев из Индии, затем стала о чем-то разговаривать по мобильному телефону. Волновался и Васильев. Бдение за работницей забегаловки хороших мыслей ему не приносило. Он уже смирился с тем, что на исторической родине предков его жены уже давно не пахло немецкой пунктуальностью или культурой. Он повернул голову в сторону и тяжело вздохнул. За соседним столиком сидело четверо молодых негров. Они о чем-то спорили. При этом они сильно стучали кулаками по

столу и курили. Полуголодные посетители посмотрели друг на друга, почти одновременно встали и вышли вон...

Зеваки, несолоно хлебавши, вновь продолжили прогулку по городу. Вскоре они оказались перед большим трехэтажным зданием из стекла. Окна ландтага, парламента федеральной земли в этот поздний вечер были темными. Лишь перед входом в здание стояла полицейская машина. На пути, возле искусственного водоема, парочку кто-то окликнул. Васильев повернулся и невольно оживился, когда перед собою увидел немца Карла Касснера. Он с ним работал пару лет на одном объекте. Вместе сторожили. Коллеги остановились и тут же стали о чем-то оживленно разговаривать. Астахова оставила мужчин наедине. Она помахала им рукой и неспеша двинулась дальше. Минула подземный переход, затем поднялась наверх... Внезапно перед ней возникло что-то темное, непонятное. Она приподняла голову и на миг опешила. Перед ней стоял огромного роста чернокожий мужчина и хлопал большими глазами. Зрачки органа зрения были также черные. Она разглядела их благодаря электрическому свету, который испускал фонарь, висевший на специальном кабеле. Она уже давно заметила, что вся проводная связь в Германии находилась под землей. Сейчас же ей было не до света и не до столбов.

Негр пристально посмотрел на девушку, и приподняв левую руку вверх, пальцы которой чем-то напоминали форму пистолета, изрек из себя:

— Пуфф, пуф, пуф...

Астахова слегка опешила, она все еще не понимала, что означал возглас или слово «Пуфф». Пугало ее и то, что изо рта мужчины с толстыми губами сильно несло перегаром. Она съежилась и еле-слышно по-немецки произнесла:

— Извините, а что Вы хотите? Чем я могу Вам помочь?

Произнесла и невольно отвернула в сторону свою физиономию. Причиной этому был уже не страх перед молодым мужчиной, а очередная порция сногшибательного запаха, который от него исходил.

Чернокожий, сделав удивленное выражение лица, вновь громко произнес:

— Пуфф, пуф-ф, пуф-ф...

При этом он водил своим «пистолетом» по сторонам и с непониманием смотрел на женщину. На некоторое время он замолк. Ждал ответа. Блондинка не на шутку растерялась, когда под дуло пистолета попала одинокая старушка, на поводке у которой была маленькая собачка. Домашнее животное семейства псовых при виде огромного верзилы слегка твякнуло, и опустив вниз мордочку, кинулось прочь. Ее владелица, окинув неодобрительным взглядом парочку, последовала за ней.

Неожиданное молчание чернокожего жителя Германии туристку из Украины оживило. Она уже несколько не сомневалась. Перед ней стоял молодой негр,

который был вдрызг пьян. Откуда он приехал, какого вероисповедания он был, ее сейчас не интересовало. Она улыбнулась от неожиданной развязки и еле слышно произнесла:

— Где находится «Пуфф», я вообще никакого понятия не имею. Всего хорошего...

Верзила, скорее всего, не знавший немецкий язык, от удивления широко раскрыл рот, оскалив при этом большие белые зубы. Затем он, непонятно почему, ехидно усмехнулся и вновь пару раз провел пистолетом по сторонам. Немного постоял, покачал головой и пошел прочь. Беженец из Африки был поражен неосведомленностью молодой девушки, которая прекрасно говорила по-немецки, но не знала достопримечательности своего родного города.

Астахова стремительно ринулась в сторону искусственного водоема и невольно улыбнулась, когда увидела знакомых мужчин. Они сидели на скамеечке среди раскидистых деревьев и потягивали пиво. О чем они вели разговор, блондинку не интересовало. Она замедлила движение и опустилась на первую попавшую ей скамейку. И тут же закрыла глаза. Перевела дыхание. Мимолетная встреча с темнокожим мужчиной чуть было ее не лишила дара речи. И не только это. Могла хватить и кондрашка.

Возвращение участников культпохода домой, к их сожалению, не обошлось без проблем. В вагоне в большинстве были одни иностранцы. Они не только горланили, но и кое-кто из них пил пиво и водку. Пожилой мужчина и молодая девушка на происходящее среди пассажиров транспортного средства не реагировали. Они сидели напротив друг друга, изредка в прямом смысле выдавливали из себя улыбки и все время таращили глаза через окно пробегающих мимо них домов.

Неудачное посещение ночного Штутгарта не прибавило настроения Астаховой. Не в духе был и Васильев. За небольшим ночным перекусом неудачники перекинулись парой слов, ничего не значащими, и быстро разошлись по своим комнатам. О чем или о ком рассуждать в эту ночь у них не было желания. Общим было ясно. Ночное посещение города хоть и состоялось, но в конечном счете никто из его участников не получил удовлетворения. Особенно сильно переживал Васильев. Он никогда не думал, что его близкий человек, молодая красивая девушка окажется в центре внимания далеко невоспитанных людей. Он несколько не сомневался, что по своему социальному положению они были беженцами. Он также несколько не сомневался, что коренные немцы, независимо от возраста или профессии, в общественных местах куда приличнее себя вели. Исключений при этом не было, будь то пожилая или молодая женщина, бомж или чиновник.

У Астаховой в эту ночь в отличие от предыдущих, как ни странно, голова ни о чем не болела. Она решила принять свободный стиль одежды, как и свободный стиль жизни. Она слегка потянулась, пару раз с удовольствием зевнула и тут же спокойно заснула.

Утро принесло блондинке куда более трезвые мысли, чем прошедшая ночь. Она уже не тешила себя удачными женихами или трудоустройством на работу. Несмотря на патовую ситуацию, Астахова не падала духом. Она знала, что в этот субботний вечер у них будут футбольные посиделки. Ее ждал очередной пучок информации о Германии и многое другое...

Появление Истомина она ожидала с большим нетерпением. Для мужчин она испекла русские блины. Едва раздался звонок, Астахова открыла дверь и с улыбкой встретила гостя. Затем пригласила его за накрытый стол, он стоял перед телевизором в гостиной. Не пришел без подарка и Истомин. Он принес бутылку итальянского вина. Друзья взяли себе за правило во время футбольного обозрения пить вино или пиво. При этом они не должны повторять своих названий. В основе это удавалось сделать. Ассортимент алкогольных напитков в стране был очень большой.

Через некоторое время любители футбола уселись за стол, включили телевизор и неспеша принялись кушать. После выпитого бокала вина сразу же стали делиться новостями, успехами и неудачами. Истомин чем-либо особым не удивил. Он целую неделю батрачил на капиталиста, затем чуть-чуть на себя.

Монолог блондинки о неудавшемся культпоходе в ночной Штутгарт, который чем-то напоминал жалобу, Истомин встретил с пониманием. Он то и дело качал головой или иногда тяжело вздыхал. Короткое повествование о встрече с негром, ищущим «Пуфф», седовласого мужчину, как и Васильева, рассмешило.

Надежда Астаховой на то, что ее информация вызовет у гостя шквал негодования или дюжину обобщающих выводов, в этот вечер не оправдалась. Он, к ее удивлению, почему-то больше молчал. Не выразил он сожаления и неудачникам. Олеся подобную реакцию восприняла неоднозначно. В отличие от прошлой встречи седовласый мужчина очень многое рассказал ей не только о своей жизни, но и о том, что беспокоило его на земле предков. Она на несколько мгновений задержала свой взгляд на собеседнике. Его лицо было сильно уставшим, с отеками. Она посмотрела на его руки. Они были несколько загрубелые, кое-где в ссадинах. Блондинка тяжело вздохнула. Ее друг, который был для нее чуть ли не кумиром, от тяжелой физической работы сильно устал. Сказывался и его возраст.

Астахова улыбнулась и повернулась в сторону Васильева, который в отличие от гостя, тут же одарил ее веселым взглядом. И все то, что рассказывал в этот вечер наставник для нее было ни только новым или интересным, но и вызывало необычное оживление. Олеся никогда не думала, что «Пуфф» был ничто иное, как дом проституток. Она также не могла представить, откуда темнокожий мужчина брал деньги для удовлетворения своих насущных потребностей. Воровал ли он, грабил ли он магазины, помогало ли ему социальное ведомство, для блондинки было неведомо. Она в одном лишь не сомневалась. С таким клиентом она не стала бы делить «любовное» ложе.

Рассмешил Астахову и эпизод посещения Васильевым зубного врача. В последнее время попасть на прием к врачам в Германии стало сложно. И по этой

причине он записался к дантисту вперед за месяц. Как правило, он делал визиты к коренным немцам. Считал их не только высококвалифицированными специалистами, но и более культурными людьми. Польские, итальянские или русские фамилии у него особой симпатии не вызывали, не говоря уже о других.

Визит к врачу он, как правило, совершал в конце года. По его просьбе ему делали небольшую чистку костного образования. На этом все и заканчивалось. Затем в специальной книжечке ставили штамп, отметку о том, что его зубы прошли контроль. И не только ради профилактики посещал Васильев специалиста. Посещал его ради страха перед своим будущим. Ремонт зубов, не говоря уже о вставлении новых, было очень дорогое удовольствие. Пенсионер получал грандсихерунг (пособие для малоимущих) от государства, благодаря которому ему не дано было умереть с голоду. Это пособие исключало возможность посещать рестораны или хотя бы один раз в год съездить в отпуск.

На этот раз Васильеву было не до профилактического контроля. Коренной зуб на верхней челюсти страшно болел. Он обзвонил около дюжины врачей. Приемов на ближайшие дни не давали, все были заняты. Звонок в практику госпожи доктора Мюллер его по-настоящему осчастливил. Ему предлагали термин через час. Больной на всякий случай бросил себе в карман пару обезболивающих таблеток и почти на крыльях помчался к врачу. Едва он открыл дверь, как сразу же удивился. Возле кабинета госпожи Мюллер не было клиентов. У кабинета же напротив сидело несколько человек. Одни читали журналы, другие тихонько разговаривали между собою.

Васильев перевел дух и спокойно подошел к работнице регистратуры, подал медицинскую страховку. Вызвали его удивительно быстро, он даже не успел присесть.

Медицинская сестра, темнокожая молодая девушка указала рукой больному на стул и тут же придвинула к нему старенький не то агрегат, не то аппарат на высокой треноге. Затем вставила какую-то прокладку в полость рта пациента. И тотчас что-то щелкнуло. Васильев понял, что сфотографировали его больной зуб, а может даже и все вместе. Минут через десять девушка вновь появилась и показала снимок. Мужчина высокого роста и с удивительно сохранившейся статной фигурой несколько съежился. Его зубы, особенно нижние, чем-то напоминали зубы древнего неандертальца, жившего в период эпохи раннего и среднего палеолита. Васильев тяжело вздохнул и утвердительно кивнул головой. Скорее всего, эти получерные или даже полусерые извилины на довольно тусклом снимке, были его зубами. Жаловаться на свое родное не было необходимости. Значит, с такими клыками его родная мать родила. Он прилег на специальное кресло, расслабился. Ждал врача.

Вскоре дверь открылась, кто-то вошел в помещение. Мужчина слегка повернулся и приподнял голову. И в один миг его сердце сжалось, не то от испуга, не то от очередной боли в зубах. Перед ним стояла пожилая темнокожая женщина. Она

протянула для приветствия руку, которая была в резиновой перчатке, полулежавшему мужчине и на ломаном немецком языке произнесла:

— Моя фамилия госпожа Мюллер... Я Ваш зубной врач...

Затем широко улыбнулась, оскалив при этом две обоймы полутемных зубов. И тут же сказала:

— Откройте Ваш рот, необходимо осмотреть Ваши зубы...

Быстрота движений врачихи поразила пациента. Он едва успел открыть рот, как в его полости между верхней и нижней челюстями оказалась несколько пальцев чужой руки.

От неожиданного разворота событий Васильев чуть было не потерял дар речи. Не потому, что вместо ожидаемой врача-немки была не то индианка, не то перуанка. Он никогда не был ни шовинистом, ни националистом. В бывшем Советском Союзе насчитывалось более 120 национальностей и все жили очень дружно.

Мужчина, лежавший в открытом ртом, то и дело моргал глазами. С каждым мгновением ему все тяжелее и тяжелее дышалось. Несмотря на это, его мозг работал четко и слаженно. Его поражала полнейшая неосведомленность женщины в медицине. Свидетельством этому было пренебрежение к элементарным правилам гигиены.

Мюллер вытащила руку и с улыбкой на глазах озвучила диагноз. Два зуба на нижней челюсти были сломаны! Пациент от сногшибательного заключения дантиста непонятно почему сильно крикнул. Затем приподнялся с кресла и напыжился. Его попытка объяснить, что во рту у него все в порядке, только есть боль в одном из зубов на верхней челюсти. К сожалению, сделать это ему не удалось. Мешал этому не страх перед предстоявшей экзекуцией, а желание как можно скорее освободить полость рта от накопившейся слюны. Мюллер потянулась к небольшому столику, на котором лежали инструменты. Васильев этим и воспользовался. Он быстро открыл рот и выплюнул слюну на пол. Затем прорычал по-немецки:

— Пожалуйста, опустите мое кресло ниже... Я прошу... — Медсестра такой прыти от больного не ожидала. Она со страхом смотрела то на врача, то на пациента. Руки молодой девушки сильно тряслись. Она рванулась к креслу. Ее попытка опустить его как можно ниже, успехом не увенчалась.

Васильев резко приподнялся и соскочил с кресла. Затем со злорадством по-русски произнес. — Пошла ты на х... — И тут же вышел.

В небольшом коридоре перед кабинетом госпожи Мюллер сидело около дюжины клиентов. Они внешним видом во многом походили на своего врача. Васильев присел на стул перед регистратурой, перевел дух. Через пару минут он покинул медицинское заведение. Покинул, несмотря на то, что врачиха и ее медсестра со

страхом и удивлением недоумевали, почему «русский» со сломанными зубами так быстро их покинул.

Через два дня Васильев нанес визит в зубоврачебный кабинет коренных немцев. Доктор Наундорф был очень вежлив и оказался наредкость хорошим специалистом. Белыми по цвету были и зубы пациента, особенно больной. Врач сделал небольшой косметический ремонт и на этом все дело закончилось. С тех пор Васильев придерживался золотого правила. И раньше он ему следовал. К врачам, особенно, дантистам, надо как можно меньше ходить. Помнил неписанный закон капитализма. Меньше здоровых зубов — больше прибыль.

Футбольные посиделки в эту субботу продолжались недолго. Сказалась усталость их участников. Особенно неважно чувствовал себя Истомин. Мало того. Он несколько раз выходил на балкон и глубоко затягивался сигаретой. Все о ком-то или о чем-то думал. Ради компании курил с ним и Васильев. Астахова за мужчинами наблюдала через окно. Она не переносила табачный запах и поэтому не могла знать о чем разговаривали ее знакомые. При этом она нередко улыбалась. Благодаря этим людям она оказалась за бугром, познавала ту страну, которая на Украине считалась чуть ли не эталоном человеческого счастья и образцом демократии.

В это вечер Александр Истомин вообще не хотел идти на футбольное обозрение. Ему сильно нездоровилось. Сказывался не только солидный возраст, но и работа. В шестьдесят пять лет лазить под машинами довольно тягостное занятие. Автослесарю до пенсии оставалось несколько месяцев, но обеспеченная старость ему не светила. И ни только ему одному. Сотни тысяч переселенцев из бывшего Советского Союза получали грундсихерунг, минимальное пособие для прожития. Только поэтому он «отодвигал» свой возраст, хотел еще немного поработать. Ради исполнения своей давнишней мечты — перед смертью издать пару книг. Мысли в его голове были, он их носил уже несколько лет. Для их графического изображения не было времени.

Наводила тоску и неопределенность в жизни. Истомин с каждым днем разочаровывался положением в стране, которая совсем недавно была для него голубой мечтой, источником притяжения. Надежды относительно молодых людей из бывшего Советского Союза добиться на исторической родине своих предков каких-либо успехов остались лишь благими намерениями. Истомин, маститый ученый, как и его жена Мария, талантливый биолог, за бугром, который они считали даже родным, оказались не у дел.

Страшно угнетала позднего переселенца и русофобия в самом развитом государстве Европы. Она прирастала с каждым днем. Он тяжело вздыхал, когда средства массовой информации день и ночь лили грязь на страну, где он родился и вырос. Получил прекрасное образование и нашел свою первую любовь. Больше всех доставалось тем, кто по долгу службы или работы носил удостоверения с русскими фамилиями и именами. Это испытывал на собственной шкуре и Истомин. Конечно, не все клиенты и коллеги тыкали пальцем или презрительно

смотрели на «руссака». Были и те, кто пожимал руку или даже заискивал перед Кулибиным из России. Однако подобное его мало радовало. Истомин уже давно изучил повадки или жесты коренных немцев. Тот, кто открывал рот до самых ушей или расцветал в подобострастной улыбке, не означало, что он твой друг или даже человек. В Германии подобные улыбки были в большинстве своем ничто иное как проявление притворства. Полнейшее равнодушие людей друг к другу стало в какой-то мере декоративно-прикладным искусством.

Да и вообще, как считал Истомин, демократия немецкого образца на деле была шита белыми нитками. В этом убеждался ни только он один. В этом убеждались все те, кто в силу определенных причин оказался на немецкой земле. Политики действовали согласно известной поговорке: «Всяк сверчок знай свой шесток». Немцы бывшей ГДР, как и переселенцы из бывшего Советского Союза, считались людьми второго сорта, остальные входили в стан третьесортных.

В хитросплетения немецких политиков поначалу переселенец Александр Истомин не вникал. Для этого не было времени, да и обстановка в стране была относительно спокойной, в большей мере человеческой. Шли дни, месяцы, годы. Уровень жизни людей катастрофически падал. Чем больше политики говорили о благе народа, тем быстрее пустели карманы простых людей. Автослесарь, имеющий светлую, умную голову, все больше и больше задумывался о происходящем в его стране, и невольно находил «подводные камни», препятствующие жить по-человечески. Корень зла исходил из политической системы, от политиков, которых он считал в большинстве своем некомпетентными людьми, приспособленцами. Они были страшно далеки от народа. Они боялись его. Свидетельством этому была верхушка власти. Ни президент, ни канцлер страны народом никогда не избирался. «Избрание» происходило втихую. В просторных кабинетах, нередко за кружкой пива. В узком круге делалось все для блага чиновников, основы и опоры власти.

Мало того. Власть использовала изощренные формы обмана миллионов людей. Довольно часто свои промахи сваливала на происки внешних врагов или те или иные причины. Истомин еще в Союзе восхищался достижениями немецких автомобилестроителей, сейчас же эти успехи брал под сомнение.

Не понимал он и систему немецкого здравоохранения. Она представляла собою ничто иное как промышленное производство, цель которого изготовлять плохие товары, но получать хорошую прибыль. Истомин недоумевал, как можно обогащаться за счет больных или мертвых людей, лежащих в больницах или на погостах.

Смерть жены, которая была следствием ошибок немецких врачей, вынудила Истомина по-иному смотреть на медицинское поприще. В стране, которая каждый день кичилась своей демократией, существовало ни только двойная мораль, но и двухклассное медицинское обслуживание, все лучшее для имущих, худшее – для нищих.

Поражали маститого ученого и закулисные игры немецких политиков, о которых мало кто из немцев знал. Например, с 1964 года существовало немецко-турецкое соглашение, согласно которому турки, живущие в Германии, имели в сфере сохранения и укрепления своего здоровья определенные привилегии. Мужчина, работающий или неработающий, независимо от состава семьи, сильно не переживал. Установленный прожиточный минимум получал каждый. Полноценной была и медицинская страховка. Мало того. Его дети или родители, живущие в Турции, которые вообще не вступали на немецкую землю, не говоря уже о работе, также были застрахованы. В случае болезни, они высылали счета, связанные с лечением или приобретением медикаментов, своему отцу или сыну в Германию. И все эти расходы оплачивали немецкие налогоплательщики. Аналогичные соглашения ФРГ имела с Герцоговиной, Сербией, Тунезией, Марокко, Македонией и другими государствами.

Разбазаривание денег правителями бесило простых людей. При этой мысли Истомин тяжело вздохнул, вспомнив историю со своим сыном. Николай с родителями не поехал на историческую родину своих предков. Не поехал, несмотря на их настойчивые просьбы. Закончил университет, затем стал предпринимателем, организовал свое дело. Пару лет назад приехал навестить отца, потом надумал проверить свое здоровье. К общей радости, с ним все было в порядке. Огорчило лишь то, что родитель за всевозможные осмотры и анализы сына выложил из собственного кармана около пяти тысяч евро.

Не в восторге автослесарь был и от системы обязательных платежей, взимаемых с граждан и юридических лиц. Он нисколько не сомневался, что так называемая система поколений, когда младшее обеспечивало старость пожилых людей, в конце концов потерпит крах. После смерти жены прошло десять лет, и он, согласно немецким законам, получил класс № 1. Одиночка отдавал государству в виде налогов около одной трети своего заработка. Он довольно часто возмущался, когда видел «милосердие» со стороны государства к тем, кто всю жизнь работал на «базис» или просто-напросто филонил. Один член семьи работал, а на нем «висела» дюжина детей, включая и его близких родственников. Он также не понимал, почему не облагались налогами и чиновники, заседающие в различных амтах.

Истомин открыл дверь своей квартире где-то около полуночи. Его монолог с собою продолжался довольно долго, порядка около часа. В обычные дни он доходил до дома минут за тридцать, не больше. Он не корил себя. Очередное погружение в мир своих сокровенных мыслей он считал полезным занятием. К тому же он завтра имел выходной. Его разум и тело требовали отдыха. Он быстро разделся и плюхнулся в постель.

Олеся Астахова, участница вечерней посиделки в отличие от Александра Истомина долгое время не могла заснуть. Хотя условия для физиологического состояния покоя и отдыха были. Как только гость покинул квартиру, она прибрала стол, вымыла посуду, затем приняла душ. Чем больше она стремилась закрыть глаза и отключиться от внешнего мира, тем больше мыслей приходило в ее

голову. Они, скорее всего, ничем особым от других людей не отличались. Возможно и отличались. Сначала она думала о своих наставниках, о тех, с кем только что разговаривала и внимательно слушала. Астахова не отрицала, что «немецкой» от нее еще не пахло. Другое дело были ее компаньоны. Они во время разговора довольно часто переходили на немецкий язык, который для них, скорее всего, был уже родным.

При мысли о немцах из России блондинка сделала небольшой экскурс в историю. Приезд немцев в неведомую для них страну по просьбе Екатерины II был роковой ошибкой. Люди, независимо от социального положения или жизненных обстоятельств, должны жить на своей исторической родине.

Не оставил без внимания молодой философ и все то, что пережили немцы в бывшем Советском Союзе. Астахова не обманывала себя. Репрессии в отношении немцев в какой-то мере были вынуждены. В годы Великой Отечественной войны решался главный вопрос мировой политики – быть или не быть Советскому Союзу, пионеру социализма. Не упустила она из своей головы и тот факт, что царизм намеревался в годы Первой мировой войны сослать немцев в Сибирь, но этому помешала Октябрьская революция.

Воссоздание Республики немцев Поволжья она считала глупой затеей. В итоге появилось бы очередное государственное или политическое объединение с обилием чиновников или бандитов, правда, с немецкими фамилиями. Одновременно она несколько не сомневалась, что переселенцы из бывшего СССР составят основу современной немецкой нации... При этой мысли девушка слегка захрапела и тут же окунулась в сновидения...

Астахова очутилась в неведомом ей мире. Был яркий солнечный день. Перистые облака, медленно плывущие над ее головой, не мешали вечному светиле излучать свет и тепло. Внезапно перед девушкой предстал огромный не то чан, не то котел, который поразил ее необычными размерами. Он был такой огромный, что простирался до самых небес.

Вокруг резервуара буйно цвели деревья, подобие земных кипарисов, из-за которых то и дело выглядывали мордочки диковинных животных. Олеся некоторое время не понимала, где она находилась: на грешной земле, политой кровью десятков поколений или все-таки она была в неземном царстве... Сверху неожиданно что-то зашипело или зажужжало, что напоминало звук летевшего самолета, и тут же рядом с ней появилось небольшого роста существо. Оно было похоже на бородатого карлика из западноевропейской мифологии, охранявшего подземные сокровища. Карлик с недоверием посмотрел на обнаженную женщину и громко произнес:

— А ты, человечиха, почему не на голгофе... Ты, как и эти, должна искупить свою вину...

При этом он слегка усмехнулся и показал рукой на эшафот, специфический бункер, представлявший собой конус-воронку. Пришлица с планеты Земля от

страха побледнела. Она хотела ближе подойти к существу неестественно маленького роста, но не могла. Силы ее оставили. Гном ее физическую слабость заметил. Он повернулся к своей очередной жертве и очень спокойно произнес:

— Грешница, настала и твоя очередь искупить свою вину... Ты, как и эти твои сочеловечики должна умереть...

Очередная угроза карлика вообще лишила женщину способности мыслить. Она была на грани потери рассудка. Она громко зарыдала и окинула взглядом нижнюю часть бункера. В самом центре необычного сооружения было установлено большое табло, на котором высвечивалось несколько нулей, впереди была цифра семь.

Карлик вновь произнес:

— Ты, грешница, все еще не поняла, что мое изобретение есть божье наказание для тех, кто переступил мои законы. — Потом он закатился смехом. Он был такой громкий, что от страха нагая присела и тотчас же лишилась сознания.

Через некоторое время Астахова пришла в себя, открыла глаза. Медленно приподнялась, встала во весь рост. Затем вновь обратила взор в сторону карлика. И от увиденного ужаснулась. Перед ним стояла нагая молодая женщина с длинными белыми волосами и плакала. Олеся слегка опустила свой взор вниз и невольно слегка вскрикнула. У блондинки между ног, впереди у самой промежности было много мухоморов. И все они были почему-то разноцветными. Карлик моментально заметил ее удивление. Он громко свистнул, словно соловей-разбойник, и спокойно произнес:

— Эта грешница осталась жива, она сама выползла из бункера. Она в моем царстве и на моем эшафоте много согрешила лишь ради одного, чтобы остаться в живых...

Он повернулся к Астаховой и с удивлением произнес:

— У тебя же, человеке, подобного соцветия нет. Это меня очень радует..

Затем неземной палач подошел к грешнице, и грубо взяв ее за руку, произнес:

— Эту тушку я лично сам убью и отдам ее на съедение волкам. — Потом задумчиво добавил. — В бункере люди друг друга убивали, душили, чтобы выжить. Они были глупые. Они могли бы выжить все до единого, если бы среди них господствовало благоразумие.

Карлик вытащил из ножен не то меч, не то саблю и со все силой ударил ею по точеной шее нагой. Из леса тотчас выскочили два огромных волка, и цакая большими зубами, схватили тело и голову женщины. Они вновь скрылись во множестве деревьев, растущих на большом пространстве с сомкнутыми кронами.

Инопланетянка по-дикому заголосила. Карлик подошел к нагой женщине, полуобнял ее и шепнул ей на ушко:

— А тебя, я оставляю на расплод... И только тебя...

Затем он ехидно улыбнулся и на полном серьезе добавил:

— И тебя убью, если будешь нарушать мои законы или прелюбодействовать...

Астахова от очень сильного испуга проснулась и приложила руку ко лбу. Он был страшно горячий. От крупных капель пота ее рука стала влажной, словно после проливного дождя.

Затем она включила ночной торшер, посмотрела на будильник. Часы со звонком показывали полночь. Она повернулась на бок и стала считать про себя. Это она делала постоянно, когда долго не могла заснуть. И на этот раз сон не шел. Причиной этому были ее тяжелые мысли, которые, как ей казалось, пришли только что из неземного мира.

Сонное видение привело ее к неординарным умозаключениям. В том, что гном придумал специфический эшафот для грешников, которых насчитывалось более 7 миллиардов, она нисколько не сомневалась. Не сомневалась и в том, что они были землянами. Как и не отрицала того, что суд маленького гнома в какой-то мере был и правильным.

Люди, несмотря на научно-технический прогресс, все больше и больше деградировали. В обществе господствовал волчий закон: « Ты умри сегодня, а я — завтра». Происходила гипертрофированная индивидуализация человека. Только мне, только себе и еще раз только для меня — таков был жизненный принцип большинства людей. Ради собственного выживания, удовлетворения своих шкурных интересов они делали все возможное и невозможное, чтобы напакостить друг другу или даже убить своего собрата. В первую очередь, того, кто был слабым или нищим.

Жизнь большинства людей стала заложницей интересов кучки политиков и негодяев, стоявших на вершине власти. Человеконенавистническая идеология, навязываемая ими, порождала алчность, эгоизм, подлость. В итоге гибла цивилизация, разрушалась природа, росла гонка вооружений, появлялись потоки беженцев.

В погоне за материальным обогащением человек забывал о главных вещах, которые, ему извечно принадлежали — любовь, забота о ближнем и милосердие.

Астахова тяжело вздохнула. Невероятно страшный сон все больше и больше будоражил ее душу, не только душу, но и вытягивал из ее головы подспудные мысли, к которым она раньше никогда не прикасалась. О своих близких, не говоря уже о проблемах общества, она по-настоящему никогда и не думала. Ей казалось, что все происходящее вокруг нее, было и должно быть всегда — вчера, сегодня или завтра. Одни работали, другие учились. Кто-то появлялся на этот свет, кто-то уходил в иной мир. О законах общественного развития, как и о законах природы, Олеся мало-что знала. Особенно в детстве и в отрочестве. Высокие материи она

стала познавать несколько позже, когда поступила на философский факультет университета. Поступила, наперекор, своему любимому деду.

Астахов категорически был против изучения внучкой науки о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. По его словам, время болтовни на просторах большой страны, как и во всем мире, закончилось. Он предлагал ей искать те профессии, которые были ближе к земле, к производству. Благодаря своим мозгам и рукам она могла создать свое дело, что, в лучшем случае, позволяло ей неплохо зарабатывать. В худшем — не умереть с голоду.

Во время неоднократных бесед с подростком наставник все-таки сдался. Причиной этому были неплохие знания девушки о философах и поэтах прошлого века, а также ее желание основательно изучить немецкий язык. К тем, кто знал иностранные языки, Астахов относился очень трепетно. Считал это большим достижением людей, особенно молодых...

После двух лет учебы внучка поняла, что ее любимый дедушка оказался прав. Все больше и больше молодых людей сидело за компьютерами или овладевало современными профессиями. Студентка Астахова же жила и училась по старинке. Изучала древних философов и их трактаты. Самостоятельно анализировать нынешние «мудрые» течения или делать какие-либо выводы из жизни, она была не в силах. Подобное не могли сделать и ее учителя с научными степенями и званиями. Все и вся находилось под прессом новых политических сил или политиков-однодневок. Своими разочарованиями в профессии, как и в жизни, умная девушка с дедом не делилась. Она страшно боялась ему навредить, особенно в последнее время, когда он и сам имел проблем по горло...

Девушка, страдающая бессоницей, сделала передышку в своих размышлениях. Он неспеша встала с постели и очень осторожно открыла дверь. Затем слегка улыбнулась. Из соседней комнаты раздавался громкий храп, Васильев спал. Вошла на кухню. Сделала крепкое кофе. Напиток из молотых зерн кофейного дерева, едва она очутилась на немецкой земле, все больше и больше ей нравился. Через некоторое время Олеся оказалась в постели. Сделала пару глотков полугорячей жидкости и вновь окунулась в мир своих мыслей. На этот раз она думала о сущности человека. Почему высокоорганизованное существо с одной стороны созидатель и творец, с другой – насильник и волк? С чего это началось? Скорее всего, с противостояния с природой. Человек изначально был совершенным... Карлик из неизвестной планеты был куда умнее и мудрее, чем земляне. Астахова не была сторонницей поголовного уничтожения своих собратьев и создания человеческого чуда-эмбриона, не имевшего изъянов.

Живое существо, обладающее даром мышления и речи, не было бы человеком, ежели бы оно не имело уйму недостатков, ради уничтожения которых оно и жило. При этой заумной мысли Астахова невольно улыбнулась. Парадоск!? Однако есть и определенные критерии или границы по недопущению дальнейшей деградации человека, в целом общества. Без этого люди все больше и больше «пожирали» себе подобных.

Будильник показывал четыре часа ночи, когда Астахова выключила свет и натянула на себя одеяло. Затем сделала глубокий выдох. Бессонная ночь была для нее на редкость удачной. Она пришла к однозначному выводу.

Все негативное исходило из лона власти, верхушки. Недаром в народе говорили, что рыба гниет с головы. Власть была и оставалась очагом разврата и насилия, источником деградации и лжи. Имущие не заинтересованы в создании истинной цивилизации. Умные люди им не нужны, они их просто-напросто изгоняют. Только по этой причине невозможно создать «правильного» человека...

Астахова проснулась к полудню. Проснулась не сама. Васильев постучал в дверь ее комнаты и пригласил на обед. Он уже накрыл стол и ждал свою гостью. Едва она присела, тотчас поняла то, что у Васильева что-то случилось. Его лицо было изможденным, на высоком лбу появилось около дюжины морщин, которых раньше она не замечала. Девушка внимательно посмотрела на мужчину и с некоторым придыханием спросила:

— Иван Петрович, что-то у Вас случилось? Или Вы заболели?

Васильев слегка покачал головой и еле слышно прошептал себе под нос:

— Да, Олеся, пришла беда, причем очень большая...

Затем он тяжело вздохнул, вышел из-за стола и подошел к окну. Отодвинул занавеску, и помахав рукой солнцу, несколько по-философски заметил:

— Хорошо то, что на земле есть это вечное светило. Оно нам дает тепло и также еще надежду...

Астахова слегка поерзала на стуле и затаила дыхание. Она нисколько не сомневалась, что ее очередной вопрос, не говоря уже о диком женском возгласе или вопле, приведет к нервному срыву у пожилого человека. Только по этой причине она молчала. И ждала дальнейшего развития событий.

Васильев сильно сжал кулаки и затем сквозь зубы процедил:

— Сегодня еду в Стендаль... Мой знакомый Виктор умер...

Через пару часов Иван Васильев был на главном автовокзале г. Штутгарта, расположенном неподалеку от аэропорта. Сидя в комфортабельном автобусе, пожилой мужчина то и дело предавался воспоминаниям об умершем. С семьей Нойман он познакомился в переселенческом лагере Брамше. Немцев из Омска распределили в бывшую социалистическую Германию, Васильевым повезло – их на запад страны. Виктор и его жена Екатерина были до слез разочарованы решением властей. Они прекрасно знали о том, что на востоке была высокая безработица. Мало того. Потоки немцев с востока двигались на запад, «оси» надеялись получить работу и лучший кусок хлеба.

Две недели ожидания для переселенцев из России не прошли даром. Почти одного возраста люди буквально через час нашли общий язык. Преуспевали в

этом плане мужчины. Они оба были высокого роста и крепкого телосложения. Даже их физиономии были во многом схожие. Их лица были строгими, несколько суровыми. Одновременно своими правильными чертами лица они вызывали симпатии у тех, с кем общались.

Много общего было у мужчин и в их недалеком прошлом. Нойман, как и Васильев, был офицером Советской Армии. Служил в Группе советских войск в Германии. Сначала был командиром взвода, затем роты в батальоне связи 207-ой мотострелковой Померанской Краснознаменной ордена Суворова дивизии. Она дислоцировалась в немецком городе Стендаль. Он довольно много рассказывал своему новому знакомому о социалистической Германии, которая ему безбожно нравилась. Затем его направили служить в Беларусь. Через год он во время отпуска попал в автомобильную катастрофу. Неудачник пару месяцев провалялся на больничной койке, затем его списали на гражданку. Много лет работал военруком в школе. После падения железного занавеса его семья подалась на историческую родине своих предков.

Нойман, как и Васильев, в объединенной Германии с неба больших звезд не хватало. Бывший связист сначала работал подсобным рабочим на стройке. В последнее время развозил почту, что делал с большим удовольствием. Небольшой городишко он знал очень хорошо, как свои пять пальцев. В его памяти он оставался все еще городом его молодости. После ухода советских войск кое-что из тех зданий, где были казармы, разрушили. Одновременно многое реставрировали или новое построили. Стендаль за очень короткое время приобрел второе дыхание и мало чем уступал своим внешним обликом современным городам Европы. Нойманы, несмотря на трудности, особенно в первоначальный период, всему происходящему радовались. Они оба работали. Радовались они и успехам своих родных и близких. Их единственная дочь Татьяна, как и ее муж Иван, недавние выпускники Омского политехнического института, также трудоустроились. Они нашли работу в Берлине. Дед и бабушка были без ума и от внучки Натали, она заканчивала гимназию... О жизни знакомых людей Васильев узнавал во время телефонных звонков, которыми переселенцы удосуживали друг друга во время праздников или свободного времени, которого у них часто и не хватало.

Васильев приехал в Стендаль поздно вечером. Сумерки своим темным одеялом уже основательно укрыли землю от лучей света. Квартиру друзей он нашел сразу, она находилась неподалеку от железнодорожного вокзала. Он несколько дрожавшими от волнения руками нажал кнопку звонка и услышал знакомый женский голос. Неспеша поднялся на второй этаж и вошел в квартиру, дверь которой была настежь открыта. Васильев вошел в просторный коридор и увидел перед собой сгорбленную седую женщину. Ее лицо было заплаканным. Ее руки сильно дрожали, словно у паралитика. Седовласый мужчина решительно двинулся навстречу женщине и крепко ее обнял. При этом невольно подумал:

— После Брамше прошло пятнадцать лет и за это время мы так сильно состарились... Наши годы не остановишь, не остановишь и беды...

В эту ночь в квартире Нойманов свет в гостиной комнате горел до самого утра. Все то, что рассказала ее хозяйка, Васильева страшно потрясло.

Старики Нойманы души не чаяли о своей единственной внучке Натали. Чем взрослее она становилась, тем радостнее бились их сердца. На их глазах девочка менялась в лучшую сторону. Она становилась высокой и стройной. В классе ее называли моделью. И ни только из-за этого ее любили родные и знакомые. Она имела также незаурядные способности. Из второго класса, благодаря ее математическим наклонностям, девочку перевели сначала в третий, а еще через полгода в четвертый класс. Весомая заслуга в этом была ее родителей. «Политехи» делали все возможное для своего единственного чада, чтобы оно уверенно шло к вершинам научно-технического прогресса. И это еще не все. Натали изучала в школе немецкий, английский и испанский языки. В свободное время грызла китайский. Мало того. Она занималась и спортом. Кроме гимнастики и плавания играла в хоккей с шайбой. Играла на зависть молодым ребятам.

На рождественский базар в Берлине десятиклассница и ее родители собирались уже давно. Хотели не только поглазеть на изобилие всевозможных сувениров или сладостей, но и отдохнуть. Не получилось. Родители в этот день, как обычно, задержались на работе. Дочь отправилась одна. И больше не вернулась. Она попала под колеса мощного автомобиля, водителем которого был беженец...

Супруги Нойманы почти до самого вчера были спокойны. Дочь позвонила им и сказала, что она через пару часов будет дома. Шло время, Натали все не было и не было. На звонки она также не отвечала. Несколько позже к Нойманам пришла семейная трагедия. Никто из них не перенес это несчастье: ни родители единственной дочери, ни дедушка, ни бабушка единственной внучки. Смерть самого близкого человека в один миг разъединила некогда дружную семью.

После похорон дочери младшие Нойманы подали на развод. Они стали припоминать друг другу все то, что было и не было. Иван с самого начала не хотел ехать в Германию. В Омске ему предлагали хорошую работу и трехкомнатную квартиру в центре города. Здесь же в Германии, куда так сильно рвалась Татьяна, он работал не по специальности. Сортировал с женой письма и бандероли на главном почтамте Берлина. Через месяц Иван собрал небольшой чемодан и уехал в Омск. До сих пор от него не было ни весточки. На звонки близких людей он также не отвечал.

Постоянные разборки и стрессы, как в семье, так и на работе, подорвали нервную систему Татьяны, еще молодой женщины. Она все больше и больше болела. В итоге за неделю до приезда Васильева она была вынуждена уволиться.

Тяжело переживали смерть Натали и старшие Нойманы. Особенно сильно себя казнил Виктор, который за два дня до трагедии приглашал внучку к себе в гости. Приглашал, но не добился своего. Возможно, этого несчастья и не было.

Смерть внучки основательно подорвала здоровье физически крепкого мужчины. Он все больше и больше отлеживался в постели. Довольно часто прихватывал и

день, хотя раньше в это время суток он всегда был живой и энергичный. О ком или о чем думал пожилой мужчина, никому было неизвестно. Не знала об этом и его жена.

Екатерина также резко изменилась. От некогда жизнерадостной особы не осталось и следа. Ее волосы за каких-то пару дней стали страшно седыми, словно их кто-то выкрасил.

Умер Виктор Нойман через полгода после смерти своей внучки. Умер ночью, без всяких мучений. Остановилось сердце, остановилось навсегда...

Васильев ехал домой очень долго, с тремя пересадками. Ехал и все думал. Мысли были очень мучительно-неприятными. Если бы не беженец-преступник, который путем обмана и подлога в Германии получал около дюжины пособий, без всякого сомнения, не было бы трагедии, унесшей жизнь многих людей. Среди них оказалась и Натали, внучка друга Васильева.

Миллионы жителей Германии, в числе оных был и Васильев, нисколько не сомневались, что кризис с беженцами был искусственно создан безмозглыми политиками. Их девиз « Wir schaffen das » — « Мы это сделаем » привел ни только страну, но и всю Европу к катастрофе. Толчком к этому послужило обещание немецких властей, что беженцы будут получать социальное обеспечение, наравне с немцами. Толпы людей со всего мира, 95 процентов которых приехали или пришли по экономическим причинам, значительно подорвали экономику ФРГ. Только в 2016 году кризис обошелся немецким налогоплательщикам в 22 млрд. евро.

При этой мысли Васильев тяжело вздохнул. Вспомнил заметку из немецкой газеты об одном беженце из Сирии. Он приехал с четырьмя женами и 22 детьми. Власти попали впросак. Многоженство в Германии запрещено. После долгих раздумий чиновники пришли к далеко неординарному решению. Мужчине оставили одну жену, остальных распределили неподалеку. Беженцу 43 лет было не до работы. Он курсировал по округе, делал визиты для своих жен и детей.

Несколько позже Васильев узнал, что исключение стало правилом. Приезд многоженцев стал обычным явлением в жизни немецкого общества.

Пожилой мужчина с небольшой плешинкой на макушке головы на некоторое время отвлекся от своих размышлений. Затем невольно выдавил из себя кислую улыбку. Вспомнил очередной эпизод, связанный с беженцами. Они, которых, как он считал, было около трех миллионов человек, сильно обстригли криминогенную обстановку в стране. Многие из них организовывали банды, группировки. Васильев был в шоке, когда из газет узнал о дерзком налете беженцев из Африки на один из ювелирных магазинов в Берлине. Отец со своими сыновьями среди белого дня при помощи лома и топора взломали витрины и унесли с собой драгоценности стоимостью 890 тысяч евро. « Операция » длилась 79 секунд!

Появление нелегалов все больше и больше расшатывало нервную систему переселенца из России. Он не был националистом, но он был против засилья иностранцев. Особенно тех, кто приехал за жирным куском мяса, при этом не горел желанием работать.

Для «святых» делалось все необходимое для их процветания. Преимущество им было и на рынке труда. Многие коренные немцы оставались не у дел, были вынуждены покидали рабочие места. На их место приходили беженцы, имевшие маломальскую квалификацию или вообще без каких-либо знаний или навыков.

Васильев страшно злился, когда средства массовой информации пели дифирамбы об успешном трудоустройстве пришлых. Среди же немцев были миллионы безработных. Он не понаслышке, а на своей собственной шкуре видел и чувствовал причуды и ложь политиков. Крепкий мужчина был не против поработать еще пару лет после пенсии, но его просто-напросто выгнали. Вместо него взяли двух афганцев. Они ни только не могли общаться по-немецки, но и не имели малейшего понятия в технике. Небольшой трактор, который Васильев знал, как свои пять пальцев, они не могли завести. Мастер своего дела на этот раз не проявил чувства интернационализма или взаимопомощи. Да и зачем? Благодаря пришлым он остался без работы. Он знал и о том, что афганцам подписали договор о приеме на работу на два года...

Васильев невольно усмехнулся. Один его знакомый, коренной немец Клаус Вебер за год до пенсии остался без работы. Строительная фирма обанкротилась. Мужчина получал пособие по безработице. Через месяц его вызвали на биржу труда и предложили искать работу. Каменщик написал около дюжины заявлений и везде получал отказы. Мужчина пару дней собирал окурки по городу...

Васильев очень болезненно переносил вынужденное ничегонеделание. Угнетала его и нищета. Он едва сводил концы с концами. Он был вынужден обратиться за помощью в Deutsche Tafel, сеть пунктов бесплатной раздачи продуктов питания. На самом деле они никогда бесплатными не были, но их продавали за чисто символические цены. За «поношенными» продуктами питания пенсионер ходил без всякого желания, с болью в сердце. Ежегодно в стране выбрасывалось на помойку 18 миллионов тонн продовольствия, вполне пригодного к употреблению. Ему было не только стыдно и противно их получать, но и стоять среди разноцветной толпы, среди которых преобладали турки, имевшие большие семьи. Кое-где мелькали и земляки Васильева.

Тафель, как система поддержки малоимущих, которых в ФРГ насчитывалось около 2 миллионов человек, Васильев презирал. Западная модель заботы имущих о благополучии нищих была ничто иное как фетиш, издевательство над людьми.

Пассажир, погруженный в глубокие раздумья, несколько приподнялся с сиденья и с верхней полки достал свою кожаную сумку. При этом улыбнулся и слегка несколько раз провел рукой по небольшому вместительному мешочку из кожи. Он купил сумку буквально через пару дней на барахолке, как только оказался в Штутгарте. Она нравилась не только жене, но маленькому внуку Владимиру. Где «черный

чемоданчик» только не бывал?! Васильев брал его на работу, ездил с ним в отпуск, будь это Европа или Россия. Сумку, в которой было все необходимое для дороги, мужчина всегда носил через левое плечо.

Васильев неспеша расстегнул замок и вытащил бутылку с минеральной водой. Сделал несколько глотков, затем положил сумку на место. Через некоторое время он опять погрузился в размышления. Вновь стал думать о проблеме беженцев, которая уже была для многих как притча во языцех. О нелегалах ни только писали в газетах или говорили по радио и на телевидении, но и сочиняли всевозможные анекдоты. О них говорили все и вся, включая политиков, экономистов и военных. О них говорили и дети дошкольного возраста.

Мужчину, имевшего пятьдесят лет трудового стажа, бесило то, что беженцы с подачи политиков Европейского союза все больше и больше заявляли о себе и о своих правах на землях, которые им никогда не принадлежали.

Мало того. Уличная шпана, прибывшая, как правило, из слаборазвитых стран, на старый континент в один миг разбила его цивилизацию. Напрочь были отброшены завоевания народов, его населявших. Собственный путь развития прошла и Германия. Она имела свои национальные, культурные и религиозные особенности, которые шлифовались на протяжении столетий. В том, что страна занимала ведущие позиции в мире, имела высокий уровень жизни, была, в первую очередь, заслуга коренных немцев, аборигенов. Определенную лепту в ее процветание внес и Васильев.

Туземцы же, большинство которых, пришло в Европу нелегально, с ведома безответственных политиков совершили поистине уникальный межпланетный прыжок из средневековья или феодализма в современную цивилизацию. И это они сделали молниеносно, без войн и насилия, без привлечения мировых светил. И это они делали беспардонно, нагло, не считаясь с мнением коренных народов. Невиданный феномен в истории человечества. Отправной точкой этому послужил 2015 год.

Васильев довольно часто недоумевал, почему спешному строительству Европейского халифата не противостояли простые люди, коренные жители. Их молчание, равнодушие, безропотность привели к тому, что искусственно созданная проблема приобрела не только угрожающие размеры, но и создала новый доселе невиданный виток коррупции. В него были втянуты политические и общественные организации, судебные и правоохранительные органы, большие и малые чиновники. В омут нечистоплотных дел попали переводчики, социальные работники. Кое-кто из беженцев за взятку получал бумаги, дающую ему право на проживание в той или иной стране.

Чем больше пожилой мужчина думал, тем сильнее сжималось его сердце. Иногда перехватывало и дыхание. Неординарные выводы, исходящие из головы, в прямом смысле его убивали. Стремление европейских политиков за счет беженцев добиться увеличения численности населения, что на деле означало получение бесплатной рабочей силы, он считал бредовой идеей. Прирастать или

уменьшаться — прерогатива членов общества, а не власти. Уменьшение численности населения, особенно для высокоразвитых стран, Васильев считал вполне закономерным явлением, притом положительным. Только само общество способно регулировать деторождение, как и выпуск тех или иных продуктов, так и их потребление. Подобное возможно лишь на базе общенародной собственности на средства производства. Целые столетия человечество находилось в цейтноте — миллионы людей работали для обогащения кучки нуворишей. Ради них уничтожалась природа, велись войны. Парадокс состоял еще и в том, что по указке имущих появлялись все новые и новые поколения подневольных рабов...

Очередная мысль вызвала у Васильева улыбку. Чем выше был научно-технический прогресс, тем больше деградировало общество. Люди вырождались не только, как социальная особь или существо, но и физически себя уничтожали. Постоянная гонка за наживой превращала индивидуума в марионетку, в каждом себе подобном он искал и видел врага. Подобная «заморочка» существовала лишь в человеческом обществе. По своей сути люди были и оставались рабами, что богатые, что нищие. Первые — рабы денег, вторые — рабы судьбы. Только их смерть лишала «привилегий»...

В городе Лейпциге, в одном из крупных городов немецкой земли Саксония автобус сделал длительную остановку. Ждали двух пассажиров. Кто они были и почему они опаздывали Васильеву, как и ему подобным, было по одному месту.

Безразличие или равнодушие к опаздывающим закончилось, когда время стоянки зашкалило за тридцать минут. Кое-кто из нетерпеливых стал надоедать водителям расспросами о возможном опоздании на пункты прибытия. Они в отличие от пассажиров реагировали на задержку в пути совершенно спокойно. Их было двое, какой они были национальности нельзя было определить. В том, что они не были коренными немцами, Васильев нисколько не сомневался. Темнокожий мужчина с большими залысинами на продолговатой голове на непонятно каком диалекте довольно долго объяснял причину задержки седовласой старушке. Удалось ли водителю или немке понять друг друга, Васильев не брался утверждать. Скорее всего, не удалось. Старушка с недовольной физиономией покинула кабину, и подняв руки кверху, стала исступленно что-то бормотать себе под нос. Занервничал и Васильев. Ему не хотелось приезжать домой поздно ночью и нанимать такси из-за нерадивой парочки. Только по этой причине он то и дело смотрел по сторонам в надежде отыскать виновников. Он неслыханно обрадовался, когда через окно увидел группу чернокожих молодых людей, выходящих из здания автозала. В том, что это были их пассажиры, он нисколько не сомневался.

«Упаковка» молодой парочки из непонятно какого континента продолжалась минут тридцать, не меньше. Водители сначала встретили в штыки бумажку, которую им всучила молодая ярко накрашенная особа. Они то и дело махали руками перед мамашей, возле которой бегали трое малышей. Неподалеку от нее стоял ее муж, внешним видом он чем-то напоминал великана.

Васильев, сидевший неподалеку от водителей, бросил взгляд в сторону громко кричавших людей. И тут же пришел к однозначному выводу. Они не понимали друг друга. Пожилой водитель, маломальски знавший немецкий, не понимал того, что объясняла ему негритянка. Пассажиры с облегчением вздохнули, когда после звонка по мобильному телефону водитель дежурно улыбнулся и рукой пригласил опоздавших занять свои места.

Однако на этом еще все не закончилось. Предстояло загрузить двухместную детскую коляску. Багажное отделение было основательно забито. Кое-кто из пассажиров не выдержал, вышел прогуляться. Не только подышать свежим воздухом, но и, на всякий случай, присмотреть за своими вещами. В конце концов место для коляски нашли. Ради этого водители передвинули или перекидали баулы остальных пассажиров.

Через пару минут, для тех, кто находился неподалеку от вновь прибывших, начался кошмар. И первым в его омут попал Васильев. Он почти три часа сидел один на двухместном сиденье и более свободно себя чувствовал. Небольшой «трон» позволял ему ни только передвигаться, но и облакачиваться. Не пренебрегал он и возможностью смотреть в окно. Все это скрадывало время в пути, которое было довольно длительным.

На свободное место плюхнулся мужчина, он был высокого роста и очень толстый. Васильев относил себя к высоким существам, но не к толстым. У него все соответствовало нормам, что установило на протяжении своего существования человеческое общество. Рост 185 сантиметров, вес около девяносто килограммов. У чернокожего соседа, как считал Васильев, он зашкаливал за сто двадцать, а то и больше. «Тяжеловоз» в принципе не мешал пожилому мужчине, сидевшему у окна. Его возмущало совсем другое. Господин Бобо или Бако, живший в Германии, а может даже и беженец, покинувший черный континент из-за разгула реакции или вооруженных банд, вел себя с первой же минуты далеко неординарно.

Бескультурье соседа Васильева с каждой минутой раздражало. Как только это существо опустило свой толстый зад на сиденье, оно начало его примерять. Прошло довольно много времени, пока его зад нашел правильную точку соприкосновения с полумягким сиденьем и спинкой кресла. Больше всех при этом досталось женщине, сидевшей позади толстяка. Он то и дело спинку опускал или поднимал. При этом ни разу не извинился перед своими соседями. Коренная немка, очень пожилая женщина с седыми волосами и с сильно изможденным лицом, не успевала убирать свои ноги из-под сиденья, которое находилось прямо перед ее носом. Васильев то и дело косился на источник необычной напряженности и на ту, которая безропотно переносила выкрутасы молодого негра.

Толстяк все это делал очень спокойно и очень медленно. Приспособить себя к поездке было для него, без всякого сомнения, наиглавнейшей задачей. Удобно

или неудобно было соседу справа, спереди или сзади для него было по одному месту.

Васильев с облегчением вздохнул, когда сосед успокоился. На всякий случай он оглянулся назад. Бабушка сидела смиренно, ее глаза были слегка закрыты. Молодая девушка у окна, скорее всего, она приходилась ей внучкой или даже правнучкой, не издавала ни звука.

Васильев улыбнулся и прильнул к окну. Через некоторое время закрыл глаза. Призадумался. За всю жизнь ему довольно много приходилось быть в пути. Будь это поезд или самолет, легковая машина или автобус. В молодости он все эти виды транспорта, которые доставляли его тело из одного пункта в другой, переносил очень легко. И сейчас, когда его часы жизни показывали семьдесят без нескольких минут, он чувствовал себя совсем неплохо. Хотя кое-кто и изменил в своих привычках, приоритетах. За последние двадцать лет он вообще не «прикасался» к самолетам. Ни к российским, которые, по его мнению были устаревшими, ни к первоклассным немецким. Он просто-напросто их боялся. Причиной этому была смерть его друга детства. Молодые люди после окончания средней школы много лет переписывались. Инженер Виктор Сизов, он же балагур и бард все время рвался в гости к своему корешу. Жаждал встречи и Васильев. Но, увы не получалось. У военного была служба, у гражданского командировки, к тому же была и большая семья. Только после ухода на пенсию у друзей появилось свободное время. Васильев в это время жил в Германии и по настоятельной просьбе своей жены сделал другу вызов. Встретиться им было не суждено. Сизов вылетел из Владивостока в Москву на самолете, во время полета он умер. Отказало сердце, не выдержало нагрузки. О несчастье Васильевы узнали только через неделю. После этого какие-либо контакты с Сизовыми прекратились. Виной этому были родственники умершего. Больше всех возненавидела Ивана Васильева Зоя, вдова. Через месяц после смерти мужа она написала ему письмо, в котором были одни оскорбления и проклятия. После этого житель Германии возненавидел самолеты...

Неожиданно кто-то сильно чихнул. Васильев открыл глаза и бросил взор на источник звука. И слегка стиснул зубы. Его сосед с большим усердием ерзал кулаком перед своим носом. Васильев брезгливо осклабился и тут же отвернулся к окну. Хотел ни только не видеть бескультурья, но и немного успокоиться. Не удалось. Негр достал из кармана нечто наподобие носового платка или полотенца и с огромным наслаждением стал сморкаться. Нос, орган обоняния у него был большой и одновременно плоский. Процедура по его очищению затягивалась. Кое-кто из пассажиров не выдерживал, одни крутили головой по сторонам, другие с презрением смотрели на необычного пассажира.

Васильев сначала деяние соседа переносил совершенно спокойно. Оглушительное выбивание соплей из наружных носовых отверстий для большинства населения представляло собой вполне приличное занятие, оно было даже несколько торжественным. Подобное с усердием делали ни только высокопоставленные политики или чиновники, но и простые немцы. Делали это и

миллионы иностранцев, включая старожилов, и тех, кто только что вступил на немецкую землю.

Жители бывшего Советского Союза и стран бывшего восточного блока такой ритуал осваивали не столь успешно. Кое-кто для подобной процедуры использовал носовые платки. И Васильев до сих пор с этим делом еще окончательно не определился. Был ни рыба, ни мясо. Не определился он и в борьбе с микробами во время чихания. Немцы, как правило, к носу подставляли локоть или запястье. Он же делал по старинке, то есть так, как это было в бывшем Союзе. Если по каким-то причинам не успевал зажать орган обоняния, то подставлял ладонь. Затем доставал носовой платок и тщательно им вытирал внутреннюю сторону кисти руки. Салфетки он мало использовал, хотя они всегда у него были в сумке или в заднем кармане брюк.

Длительная процедура соседа по очистке носа в конце концов вывела из терпения и Васильева. Он тяжело вздохнул, слегка откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Настроился на олимпийское спокойствие, словно спортсмен, идущий на установление мирового рекорда. Все и вся, что происходило в автобусе для него не существовало. Он не реагировал ни на надрывной, порою громовой голос соседа, который тараторил по мобильному телефону. Не докучали ему и его дети, которые, словно заводные, бегали по салону и тискали то пассажиров, то водителей. На проказы негрятят никто не реагировал. Многонациональный коллектив, который в силу жизненных обстоятельств образовался в многоместном автомобиле, как и Васильев, сохранял олимпийское спокойствие.

Во время посадки Васильев заметил, что бледнолицых в салоне было раз-два и обчелся. Преобладали в основном темнокожие, были и азиаты. При этой мысли мужчина улыбнулся, затем тяжело вздохнул.

В бывшей Советском Союзе для миллионов его жителей, да и для всей планеты было ясно. В мире существовали три расы: европеоидная, монголоидная и негроидная. Все прекрасно знали, что раса есть исторически сложившаяся группа человечества, объединенная общностью наследственных физических признаков, обусловленных общностью происхождения и первоначального расселения. Никто из строителей коммунизма не кичился своей расой, тем или иным физическим превосходством. Если кто-то и делал это, то их было единицы.

Здесь же, все то, что происходило на немецкой земле, Васильев не всегда понимал. По указке политиков слово «негр» вообще употреблять запрещали. Мало того. При переиздании книг было рекомендовано вообще это слово не использовать. Мужчина, имевший признаки европеоидной расы, невольно улыбнулся. Его мозг несколько раз пытался найти научное слово для оценки создавшейся ситуации и выдать его на-гора. Не получалось. Умничать дальше немолодому пассажиру не пришлось.

Водитель резко притормозил и автобус остановился. Васильев, как и многие из сидевших в салоне, невольно бросил взгляд через окно. Какого-либо вокзала или

полустанка не было. Он лишь одно заметил. На развилке дорог стоял черного цвета «Мерседес», неподалеку от него прогуливались два чернокожих молодых человека. Он повернул голову в сторону прохода и на его душе стало необычно легко. Сосед и его семейство неспеша покидали салон. Приятная неожиданность подняла жизненный тонус и других пассажиров. Они улыбались. Минут через десять автобус вновь двинулся.

Васильев опустился на кресло и неожиданно позади себя услышал сильное кряхтенье. Он обернулся и увидел сгорбленную соседку, которая то и дело ныряла под низко опущенную спинку кресла. Хотела поставить ее в нормальное положение. Мужчина поспешил на помощь. Он рукой слегка отстранил пожилую немку в сторону, наклонился и неспеша передвинул рычажок, расположенный сбоку сиденья. Спинка быстро встала в нейтральное положение. Седовласая путница от радости расцвела в обворожительной улыбке, оскалив около дюжины вставных зубов. Затем она пару раз по-немецки произнесла: «Данке». Васильев в ответ ничего не сказал. Он лишь улыбнулся и неспеша двинулся к своему сиденью. Очень короткий путь к месту приземления, к его удивлению, оказался без происшествий. Едва он приподнялся на несколько высокую площадку, как тут же одна из его двух нижних конечностей ощутила под собой что-то твердое. Он опустил голову вниз и увидел перед собою металлическую дозу из-под пива. На полу также валялись целлофановые пакеты из-под кукурузных хлопьев. Аналогичная картина была и на сиденьях напротив, где совсем недавно сидело семейство чернокожих. Васильев брезгливо пнул в сторону дозу и прыгнул на свое место. Затем прильнул к окну. Призадумался. Он всегда убирал свое рабочее место, не говоря уже о мусоре в общественном транспорте. Уважал он и людей, особенно преклонного возраста. Скорее всего, этому его научила армейская жизнь, нет, он просто-напросто был человеком...

На этот раз мысли пожилого мужчины были навеяны реальной действительностью, тем, что происходило вокруг него. Происходило каждый день, каждую ночь...

Европа, часть света, превратилась в континент мигрантов. Ее жители все больше и больше испытывали страх перед огромными полчищами туземцев. Испытывал чувство боязни и Васильев. И ни только за свою жизнь, но и за своего внука Владимира, который учился в Штутгарте. Дед очень радовался, что его внук во время учебы был очень прилежным и настойчивым. На дискотеки или другие увеселительные мероприятия ходил он очень редко. И свободное время, как правило, использовал для пополнения своего умственного багажа. Несмотря на это, дед и внук частенько посещали культурные центры города. Приобщались к его истории, к истории своей земли.

Пугало Васильева и уменьшение численности коренных немцев. Каких-либо перспектив по их увеличению он не видел. В земле Баден-Вюртемберг в 1961 году каждый 46-й житель был иностранцем, в 1973 году – каждый десятый. На дворе был 2018 год... Официальных данных Васильев не знал, но в том, что были бы для него убийственными, он нисколько не сомневался.

«Темнели» и общеобразовательные заведения земли. Васильев тяжело вздыхал, когда в школах отменяли празднование национальных или христианских праздников. И это происходило по довольно банальной причине — не было немцев.

Мало того. Многие родители боялись пускать своих детей в школу. Учебно-воспитательные учреждения нередко получали письменные и телефонные угрозы, что их взорвут. Полиция не успевала на это реагировать. Повседневная жизнь страны, особенно во время проведения каких-либо общественных мероприятий, как правило, не обходилась без усиленных нарядов полиции, без бетонных заслонов. Это делалось на случай внезапной вылазки террористов или экстремистов. С каждым днем немцы теряли свои демократические завоевания, лишались всего того, ради чего работало ни одно их поколение.

Многолетнее пребывание Васильева на немецкой земле все больше и больше приводило его к одной мысли. «Интернационализм», «любовь» к беженцам и проявление других высокопарных страстей основаны на страхе жителей, в первую очередь, коренных немцев перед властью. За слово «иностранец», что считалось в этой стране оскорблением, который произносил немец, его могли выгнать с работы или из учебного заведения, поставить на особый учет или посадить за решетку..

Незаметно для себя пожилой мужчина заснул. Сказалось ни только нервное потрясение, связанное со смертью знакомого человека, но и возраст. Васильев частенько прибегал к услугам интернета. Интересовался жизнью выпускников своего военного училища. Многих уже не было в живых. Одни погибли в Афганистане или Чечне, другие покинули мир в результате естественной смерти.

Проснулся Васильев перед въездом в Штутгарт. Выйти из состояния покоя помогла ему женщина, сидевшая позади. Она настойчиво била своей ручонкой по плечу мощного мужчины, который во время сна изредка часто что-то мямлил себе под нос. Едва автобус остановился, Васильев помахал рукой своей соседке и сразу же его покинул. Каких-либо баулов у него не было. Он накинул ремень своей сумки на плечо и ускоренным шагом пошел в сторону аэропорта, к станции метрополитена.

Олеся Астахова за время отсутствия своего наставника решила сделать вылазку в город. Из дома она вышла только к обеду. До этого лежала в постели и ни ком и ни о чем не думала. Лежала просто так, нежилась.

У женщины, вышедшей из подъезда дома, волосы были слегка растрепанные, на ногах были поношенные тапочки. Спортивные брюки были ей явно не по размеру. Одежду она взяла у Васильева напрокат. Нашла ее в шифоньере. В отличие от предыдущих визитов блондинка на этот раз избрала свободный стиль одежды. Одеваться так, как одевались «немки», после злопамятного ночного визита в Штутгарт, стало правилом для туристки из Украины.

Астахова слегка сгорбилась и неспеша двинулась в сторону остановки метро. Безразличие сидевших на скамейках павильона, к ее собственной персоне, Олеся обрадовало. Без сомнения, этому был бы рад и Васильев. Они были едины в одном — небрежно одетый человек менее привлекательный для зевак.

Девушка вошла в середину вагона и присела на сиденье с правой стороны по ходу поезда. Он всегда и везде старалась так делать. Считала это более безопасным, на случай какой-либо аварии или других непредвиденных обстоятельств. Затем она уставилась в окно. В отличие от большинства пассажиров, которые играли клавишами мобильных телефонов или читали газеты, у нее определенного занятия не было. Свой мобильник она оставила дома, купить свежую газету для нее было очень накладно. Газеты, не говоря уже о журналах, стоили очень дорого. Наслаждаться пробегающим городским ландшафтом Астаховой долго не пришлось. На следующей остановке вошла молодая африканка и села напротив.

Это была очень толстая женщина, черные волосы которой были сплетены в несколько десятков тонких косичек. Ее толстые губы были страшно намалеваны красной помадой. Олеся не стала впиваться глазами в физиономию пассажирки. Это было некультурно, и с другой стороны, она не хотела подвергать себя излишней опасности. Она не знала, что в голове чернокожей, которая тотчас же заявила о своем присутствии. Едва она приземлилась, как сразу же стала разговаривать на английском языке по мобильному телефону. Ее голос был настолько громкий и мощный, что пожилой немец, сидевший неподалеку, не то от испуга, не то от беспардонного поведения иностранки, ретировался прочь. Вскоре не выдержала и Астахова. Она еле слышно что-то фыркнула себе под нос и тут же покинула зону повышенного звукового давления.

Астахова неспеша прошла один вагон, затем очутилась в другом, и увидев свободное место, присела. Затем окинула взглядом сидевших. Каких-либо подозрительных личностей не было. Она улыбнулась и вновь прильнула к окну.

Она с огромным удовольствием глазела на пробежавшие мимо нее строения. Не отрицала, что они были куда красивее и более привлекательными, чем отечественные, будь это на Украине или в Сибири. Радовало ее и обилие газонов, где благоухали цветы. Она невольно повернула голову в сторону и тут же потупила свой взгляд. У противоположного окна сидел пожилой темнокожий мужчина, и как ей казалось, «раздевал» ее глазами. Астахова, несмотря на свою молодость и научность, как правило, угадывала желания мужчин. Да и ни только она одна. При этой мысли она улыбнулась и невольно подумала: « Женщины из бывшего Союза, без всякого сомнения, были и остаются самыми красивыми».

Что-либо размышлять дальше красивой блондинке не пришлось. Электропоезд неожиданно резко затормозил. Около дюжины пассажиров, стоявших в проходе и перед выходом, тут же оказались на полу салона. Астахова, только что глазевшая через окно, в один миг оторвалась от сиденья и полетела всем своим телом вперед. И тут же в прямом смысле «боднула» головой сидевшую напротив

женщину, не то турчанку, не то арабку. Затем ее развернуло и она ударилась плечом в стенку сиденья...

Только минут через пять, Астахова, как и все другие пассажиры, окончательно пришли в себя. Предыстория поистине трагического путешествия была очень простой. Водитель «проморгал» красный свет светофора и резко ударил по тормозам. Некоторое время двери электропоезда не открывали ни только по причине безопасности, но и ожидали полицию. Вскоре приехали полицейская машина и две кареты скорой помощи. Прибывшие прошли по вагонам и осмотрели пассажиров. Выявляли пострадавших. Трех вынесли на носилках. Ими оказались две старушки и одна молодая девушка. Во время торможения она была без опоры.

Туристка из Украины каких-либо претензий не высказала, несмотря на то, что у нее сильно болело левое плечо и кружилась голова. К дорогам бывшего Союза она привыкла еще с детства, здесь же подобное для нее было настоящим шоком. Едва Астахова покинула вагон, как тут же бросилась к передней части электропоезда. За рычагами управления сидел темнокожий мужчина, на его голове был не то шарф, не то другая повязка...

Произошедшее в пути в корне изменило планы Олеси Астаховой. Ей желание посетить исторические или культурные места города в один миг рассеялось. Причиной этому была ни только боль в верхней части передней конечности, но и никудашнее настроение. Возвращаться домой и сидеть на балконе ей также не хотелось. Не ради этого она проделала большой путь от Днепра до Штутгарта. Искать в этот день женихов ей также не хотелось. Чем больше она об этом думала, тем меньше верила в эту авантюру. Найти молодого человека, который бы запал в ее душу и сердце, для нее сейчас казалось несбыточной мечтой. «Мечтать никому не запрещено...» — при этой философской мысли блондинка тяжело вздохнула и неспеша двинулась в неизвестном для себя направлении.

Молодая особа бродила по городу довольно долго. Бродила бесцельно, бродила просто так. Нередко останавливалась и внимательно разглядывала то или иное здание, тот или иной супермаркт. Не оставляла она без внимания и уличных музыкантов, когда слышала их музыку или пение. Ей казалось, что они приехали из всего мира, чтобы заработать какую-либо копейку. Возможно приезжали просто так, мир посмотреть и себя показать. Астахова, испытывая чувство усталости, нередко присаживалась на скамеечку и бросала ленивые взгляды на прохожих. Ее сердце невольно замирало от страха, когда среди многоликой толпы она видела двух, а то трехэтажные детские коляски, а также множество беременных женщин непонятной национальности.

Астахова приехала домой поздно вечером. Приняла душ и тут же легла в постель. Усталось и боль в плече давали о себе знать. Лишь после того, как боль немного ушла, она окунулась в размышления. Они были навеяны ни только днем сегодняшним, но и всем тем, что она раньше видела и читала о стране, о которой

ее дед Владимир был без ума. Только ради осуществления его мечты, да и также своей, она прилежно учила немецкий язык.

В этот вечер Астахова не лгала себе. Она все больше и больше испытывала симпатии к здешнему укладу жизни, его особенностям. Ей нравилась простота и скромность немецких чиновников. В отличие от российских они были не так напыщенные. Градоначальник или министр ходил пешком или ездил на велосипеде, или перекусывал в забегаловке, где питались простые смертные. Не слышала она и пронзительного воя сирен полицейских машин, которые сопровождали большого или маленького чиновника. Исключение составляли лишь машины скорой помощи или пожарные, которые спешили на помощь больным или для тушения пожара. Они, как правило, неслись до пункта назначения без всяких помех...

Была полночь, когда Васильев открыл дверь своей квартиры. Открыл ее очень осторожно, не хотел разбудить свою внучку. В своих предположениях он не ошибся. Олеся крепко спала, об этом свидетельствовал громкий храп, исходивший из небольшой спальни. Пожилой мужчина улыбнулся. Она также относилась к отряду храпунов. Он сам свой храп не замечал. Необычный феномен сильно раздражал жену Полину. Только по этой причине она стремилась, как это было возможно, заснуть первой. Если это не удавалось, то щелкала пальцем по носу супруга. Он без всяких напоминаний ложился на бок, что-то невнятно хрюкал и тут же засыпал. Спал он крепко. Желание хорошо поспать у него появилось после увольнения из армии. Для Васильева и для его сотоварищей по службе, спокойный сон, как наступающее через определенные промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха, был редкостью. Причиной этой были наряды, учения или стрельбы. Нарушали его и безмозглые начальники с большими звездами. Делали они это ни только по долгу службы, делали просто так, для куража.

Васильев очень тихо вошел в свою комнату, разделся и лег в постель. Сразу же погрузился в сон. Сказалось двухдневное нервное и физическое напряжение.

Храпуны проснулись почти одновременно. Небольшое помещение было залито ярким солнечным светом, когда Астахова открыла свои глаза. Она слегка потянулась и неспеша пошла в ванную комнату. Приняла душ, затем привела себя в порядок. Едва оказалась в коридоре, приостановилась, напрягла слух. Она обрадовалась, когда на балконе услышала шорохи. Приезд наставника после ее вчерашней вылазки в город, которая была опять неудачной, оживил блондинку.

Обитатели квартиры встретились за обеденным столом. Они некоторое время молчали, лишь поглядывали друг на друга. Пожилой мужчина все еще не отошел от смерти своего знакомого, молодая девушка находилась под впечатлением очередного неудачного визита в город.

Им было не до разговоров и по другой причине. Они оба были страшно голодные. Лишь после того, как они расправились с овощными салатами, они приступили к общению. Первой нарушила молчание Олеся. Она все это время косила глаза на

своего наставника и слегка вздыхала. За время вынужденной разлуки он несколько состарился. Две морщины, разделявшие переносицу, как ей казалось, стали еще глубже. Давали о себе знать и руки. Они слегка дрожжали, когда он подносил вилку ко рту. Олеся не стала расспрашивать его о том, что произошло в Стендале. Она выдавила из себя улыбку, и отложив тарелку в сторону, произнесла:

— Иван Петрович! Сегодня у нас идет борьба с голодомором... Мне сейчас кажется, что я целую вечность не кушала...

Несколько странное высказывание девушки рассмешило Васильева. Он улыбнулся, затем подошел к холодильнику, и открыв его дверцу, с улыбкой ответил:

— Откровенно говоря, поголодать мне пару суток и не помешало бы...

Слегка погладив несколько выпуклый живот, он продолжил:

— В отличие от многих мужчин, особенно моего возраста, я еще не беременный. Сначала этому мне мешала военная служба, затем спартанский образ жизни...

Что на деле означал спартанский образ жизни, мужчина не стал рассказывать. Он вытащил из холодильника пару бутербродов и положил их на стол. Затем приготовил кофе. Астахова с улыбкой наблюдала за своим наставником, он все больше и больше напоминал ей деда Владимира.

После обеда они вышли на балкон и уселись в кресла. Стали делиться новостями. Информацию внучки Васильев воспринял совершенно спокойно. Мало того. Он извинился перед девушкой, что не все ей рассказал об особенностях жизни немецкого города и общественного транспорта. После небольшой полемики с пострадавшей он выдал ей на-гора небольшое наставление, инструктаж. Он чем-то напоминал боевой приказ начальника своему подчиненному: 1. Прежде чем занять место в общественном транспорте, сначала посмотри кто сидит с тобой рядом или стоит. Если есть подозрительные типы — лучше пересядь. 2. В случае резкого торможения транспорта — в один миг упрись обеими ногами в сиденье напротив. Не забудь выкинуть также обе руки вперед. Во время движения никогда не стой без опоры. 3. Всегда и везде действуй по обстановке...

Указания старожилы города девушке очень понравились. Она то и дело смеялась, словно ее направляли на специальное задание по наведению порядка в общественном транспорте или на поимку бандитов.

После продолжительных наставлений Васильев улыбнулся, слегка потрепав девушку по плечу, на полном серьезе подытожил:

— Олеся, я тебя очень прошу... Береги себя, ведь жизнь это главное для любого человека. Это особенно очень важно для тебя, ведь ты такая молодая...

Глава пятая. *Поздняя любовь*

Прошло три дня. У пожилого мужчины и молодой девушки за это время ничего особенного не произошло. Все и вся было по-прежнему. Пенсионер Васильев жил своей обычной жизнью. Мизерного жалованья хватало только на самое необходимое. Жить в принципе можно было и нужно было. Он смотрел немецкие передачи о той стране, откуда приехал. Как правило, сильно переживал. Жизнь в России, особенно в глубинке, была ужасающей. Люди влачили жалкое безрадостное существование...

Через неделю Васильеву исполнялось 70 лет. При этой мысли он слегка покачал головой. Радовало то, что он столько прожил. За эти годы он многое видел и многое сделал. Строил коммунизм, исполнил интернациональный долг в сопредельном государстве. Затем была перестройка и развал огромной страны под названием СССР, его родины...

В его бытность жили и умирали многие кормчие партии и государства. Ушли в мир иной и кое-кто из его родных, близких людей. Умерла Полина, его жена, самая любимая женщина. Умер и его боевой командир Владимир Астахов.

Васильев тяжело вздохнул. До сих пор он ничего для его внучки не сделал. Все и вся оставалось на нуле. Несмотря на это, он не опускал руки. Он всем нутром чувствовал, что праздник жизни придет и к Олесе...

Старика радовало и то, что у него был любимый внук Владимир. Он назвал его в честь своего командира Владимира Астахова, который спас ему жизнь. Благодаря ему жил и здравствовал дед и внук. Володя окончил Штутгартский университет, факультет информатики. Юноша учился блестяще. Он ни только много знал, но и многое делал своими руками. После окончания вуза талантливый программист имел право выбора работы. К удивлению деда внук заманчивые предложения фирм из Германии, Австрии и Швейцарии напрочь отгнул. Он выбрал российский город Краснодар, где через полгода открыл свое дело и наладил контакты с ведущими фирмами Европы. Кумекал он сам, кумекал и со своим другом Евгением. Протокин, как и Астахов, были однокурсниками, учились на одном факультете. Различие состояло в том, что один из них был внуком гражданина ФРГ, другой – внуком крупного предпринимателя из Москвы.

Иван Васильев сначала сильно переживал за любимого Володьку, который очень рано остался без родителей. Ему было всего пять лет, когда они развелись. Отец через некоторое время вообще исчез в неизвестном направлении. Мать не стала его разыскивать. Знала, что все будет без толку. После развала Советского Союза во всех учреждениях царил анархия и неразбериха. Чиновники

заботились лишь о том, как быстрее набить собственные карманы. Им было не до копеечных алиментов.

Дальнейшее воспитание и обучение внука Васильев взял на себя. Он помогал ему во время его учебы в России, затем в Германии. Дед души не чаял в своем наследнике. Молодой парень был не только настырный, но и сторонился девушек. Он только пару раз был на дискотеках. Все время был занят учебой. Ей принадлежало и свободное время, которого студент имел очень мало. Каникулы также принадлежали ей. Особое внимание Владимир уделял изучению английского языка. Немецкий ему давался без особого труда. Ему помогало то, что дед общался с ним только по-немецки.

Васильев о своем внуке Олесе Астаховой ничего не рассказывал. Каких-либо вещей, фотографий, которые бы свидетельствовали о присутствии другого человека, в квартире также не было.

В отличие от своего наставника у Астаховой жизненный тонус был на самой нижней отметке. Прошло два месяца. Ее мечты до сих пор не сбылись. Она все больше и больше уединялась в небольшой комнате и впадала в раздумья. В голову девушки приходили мысли, от которых ей хотелось поплакаться, а лучше разрыдаться. Она уже нисколько не сомневалась, что через две недели, согласно обратному билету, она сядет в знакомый автобус «Одри» и вновь поедет в свою Украину. Приедет в земное небытие, которого она страшно боялась. Она, без всякого сомнения, будет искать хоть какую-нибудь работу, пусть даже не по специальности. Без денег невозможно жить.

Была пятница. Астахова пришла к окончательному выводу. За завтраком надо поговорить с Васильевым и окончательно поставить точку над «і». Она была категорически против поиска женихов. Искать работу, чтобы положить в карман пару евро, ей не разрешалось. Изложить свои откровения блондинке не удалось. Помешал этому Васильев, у которого было приподнятое настроение. Он во время завтрака рассказал Олесе пару анекдотов из жизни немецких политиков. Сказал он и о том, что надо усилить поиск женихов для красивой невесты. Астахова на предложения наставника даже словом не обмолвилась. Она лишь кисло улыбнулась и утвердительно кивнула головой. Свои потаенные мысли блондинка оставила до следующего раза. Сейчас не хотела портить настроение пожилому мужчине.

Через час квартира Васильева опустела. Хозяин поехал к своему другу Истомину, который в этот день улетал в Египет. Он уже давно мечтал посмотреть знаменитую пирамиду Хеопса, египетского фараона. Перед отлетом мужчины хотели еще раз напомнить о себе, да и просто-напросто пообщаться.

Не усидела в четырех стенах и Астахова. Она решила также развеяться. На этот раз в центр города она не поехала. Остановила свой выбор на близлежащих окрестностях. Она неспеша прогулялась по жилому району «Цуффенхаузен», затем незаметно очутилась в микрорайоне «Рот». Уже где-то к полудню оказалась в супермаркете «Альди», продовольственный магазин находился на жилом

массиве «Фрайбург». Туристка из Украины делала все возможное, чтобы не отягощать расходами своего наставника. Один раз в неделю, как правило, закупалась на свои деньги.

Астахова стояла неподалеку от кассы и совершенно случайно обернулась назад. У полки со специями стоял молодой мужчина и что-то внимательно рассматривал на красочной этикетке. Блондинка слегка улыбнулась и отметила про себя. Среди толпы покупателей, которая напоминала собою многонациональный муравейник, этот человек выделялся особо. Ни только правильными чертами лица и белой кожей, но и своей фигурой. Астахова неспеша выложила свои покупки на транспортную ленту и вновь обернулась. Мужчина на этот раз стоял возле полки с мясными продуктами. У женщины радостно екнуло сердце. Она про себя подумала: « Этот немец, оказывается, довольно красивый. Он, скорее всего, к тому же и не дурак».

Закупив продукты питания, Астахова направилась в русский магазин «Кливер». Ей нравились русские вафли. Она любила их в детстве, любила и сейчас, когда ей перевалило за четверть века. Затем она направилась домой. Шла неспеша, довольно часто останавливалась. При этом она слегка прикрывала свои голубые глаза и махала рукой солнцу, которое в этот день, а точнее уже под вечер, светило по-особому. Она просила вечное светило, чтобы он дарил свои лучи не только ей, но и всем хорошим людям.

Астахова открыла дверь квартиры и тут же обомлела. Перед ней стоял молодой человек, который пару часов назад в прямом смысле запал в ее сердце, в ее душу.

В этот вечер на просторном балконе господина Васильева запахло жареным. Жильцы шашлычили. Заводилой в небольшой компании и хозяином электрошашлычной был внук Васильева. Владимир приехал на семидесятилетие своего деда. Он никогда не забывал самого близкого для него человека. Не забывала своего деда и Олеся Астахова.

Васильев со слезами на глазах поднял тост за своего внука. Он ни от кого не скрывал, что он был для него самой дорогой ценностью на этой земле. Всплакнула и Астахова, когда увидела своего наставника в этот вечер очень жизнерадостным и необычно оживленным. Через некоторое время Васильев, сославшись на усталость, покинул молодых людей. Оставил их наедине. До самой полуночи предприниматель из России и безработный философ из Украины разговаривали между собою. Они общались то по-русски, то по-немецки. Довольно часто тыкали, иногда называли друг друга на «Вы». Официальность их не пугала, наоборот, она молодых людей сближала.

Была глубокая ночь, когда Астахова оказалась в постели. Она вновь погрузилась в мир размышлений. Они в корне отличались от вчерашних, которые были мучительно-неприятными. Она впервые после смерти своего любимого деда Владимира вновь почувствовала себя человеком.

Человек, живое существо, обладающее даром мышления и речи, есть нечто необычное на этой земле. Астахова уже давно мечтала о нормальной человеческой жизни, с ее радостями и заботами, с другими передрыгами. Без этого жизнь, как особая форма существования материи, физиологическое существование человека, невозможна.

Одновременно она хотела любить и быть любимой. Ощущать каждый миг и каждый шаг любимого мужчины, его нежность и заботу. В эту ночь она не обманывала себя. Появление Владимира в один миг изменило ее миропонимание. Он ворвался в ее жизнь, как смерч, возникший в грозовом облаке, которое то и дело пугало молодую женщину. К ее удивлению, этот вихрь разогнал все тучи и на небосклоне появилось солнце. Имя которого была Любовь. Олесе с первого взгляда понравился мужчина, покупатель немецкого супермаркета «Альди». Мало того. Дружеское общение, которое произошло в этот прекрасный вечер, в стократ укрепило ее чувство сердечного влечения к внуку Васильева. И это ощущение, которое Астахова еще никогда в жизни не испытывала, с каждым ее вздохом крепло, углублялось и превращалось в нечто святое, неотъемлемое внутреннего мира ее души. По возрасту оно было очень молодое и прекрасное. И с этим она связывало свое будущее.

Астахова улыбнулась и вновь очутилась в мире грез о счастье. В первую очередь, она жаждала любви. Именно она олицетворяла ее будущее, определяла чистоту и прелесть жизни. Ей хотелось, чтобы ее любовь всегда была очаровательной, вечно юной, звенящей как весенний ручей, внезапно появившийся среди тающих снегов.

Она почему-то не сомневалась, что дружба с этим молодым мужчиной, ее влечение к нему не будет ошибкой. Любовь, благородные чувства друг к другу не делают ошибок. Эти ошибки невозможно восполнить, как невозможно изменить или переделать, или вернуть. Главное в жизни – любовь к человеку, к семье, детям. Уважительное отношение к близким тебе людям. И предтечей этому являлась любовь мужчины к женщине, женщины к мужчине. Без этого невозможна человеческая жизнь. Любовь ее главное сокровище, которое, как и человеческие шедевры, за деньги не рождаются. Настоящая любовь не приносит боли. Боль приносят те, кто не умеет любить...

На следующий день «заумные и красивые», так успел окрестить молодых людей Васильев, отправились гулять по городу. Сначала хотели ехать в его центр, но потом передумали. Они, как оказалось, оба не любили шумный мир, тем более, обилие гостей из всего света. Владимир первым предложил девушке уединение, она охотно согласилась. Через полчаса они сидели на окраине огромного парка и внимательно рассматривали реку Некар, которая протекала среди небольших холмов.

Во время разговора блондинка, как правило, молчала. Она лишь слегка кивала головой своему партнеру, нередко улыбалась. И на этот раз Астахова занимала выжидательную позицию. Он и вчера ее придерживалась. Причина этому была

довольно банальная. Она хотела как можно больше знать о человеке, которого, без всякого сомнения, полюбила. Полюбила с первого взгляда, полюбила навсегда.

Высокий молодой человек со статной фигурой и с правильными чертами лица делился своими планами на будущее. При этом он то и дело приглаживал рукой свои темно-русые волосы на голове. Бизнесмен, к удивлению философа, свои планы связывал с Россией. Запад, в том числе и Германия, его не привлекала. Несмотря даже на то, что он в этой стране прожил десять лет. Чем больше Олеся слушала внука Васильева, тем больше соглашалась с его доводами.

Был поздний вечер, когда молодая чета пришла домой. Васильев уже спал. Олеся, как всегда, приняла душ, затем направилась в свою комнату. Включила настольную лампу, приблизилась к кровати и неожиданно для себя увидела на подушке небольшой конверт. Неспеша его вскрыла и вынула из него стандартный лист писчей бумаги. На нем было написано: « Великий философ! Я Вас очень люблю. Прошу Вашей руки. С уважением твой Владимир».

Астахова улыбнулась и неспеша присела на краешек стула, стоявшего возле кровати. Она вновь прочитала послание жениха. Она не кривила своей душой. Дюжина слов, написанных каллиграфическим почерком, в один миг перевернули ее жизнь. И ни только жизнь. Они в корне изменили и ее будущее. Олеся почему-то уже не сомневалась, что Владимир и она будут мужем и женой, одной семьей. Она приподнялась со стула и подошла к окну. Слегка его приоткрыла и затаила дыхание. Извне доносился громкий храп. Астахова невольно улыбнулась. Владимир напросился спать на балконе, предпочел мягкой постели раскладушку. Хотел дышать свежим воздухом. Астахова очень осторожно закрыла окно, затем неспеша разобрала постель. В эту самую счастливую для нее ночь она спала без сновидений.

Необычным для Астаховой было и наступившее утро. Едва она открыла глаза, как увидела перед собой молодого статного мужчину, на нем был одет спортивный костюм. В его руках был большой букет алых роз. Олеся от неожиданности широко улыбнулась, взяла в обе руки цветы и еле слышно прошептала:

— Мой любимый принц, я тебя ждала всю свою жизнь... Я люблю тебя, Владимир...

От стремительного наплыва чувств девушке сделалось дурно. Васильев некоторое время стоял, словно вкопанный. Скорее всего, он еще не понимал полуобморочного состояния девушки. Затем он улыбнулся и внимательно посмотрел в ее голубые глаза. Они все больше и больше его притягивали. Он с облегчением вздохнул и в один миг стянул с себя одеяние. Потом сорвал с лежачей одеяло и прильнул к ее губам. Нагая, несмотря на нехватку воздуха, с огромным удовольствием принимала специфическое выражение приветствия, любви, ласки и уважения, которым ее одаривал любимый мужчина.

Через некоторое время влюбленные вновь опустились на грешную землю. Первым пришел в себя мужчина. Он улыбнулся, затем осыпал лицо любимой розами и на полном серьезе произнес:

— Олеся, я думаю, что ты прочитала мое послание... — После короткой паузы продолжил. — Я прошу тебя, моя любимая, будь моей женой...

Астахова в ответ ничего не сказала. Она лишь слегка утвердительно кивнула головой. Слезы радости все больше и больше застилали ее глаза. Внезапный прилив чувств, который он до сих пор в своей жизни не испытывала, затруднял ее дыхание. Она повернулась на бок и уставилась глазами в окно. Ей казалось, что яркие лучи солнца приветствовали ее решение.

Предложение молодого мужчины для Астаховой не было полнейшей неожиданностью. Она провела с ним наедине не так уже и много времени. Однако этого было достаточно для взаимного понимания. Она все больше и больше убеждалась в том, что ее избранник не был маменьким сынком. Импонировало ей и его образование. И ни только это. Владимир, скорее всего, обладал природным умом и талантом. Блондинка во время общения довольно редко задавала ему вопросы. Если и задавала, то они были в большей степени каверзными. Симпатичная особа улыбалась, когда информатик изыскивал всевозможные пути для полного ответа на поставленный вопрос. При этом он нередко чесал рукой свой затылок, словно в задней части его черепа был информационный центр или что-то ему подобное. Олеся, дойдя до истины, с нескрываемым восторгом слушала правильный ответ своего любимого мужчины. Слушала и при этом ее душа радовалась, да и она сама от счастья была на седьмом небе.

Мало того. Страстный поцелуй, которым одарил ее любимый мужчина, для Астаховой был в ее жизни первый. При этой мысли она усмехнулась, хотя ухажеры за ней ходили хвостом. Ловеласы по возрасту и социальному положению были разные, начиная от уличных бомжей или студентов и заканчивая маститыми профессорами и новыми русскими. Красивая блондинка их не замечала. Сначала не до этого было. Студентка напряженно училась, затем грезила аспирантурой. Потом пришла к однозначному выводу. Все это «мужичье» бегало за нею ради одно — насладиться ее плотью и только. Она вновь улыбнулась. Чего только ни делали кандидаты в женихи, чтобы оказаться в постели со смазливой блондинкой!? Одни предлагали протекже для успешной научной карьеры, другие — деньги или заморские путешествия. Молодая женщина довольно часто раздумывала над предложениями женихов. И в итоге им показывала от ворот поворот. Поцелуй любимого мужчины, как сейчас казалось Астаховой, навсегда исцелил ее от напасти, которая преследовала ее последние годы.

В мире потаенных мыслей находился и внук Васильева. Он то и дело хвалил себя за то, что прежде чем войти в квартиру деда, он посетил супермаркет «Альди». Вместе с тем он не обманывал себя. Пристальный взгляд симпатичной блондинки, стоявшей возле кассы, он просто-напросто пропустил мимо своих ушей. Было не до этого. Он почти полчаса шатался по магазину, искал деду торт

«Наполеон». Кондитерское изделие из сладкого сдобного теста с кремом, фруктами было его любимым лакомством. Полюбил это блюдо и внук. Без сладкого десерта, как правило, не обходилось ни одно торжество в семье Васильевых.

Неожиданное появление блондинки, которую Владимир видел пару часов назад, и то мельком, на какой-то миг его ошеломило. Он стоял перед открытой дверью и с непониманием таращил глаза на симпатичную блондинку. Затем перевел взгляд на своего деда. Лишь после того, как тот утвердительно кивнул головой, он жестом руки пригласил девушку войти в коридор.

Наступило воскресенье, день семидесятилетия Ивана Васильева. Торжество провели в турецком ресторане «Ефрат». Компашка была небольшая, в ее составе были сам именинник, его внук и туристка из Украины. За время пребывания в Германии Васильев настоящих друзей не завел. Его друг Истомин находился в Египте. У Владимира также не было друзей. Астахова на немецкой земле жила на на птичьих правах.

День клонился к вечеру, когда после дюжину здравниц в честь юбиляра, слово очередной раз взял его внук. Молодой человек привстал из-за стола и подошел к девушке, сидевшей напротив. Затем положил руку на ее плечо и обернувшись к деду, несколько взволнованным голосом произнес:

— Мой любимый дедушка... В этот торжественный для тебя день я хочу сказать тебе следующее...

Увидев слезы на лице своей любимой, Владимир несколько зарделся. Сказывалось волнение. Пунцово-красной была и физиономия Олеси. Юбиляр сразу же заметил замешательство среди близких ему людей. И тут же пришел им на помощь. Он улыбнулся и с притворным непониманием происходящего спросил:

— Молодые люди, у Вас новый тест по случаю моего юбилея? Или какие-то тайны, которые мне до сих пор еще неизвестны?

К удивлению пожилого мужчины он не обескуражил неожиданным вопросом своих компаньонов. Они слегка напыжились, и словно по команде, почти в один голос произнесли:

— Мы любим друг друга и хотим создать семью...

Заявление молодых Васильева не повергло в шок или в отчаяние. Он многие годы наблюдал за своим внуком. И все больше и больше убеждался, что Владимир навряд ли найдет подругу жизни из здешних девушек. Мало кто из них стремился обзавестись семьей. Многие хотели только карьеру или блага. Были и те, кто хотел вообще жить нахалевку. В том, что внучка умершего командира батальона была ни только красивой, но и порядочной девушкой, старика очень радовало...

Юбиляр сжал зубы, чтобы не расплакаться, затем наполнил хрустальные фужеры шампанским и несколько взволнованным голосом произнес:

— Дорогие мои дети... Я очень счастлив, что вы нашли друг друга... За вашу любовь, за ваше совместное счастье...

После здравицы Васильев подошел к молодым. Обнял и крепко их расцеловал.

На следующий день Васильевы держали семейный совет. Владимир без всяких обиняков поделился своими замыслами. Его командировка к деду была в какой-то степени бессрочной. Он искал контакты и организовывал взаимовыгодное сотрудничество между российскими и немецкими фирмами. Посредничество приносило его фирме ни только прибыль, но и давало возможность все больше и больше заявить о себе.

Прошла неделя. Она пролетела, как один день. За это время обитатели трехкомнатной квартиры напряженно работали. Владимир совершил деловые поездки в Мюнхен, Лейпциг и Вольсбург. Появилась экономическая жилка и у его деда. Он сидел дома и названивал своим знакомым, искал любую зацепку для реализации планов своего любимого внука. Не сидела без дела и Астахова. Для начала она основательно ознакомилась по интернету с фирмой своего жениха «Автоцентр-Германия». Немного расстроилась. Довольно большое российское предприятие на Западе было малоизвестным.

В отличие от невесты жених не впадал в панику, держал хвост пистолетом. Причиной этому был растущий интерес немецких автомобилестроителей к югу и центральной части России.

Не был в отчаянии он и тогда, когда его невеста заявила о том, что через пару дней ей необходимо уехать на Украину. Заканчивался срок действия обратного билета. Владимир набрал номер фирмы «Kaufmann-Reisen» и буквально через десять минут уладил ситуацию. В бюро обещали вернуть деньги назад, перевести на банковский счет его деда.

Толковый и серьезный подход молодого мужчины к разрешению проблем Астаховой очень нравился. Она улыбалась и невольно вспоминала своего деда. Он никогда не унывал, всегда бодрился. Жизненные перипетии, наоборот, его закаляли, вынуждали искать всевозможные пути выхода из трудных ситуаций. И ни только это вызывало симпатии у девушки к своему избраннику. Она с каждым его шагом, даже взглядом чувствовала, что именно он и никто иной может сделать ее счастливой женщиной на этой земле. И в то же время она видела, как светились от радости глаза молодого мужчины, когда она ему в знак согласия кивала головой или надувала губы, то есть не одобряла его затею.

Прошла еще неделя. В отличие от предыдущей она была временем для решения личных проблем влюбленной парочки. Жених с большой охотой поехал с невестой в город Росслау, где сорок лет назад служил ее дед Владимир. Они

побывали ни только в военном городке, который сразу же после объединения Германии был снесен, но и в доме, где родилась Лариса, мать Олеси Астаховой.

Не противился Владимир и тому, что прежде чем ехать в г. Краснодар, где находилась его фирма, слетать в Омск, на малую родину Олеси. Астахова сначала об этом даже боялась говорить, не говоря уже что-либо просить. Ее пугали баснословные расходы и нехватка времени у молодого предпринимателя. Жених и на этот раз проявил к невесте великодушие. Он слегка хлопнул рукой по ее плечу и несколько загадочно произнес:

— За поездку в Сибирь я обеими руками... Я в этом суровом краю никогда еще не был...

Заметив удивленный взгляд любимой женщины, он скрестил свои руки перед собой, и словно самодержавный монарх, по воле которого все падали ниц, с некоторым пафосом в голосе подытожил:

— Сибирь – это все... Ведь недаром великий Михайло Ломоносов в свое время говорил: «Могущество российское будет прирастать Сибирью»...

Астахова залилась смехом. Ее рассмешила ни только величественная поза любимого человека, но и его согласие посетить могилу ее деда. Через некоторое время она неожиданно сникла. Ей почему-то уже не хотелось ехать в Сибирь, не рвалась она и в Омск. Она очень плохо переносила зиму, особенно сильные морозы. Ей овладевало чувство печали, когда она садилась в промерзшие трамваи или автобусы...

Вскоре блондинка оставила свое мимолетное уныние. На дворе был сентябрь, его начало. Мало того. Она всегда любила свою родину, свой родной край. Она улыбнулась, невольно вспомнила курьезный случай, который произошел с нею за пару часов до отъезда в Германию.

Центральный автобусный вокзал в Днепропетровске не отличался особой красотой или архитектурой. Не говоря уже об уюте или культуре обслуживания. Довольно мощное здание, построенное в годы Советской власти, требовало капитального ремонта, в худшем случае, косметического. Едва Астахова вышла из такси и направилась в сторону главного входа, как тут же споткнулась. Причиной этому были огромные бетонные плиты, некоторые из них из-за своей ветхости разрушились или заросли травой. Как назло, еще моросил дождь. Большой чемодан, который был до отказа набит одеждой, в один миг полетел в сторону. Его владелица также оказалась не в лучшем положении. Она лежала пластом на мокром цементном полу и скрипела зубами. Неудачное начало могло привести и к неудачному финишу. Внезапно ее кто-то окликнул:

— Молодая красавица, Вы не против если я протяну Вам руку помощи?

Астахова слегка приподнялась, затем неспеша повернула голову и с некоторым придыханием в голосе тихо прошептала:

— Конечно, я не против...

Сказать что-либо еще она не могла. Это было вызвано ни только физической немощью, но и чувством стыда, которое она испытывала перед мужчиной.

Незнакомец подошел к молодой девушке, стоявшей на четвереньках, и обеими руками взял ее за плечи. Астахова, еще до конца не понимая происходящего, тотчас оказалась в «правильной позиции». Ее ноги прочно стояли на земле, руки были по швам. Голова была поднята кверху. Положение тела блондинки во многом напоминало стойку молодого солдата или осанку ее деда Владимира, который по утрам занимался физической зарядкой. При этой мысли она едва заметно улыбнулась. Затем кинулась к чемодану, он лежал в двух метрах от нее. Дотянуться до вместительного для ручной перевозки вещей ей не удалось. Молодой симпатичный мужчина ее опередил. Он быстро взял чемодан в правую руку, слегка его потряс и с нескрываемым интересом произнес:

— Даже не зная имени красавицы, мне все-таки ее придется спросить... — Затем он широко улыбнулся, продолжил. — И куда с таким баулом едет красивая блондинка из страны, имя которой самостийная Украина?

Упоминание о независимой Украине в какой-то мере привело девушку в чувство. Она почти два года жила у своей матери и никаких улучшений в своей жизни не видела, не говоря уже о другом. Астахова слегка осклабилась, потом не то в шутку, не то всерьез с явным сарказмом в голосе выдавила из себя:

— Как куда? — Несколько переведя дух, продолжила. — Все туда же, где лучше и где легче...

Мужчина, увидев недовольную физиономию девушки, решил больше не докучать ей своими расспросами. Он слегка покачал головой и двинулся к главному входу автовокзала. Через пару шагов он остановился, обернулся и с улыбкой на глазах произнес:

— Девушка, я поднимусь на второй этаж, а Вы идите, пожалуйста, в женское заведение и приведите себя в порядок. — Заметив нескрываемое удивление на лице молодой особы, он совершенно спокойно продолжил. — О своих вещах не беспокойтесь, все будет в порядке... — Затем он вновь продолжил путь. И тут же до растерянной блондинки донеслось:

— Помогать людям, беречь их от бандитов — моя обязанность...

Астахова, не зная почему, ускорила шаг, скорее всего, не верила в искренность незнакомого мужчины. Угнаться за ним она не могла. Причиной этому были не только ее физические способности, но и внезапная боль, появившаяся в левой ноге. Она слегка понурилась, открыла свою дамскую сумочку, и убедившись в ее целостности, и в сохранности документов, очень медленно направилась в женский туалет.

Открыла дверь и тут же сникла. Перед ее глазами стояла металлическая вертушка, чем-то напоминавшая проходную на заводах или в общежитиях. Молодой философ ехидно улыбнулся, подобные препоны он уже порядком подзабыл. Астахова неспеша приблизилась к кабине и просунула пять гривен в окошечко, кассиром была пожилая женщина. Затем намотала на руку приличный кусок туалетной бумаги, направилась в уборную. И сразу же кинулась к зеркалу. Стекланный предмет с отполированной поверхностью был страшно помутневшим, скорее всего, от влаги, или, возможно, от специфического запаха, который господствовал в небольшом помещении. Увидев свое отражение, Астахова от испуга слегка вскрикнула. Ее длинные белые волосы были взлохмаченные, словно у циркового шута или морского водолея. На лбу была небольшая ссадина, из нее сочилась кровь. Досталось во время падения и одежде. Джинсовый костюм был во многих местах в грязи...

Мужчина, поневоле ставший свидетелем трагикомического падения красивой блондинки, молодежато поднялся наверх и присел на одну из металлических скамеек, стоявших в небольшом холле. Затем он откинулся на спинку, призадумался. Сиeminутное общение с девушкой, которая наострила лыжи на Запад, в Германию, вынудило его несколько по-иному взглянуть на свое прошлое.

Виталий родился в Днепропетровске, в городе раскинутым по обе стороны реки Днепр. Его становление, как человека, мало чем отличалось от его сверстников. Он сначала ходил в детский садик, затем учился. Во время школьных каникул все время пропадал у своих дедушек и бабушек. Они жили в Любимовке и Илларионове, неподалеку от миллионного города. Сельская, деревенская местность привлекала подростка. Нравился ему и могучий Днепр. Он притягивал его ни только синей гладью воды, но и обилием рыбы. Рыбалка и плавание были любимым занятием школьника в его свободное время. Своему хобби Смирнов оставался верным и сейчас.

Юноша любил и город, где было очень много цветов. Особенно он нравился ему летним утром, когда десятки, а то и сотни маленьких фонтанчиков разбрызгивали воду на газоны — площадки, засеянных травой. В садах, парках, на бульварах, около домов. После окончания школы он служил в армии, в войсках противовоздушной обороны. Войсковая часть находилась в небольшом городе Евпатория, сначала был связистом, потом водителем.

После армии Смирнов связал свою судьбу с полицией. Скорее всего, это была семейная традиция. Работником государственной автоинспекции был его отец Владимир, несколько позже автоинспектором стал и старший брат Виталия.

Разительные перемены на огромном пространстве бывшего Советского Союза, а также активное участие Украины в международной жизни внесли изменения и в структуры административно-исполнительного органа, занимающегося борьбой с преступностью и правонарушениями, охраной порядка, а также личной безопасности граждан и их имущества. Смирнов делал все возможное для реализации своих способностей. Сначала он работал в отделе по борьбе с

экономическими преступлениями, затем был оперуполномоченным по особо важным делам Управления по борьбе с организованной преступностью. Несколько позже нашел применение своим силам в уголовном розыске...

Виталий невольно улыбнулся. Мечта мальчишки ловить преступников, которая в большей мере исходила из советских фильмов и книг, через несколько лет стала реальной действительностью.

И в этот вечер майор полиции Смирнов, начальник отдела Управления по борьбе с преступлениями, связанные с торговлей людьми, оказался на автовокзале не случайно...

На второй этаж Олеся Астахова поднялась минут через тридцать. Не раньше. За это время она привела себя в порядок, несколько успокоилась. Смирилась и с потерей своего чемодана. В том, что его могли украсть, она несколько не сомневалась. Мало того. Похищенный чемодан стал для нее уже не столь большой трагедией. В нем были только тряпки. Документы и деньги, как и проездные билеты, были в ее дамской сумочке.

Молодая блондинка, локоны которой ниспадали на ее крутые плечи, едва поднялась на поверхность, сразу же стала водить своими голубыми глазами по сторонам. Она неслышанно обрадовалась, когда увидела знакомого мужчину. Он стоял возле кассы «Международные перевозки». Рядом с ним находился ее чемодан. Астахова улыбнулась и помахала рукой. Ее сердце вмиг успокоилось. Незнакомец оказался порядочным человеком. В его честности, неспособности к низким, аморальным, антиобщественным поступкам она убедилась буквально через пару минут, когда он пригласил ее на чашечку кофе. За небольшим столиком доселе незнакомые люди разговорились.

Смирнов не без гордости рассказывал о своем родном городе, о своей стране. Кое-что он рассказал и о своей жене Юлии, парикмахерше. С ней он познакомился в микрорайоне города «Приднепровск», когда был ее клиентом в салоне «Красуня». Гордился он и своим сыном Владиславом, школьником. Астахова влюбленными глазами смотрела на симпатичного мужчину и исподволь у нее прирастало к нему чувство уважения. Виталий был на этой земле счастливым человеком. И это было самое главное для него и для близких ему людей.

Астахова радовалась и тому, что Смирнов нашел себе работу по душе, она приносила ему удовольствие, не исключала творчество и собственную инициативу. Симпатичная блондинка ни только внимательно слушала, но и одновременно восхищалась мужеством собеседника. Он помогал людям, которые в силу разных жизненных обстоятельств попадали в сложные переплеты. Его труд ценили ни только коллеги по службе, но и его командование.

Молодой майор любил свою профессию, о службе он думал всегда и везде. Олеся не скрывала улыбки, когда он рассказывал ей о своем сновидении.

Благодаря ему Виталию удалось раскрыть одно из преступлений, связанных с торговлей людьми.

Астахова прекрасно понимала, что офицер не мог делиться с незнакомой девушкой своими служебными тайнами. Она и не тащила его за язык. Она невольно вспомнила своего деда Владимира. Самый близкий человек также многое держал за зубами.

До прибытия автобуса оставалось минут двадцать, не больше, когда Смирнов стал прощаться с красивой собеседницей. Он протянул ей руку и с улыбкой произнес:

— Откровенно говоря, Олеся, меня на Запад и не тянет... — Заметив несколько удивленный взгляд девушки, продолжил. — Украина — моя Родина... И это еще не все. В моей стране очень много талантливых людей, они патриоты...

Астахова утвердительно кивнула головой и еле слышно промолвила:

— Виталий, я не еду в Германию за сладкими пряниками, но меня вынуждает жизненная ситуация... — Затем она улыбнулась и добавила. — Поеду и посмотрю, чем дышит Запад...

Смирнов улыбнулся, слегка похлопал девушку по плечу и сказал:

— Я вижу, что и ты патриотка нашей страны... Одним словом, езжай за бугор, а потом мне расскажешь обо всем...

После этих слов он слегка козырнул и тут же исчез из виду. Астахова пару минут сидела за столиком и переваривала все, что она услышала от офицера полиции с короткой прической. Затем тяжело вздохнула. Она до сих пор не понимала, почему малознакомый мужчина так быстро запал в ее душу и сердце...

Самолет приземлился в аэропорту города Омска точно по расписанию. Вскоре из здания вокзала вышла молодая парочка. Сразу было видно, что она никуда не спешила. Молодые люди, едва вступили на привокзальную площадь, остановились и стали махать руками солнцу, висевшему над их головой. Больше всех вечному светилу радовалась молодая девушка с длинными белыми волосами. Она иногда от радости слегка подпрыгивала или заливалась громким смехом. Молодой мужчина в отличие от блондинки вел себя более серьезно. Он то и дело смотрел по сторонам, словно кого-то или что-то искал. Он с облегчением вздохнул, когда увидел легковой автомобиль с шашечками на борту. Он вскинул руку вверх и такси тут же перед ним остановилось. Водитель, пожилой мужчина на голове которого была сильно поношенная шляпа коричневого цвета, что-то буркнул себе под нос и с явной неохотой положил два рюкзака в багажное отделение. Они только что были за плечами молодых людей.

Блондинка, прежде чем сесть в такси, вновь протянула руки к солнцу, и повернувшись лицом к своему попутчику еле слышно произнесла:

— Володя, вот моя Сибирь, мой город... — Затем несколько поперхнувшись, добавила. — Ну, как Сибирь тебе нравится?

Мужчина слегка улыбнулся, и сделав недоуменное выражение лица, ответил:

— Моя дорогая, мне пока еще очень трудно судить о достоинствах твоего родного города... — После этих слов он быстро открыл заднюю дверь автомобиля и пригласил блондинку в салон. Сел сам и лишь потом продолжил:

— Олеся, мне уже известно, что ты родилась в этом суровом крае... — Молодой человек широко улыбнулся и вновь произнес. — Ты, любимая моя, значит и Сибирь станет для меня любимой...

Астахова от комплимента в ее адрес расцвела в обворожительной улыбке. Она слегка чмокнула своего друга в щечку и тотчас уставилась в окно движущейся машины.

Молодая пассажирка не относилась к старожилам города на Иртыше, но из числа сибиряков себя не исключала. Прошло не так много времени, когда она покинула Омск. Покинула не только из-за личных проблем. Она хотела также попробовать, взять на зуб Запад, его образ жизни.

Небольшая скорость, с которой ехало такси, сибирячке нравилась. Она с большим вниманием рассматривала все то, что было на ее пути. Она сразу же поняла, что 300-летний юбилей города не прошел даром. Похорошели улицы, стало больше зеленых насаждений.

Немецкий предприниматель Владимир Васильев и его невеста поселились в гостиничном комплексе «Иртыш». Он находился в одном из красивых уголков города – в Старозагородной рощи, на берегу Иртыша. Он представлял собой пятиэтажное здание современной постройки. Влюбленная парочка выбрали себе двухместный номер с балконом, с видом на реку.

Прошла неделя. Для молодых людей она была напряженной и достаточно результативной. Владимир и Олеся все и вся делали вместе. Они сначала посетили администрацию области, поговорили с чиновниками. Побывали в районных центрах Омского Прииртышья: в Калачинске, Азово. Не обошли они стороной и местных предпринимателей. Встретились также и с некоторыми немецкими специалистами, работавших в Омске и области.

Васильев был очень рад, что он сделал довольно большой крюк в сторону, на родину своей невесты. Его желание увидеть Сибирь, Омск окупилось сторицей. Местные фирмы были не против того, чтобы молодые специалисты из Германии оказывали посредническую помощь в налаживании контактов экономического сотрудничества между двумя странами. Были возможности для малого и среднего бизнеса.

Наступила последняя декада сентября. На землю Омского Прииртышья пришло настоящее бабье лето. Температура зашкаливала за 20 градусов тепла. Олеся

Астахова, особенно ее дед Владимир, любили это время года, преддверие осени. Название «бабье лето» было дано этому периоду в честь женщин, которые по поверью обладали силой, способной возвращать назад времена года. Об этом Олеся слышала от своего деда, кое-что читала и сама.

Астахова, недолго думая, отбросила все дела и решила съездить в Называевский район, где родился и вырос ее любимый дедушка. Она прекрасно знала, что жители города и села по-разному чувствовали и воспринимали бабье лето, поистине уникальный дар природы. Васильев не противился своей любимой женщине. Вечером они заказали напрокат машину и утром следующего дня были в деревне. Романовка была ни только малой родиной Владимира Астахова, но и нередко исходным пунктом для похода горожан за грибами. Для мужчины средних лет и его внуки с белыми волосами.

Все то, что увидели молодые люди, их шокировало. Деревни, как таковой, вообще не было. Вместо некогда стоявших полусгнивших избышек были огромные заросли пожухлой крапивы и конопли. Они проехали по главной улице деревни, она была безжизненной, мертвой. Свернули на следующую и здесь была подобная картина. В деревне никто не жил, ни люди, ни бродячие собаки. Об этом в очередной раз свидетельствовали не только заросшие дороги, в недалеком прошлом они были даже покрыты асфальтом, но и заброшенное кладбище.

От безысходности глаза Астаховой стали влажными, она стала всхлипывать, словно маленький ребенок. Васильев принялся ее успокаивать. Он не ожидал, что безлюдье и жалкие останки умершей деревни так сильно подорвут душевное равновесие его любимой женщины. Одновременно он не обманывал себя, подобное он в своей жизни видел впервые.

Через некоторое время старенький «Мерседес» черного цвета оказался перед лесом, раскинувшимся по обе стороны заросшей проселочной дороги. Водитель остановил машину и вышел из нее. Пассажиры последовали его примеру. Сначала молодые люди молчали и словно по команде водили своими глазами по сторонам, то слева направо, то справа налево. Затем они почти одновременно упали на колени и с огромным усердием стали вбирать в свои легкие огромные порции воздуха. Он был свежий и целебный. Подобная процедура, которая, без всякого сомнения, была бы посторонними людьми не правильно понята, продолжалась недолго.

Первой в чувства от увиденной красоты леса и несколько прохладного воздуха пришла Астахова. Она повернулась к любимому мужчине и со слезами на глазах произнесла:

— Володюшка, смотри какая красота, какой воздух... — Слегка вздохнув, продолжила. — Все же какой красивый мой родной край, не правда ли?

Мужчина оставил девушку без ответа. Он все еще любовался сибирской природой, ее необычными дарами. Ему нравился этот огромный лес, украшенный цветистыми флагами. Каждое дерево, каждый кустарник из многоцветной мозаики

природного ландшафта выделялся по-своему, выпячивал собственное «Я». Березы с еще неопавшими листьями в большинстве своем хвалились желтизной. Слегка шелестели своими красно-круглыми листьями и осины. Не давали себя в обиду и низкорослые кустарники, растения с древовидными ветвями, не имеющие главного ствола. Среди них преобладали заросли шиповника. Владимир, как и его дед, довольно часто заваривали высушенные плоды кустарника, пили шиповниковый чай...

Радовало молодых людей не только лес и свежий воздух, но солнце. Оно в этот день, как им казалось, светило по-особому, светило только для них. Скорее всего, это было сущей правдой. Вокруг было ни души, ни построек, ни снующих автомобилей. Была только одна природа, она была несколько даже дикой, и парочка влюбленных, которые в силу жизненных обстоятельств оказались в этой неземной глуши.

Астахова подошла к опушке леса, затем остановилась. Невольно сжала зубы. Она впервые вошла в знакомый для нее березовый колос без деда. Не слышно было его голоса, не было его и замечаний. Она со слезами на глазах сделала несколько шагов вперед и невольно наступила на пышный цветной ковер, сплетенный из множества разноцветных листьев. Ковер, созданный природой, под тяжестью девушки кое-где прогибался, иногда издавал специфический хруст. Во время ходьбы она то и дело сбрасывала с себя или отводила руками в сторону белые нити, которых в этом колке было видимо-невидимо.

Внезапно под ногой Астаховой что-то хрустнуло. Она наклонилась и очень осторожно разгребла рукой небольшую кучку листвы попеременно с засохшей травой. От неожиданности улыбнулась. Она нашла очень маленький гриб. Дед называл его сухим груздем. Олеся слегка присела и через пару минут в ее руках было около дюжины подобных грибов. Она приподнесла их к носу и тотчас до нее донесся неповторимый аромат, который она не так давно испытывала вместе с дедом, заядлым грибником. Искать с ним грибы для внучки было огромным удовольствием. Он не только учил ее мастерству в поиске даров природы, но и давал наставления, учил жизни, уму-разуму. Лишь после того, как дед набирал полную корзину грибов, он позволял себе короткий отдых. Внучка, как правило, к этому времени свою маленькую корзинку не набирала. Дед тяжело вздыхал, но от своих принципов не отступал. Терпеливо ждал остающегося. В это время он не лодырничал, что-то писал в записной книжке или звонил по мобильному телефону.

Через некоторое время внучка подходила к деду и с горделивой осанкой ставила перед ним свою добычу. Затем тяжело вздыхала. Ей еще предстояло пройти контроль качества своих продуктов. Дед брал нож и в прямом смысле кромсал грибы, которые были червивыми или вызывали у него подозрение. В итоге грибная продукция внучки, как правило, уменьшалась вдвое. Не спасали ее и поблажки деда, ей разрешалось брать все грибы, за исключением мухоморов. В конце концов Астахов сдавался, помогал своей любимой внучке. Возвращаться домой с пустыми корзинками или вообще без грибов было не в его правилах...

Пред самым отъездом в Краснодар Астахова и ее друг посетили кладбище, где покоился ее дед. И в этот день было солнечно, необычно тепло. Молодые люди преклонили колена перед могилой бывшего офицера Советской Армии, предпринимателя. Олеся долго сдерживала слезы, но в конце концов не выдержала. Разрыдалась. Плакал и ее жених. Затем влюбленные помянули усопшего, выпили по-русскому обычаю. Внучка возложила на могилу любимого деда большой букет алых роз. Они у Владимира Астахова были любимыми...

Владимир Великий родился 25 сентября 1950 года в деревне Драгунка Называевского района Омской области РСФСР (СССР). С 26 декабря 1999 года живет в Германии, в Штутгарте.

Жизненный путь доктора истории, писателя и публициста есть повседневное творчество, творчество многоплановое. Он автор и соавтор многих книг, других научных трудов. Он опубликовал восемь романов.

Жизнь В. Великого была одновременно и тернистой. Его попытка выступить против устоев тоталитарного режима в СССР закончилась трагически. Его насильно упрятали в психушку. Многие годы он находился под контролем партийных и других органов.

E-Mail автора: vladimir.welikij@gmx.de

Герои очередного романа В. Великого «Бабье лето» – семья Астаховых, люди разных поколений. Каждый из них жил в свое время, жил своими идеалами. Несмотря на имеющиеся трудности, они делали все возможное для реализации своей мечты.

Симпатичная блондинка Олеся Астахова ищет свое счастье, как и своего избранника, в Германии. Она выполняла наказ своего деда Владимира...

Удалось ли ей осуществить свои желания, читатели узнают после прочтения очень интересной и захватывающей книги.